Джонатан Свифт

(30 ноября 1667 — 19 октября 1745)

Предисловие издателя

Публикую это в своей библиотеке, потому как библиография, которая заявлена автором, и чему я вынужден верить на слово, и эссе вполне подходят для этого. А кто автор – какая разница? Может быть, это я сам, может быть, автор - мой знакомый, может быть, их несколько, а, может быть, я это получил анонимно по электронной почте. Просмотрев кое-какие книги из своей библиотеки, замечу, что автор местами бесстыдно списывает у Яковенко, Левидова, Дейча, Муравьева, Теккерея, Ингера и такого уважаемого писателя, как сэр Вальтер Скотт. Если они явятся и заявят свои авторские права, то предупреждаю – я к этому делу не имею никакого отношения!

Предисловие автора

Удивительно, что при такой громадной биографической литературе о Свифте, обыватели о нем так мало знают, а читали и того меньше, разве что пересказ двух книг «Гулливера» в детстве. А между тем, о том, кто такой Свифт, споры ведутся уже несколько веков. Я же, «для пользы человеческого рода», в лице своих читателей, решил составить подробнейшую библиографию сочинений Свифта, что отыскал в Лермонтовской библиотеке, предварив это небольшим эссе, которое я думаю выпустить в свет в нескольких частях по подписке.

ЧАСТЬ I

Жизнь и чувства Джонатана Свифта, доктора теологии и декана собора Св. Патрика в Дублине

Во времена Свифта еще не существовало строгих правил английского языка. И, хотя Свифт выписывал из писем Стеллы ее ошибки, по иронии судьбы, именно эти ошибочные написания и являются сейчас правильными. Но неразбериха существовала не только в грамматике, но и в значениях слов. Что только не значила фамилия Свифт в то время! Вот, например, один из его предков имел на гербе изображение дельфина. А псевдоним Свифта – Мартин – был просто синонимом его фамилии, он изменил слово, оставив суть, подобно Светонию, который изменил свое прозвище Ленис на Транквилл[1]. Звучала его фамилия по-английски вовсе не Свифт[2], как мы это говорим по-русски, и для иностранцев была трудно произносима, поэтому герцогиня Шрусбери[3], которая была по происхождению итальянка, отчаявшись выговорить его фамилию, назвала его по-итальянски – Престо. Этим именем он часто подписывал письма Стелле.

О предках Свифта, а также о его детстве мы знаем почти исключительно от него самого. В 1731 году Свифт с особым тщанием[4] начал писать «Истории о семье Свифтов», которые остались незаконченными. Эти «Истории о семье» обычно называются

«Автобиографическим фрагментом», и с его пересказа начинается любая биография Свифта, в этом и я последую за остальными.

Свифт происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода из графства Йорк. У Свифта был замечательный дед – викарий в Гудриче, очень деятельный и энергичный человек, до такой степени деятельный, что простой народ видел в своем священнике колдуна. Во время революции он держал сторону короля и претерпел за это множество несчастий. Солдаты Кромвеля грабили его дом тридцать шесть раз и, несмотря на это, очутившись в городе, стоявшем за роялистов, явился к мэру. Тот попросил что-то пожертвовать на помощь королю и Томас Свифт снял верхнюю одежду. «Но это слишком ничтожная помощь!» - «Тогда возьмите мою жилетку». Дело в том, что в жилетке были зашиты триста старинных золотых монет – немалый дар королю от бедного священника, который, к тому же, имел четырнадцать детей. А однажды он погубил отряд конницы из двухсот человек, переправлявшихся через реку вброд, придумав хитроумную машину и положив ее на дно. Революция победила, дед был арестован[5], а его имущество секвестрировано. Впрочем, от имущества почти ничего не осталось, ведь все свое состояние Томас Свифт отдал королю.

Отец Свифта был седьмым или восьмым сыном и переехал в Ирландию в поисках заработка к своему старшему брату Годвину. Вскоре он женился на девушке-бесприданнице Эрик из древнего рода Абигель и устроился на должность младшего судейского чиновника. Но карьеры он не сделал и умер бедным спустя два года в возрасте двадцати семи лет, а через семь месяцев после его смерти 30 ноября 1667 года родился Джонатан Свифт. В своей «Автобиографии» Свифт пишет, что брак этот был неразумным с обеих сторон, и что он расплачивался за неразумение родителей не только во время своей учебы, но и большую часть жизни.

Свифт был настолько загадочной личностью, а его жизнь настолько полна тайн и мистификаций, что множество людей попытались отгадать его загадку – кто он, этот доктор Свифт? Поэтому у Свифта очень много биографов, даже слишком много. Первым был Джон Бойл граф Оррери[6], сын его друга и зять приятельницы. Он написал «Заметки о жизни и сочинениях доктора Джонатана Свифта». На эту книгу последовал ответ «Мысли по поводу заметок лорда Оррери», написанный человеком большой учености и знакомым Свифта - доктором Патриком Дилени[7]. Он считает книгу необъективной и искажающей облик Свифта. Еще годом позже вышла книга Дина Свифта[8] – внучатого племянника декана, который возмущался недоброжелательностью Оррери, кроме того, весь фактический материал для биографии Оррери получил в основном от того же Дина. С графом Оррери все ясно: Свифт подшутил над ним в завещании. Граф был человек тупой и тщеславный, с претензией на литераторство и, мало того, считавший себя даже покровителем Свифта. Он очень гордился своим винным погребом, и Свифт оказал ему по завещанию «эмалированные серебряные блюда, чтобы бутылки вина выглядели на них эффектно». Оррери обиделся, решил отомстить, и ему это удалось. Он выпустил биографию Свифта через семь лет после смерти декана, и внешне она выглядела доброжелательной, а, по сути, была злой клеветой. Но, как ни странно, именно эта биография стала основным источником для многих остальных, опять-таки внешне слащавых, но имевших целью унизить и опорочить Свифта. К таким очернителям

принадлежит, например, Теккерей, который пишет внешне уважительно, однако рисует Свифта такими черными красками, что у меня едва хватило возмущения прочитать вот это: http://www.russiantext.com/russian_library/5/tekkerei/tekkerei7_2.htm[9].

Про Оррери здесь буквально сказано: «Не говоря о мелких книжках, есть еще "Заметки о жизни и сочинениях Джонатана Свифта", принадлежащие перу человека из высшего общества, достойнейшего графа Оррери». Очень мало кто действительно старался быть объективным, это, например, сэр Вальтер Скотт [10]. Он написал обширный очерк о Свифте, тщательно разыскивая материалы и расспрашивая, еще живых людей, знавших декана. И, хотя нельзя сказать, что Вальтер Скотт был свободен от домыслов, как и другие серьезные биографы Свифта – Томас Шеридан, Форстер[11], Крэйк[12], Лэсли Стивен[13], Джонсон, доктор Уайлд, Эренпрайс[14], - но их пером, по крайней мере, не водили, пусть даже неосознанно, недоброжелательство, антипатия, а, может быть, и страх. Есть биографии, написанные горячими поклонниками Свифта, которые тоже несколько односторонни. Это, например, Левидов[15], который описал Темпла недалеким филистером, процитировав при этом известное высказывание Моммзена о Цицероне, которое я не люблю. Он также несколько принизил талант Аддисона, Стила и Попа, чтобы нарисовать образ Свифта, как одинокого гения своей эпохи. Недоброжелательство к Свифту имеет под собой много причин – и политических и литературных и просто личных, но есть группа биографов, которую условно можно назвать психологической - это Джефри[16], Макколей[17], Теккерей, Тэн[18], Сен-Виктор[19], Вейнберг[20], Веселовский[21], Чуйко[22]. Кроме этих, были десятки других биографий и в прозе, и в стихах, и научных, и беллетризированных (например, Л. Стефена[23], Р. Кука[24], У. Спека[25], Дж. Дауни[26], Н. Дени[27], Дж. М. Мюррея[28], Д. Джонстона[29], Р. Квинтана[30], М. Войгта[31], К. Вильямс[32], М. Голда[33], Дж. Коллинза[34], Г. Гаррисона[35], Ван Дорена[36], Пона[37], Леки[38], из русских – А. Дружинина[39], В. В. Яковенко[40], А. В. Луначарского[41], Э. Радлова, А. И. Дейча и Е. Д. Зозули[42], В. С. Муравьева[43], А. Ингера[44], Заблудовского[45], Киреева[46], Л. Ф. Туполевой[47] и Т. Л. Лабутиной[48]). [49] Однако полная тайнами жизнь Свифта остается для нас так и нераскрытой. Все, что я буду писать ниже, – это или голые факты, или даже неподтвержденные голые факты, однако, прежде я хотел бы сделать отступление...

Комментарии

1 Так пишет Монтень, но слова на самом деле не совсем равнозначны – ленивый и спокойный.

2 Поразительна глупость, написанная в статье Луначарского. «Свифт! В самой фамилии его есть что-то Сатанинское. Свифт! Свист!». Далее следует сравнение фамилии Свифта со свистом Шаляпина в опере Бойто.

3 Один человек, прочитавший это, стал ругать меня за то, что я не объяснил, кто такая герцогиня Шрусбери. Но, поскольку, по словам Филдинга, «в Англии по обычаю и закону женщины существуют на рабском положении», то про саму герцогиню ничего не известно, кроме того, что герцог откопал ее где-то в Риме. А так как вернулся он в

Англию в 1710-м, то понятно, что его жена плохо говорила по-английски, когда назвала Свифта по-итальянски 2 августа 1711 года. Что до самого герцога, то вот ссылка http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Шрусбери,_Чарльз. К тому, что там написано, от себя добавлю, что его важная роль в истории, заключалась в том, что он обеспечил мирный переход трона к Георгу I.

4 Это тщание говорит о том, что Свифт считал это сочинение особенно важным, однако, ни объем, ни содержание не соответствуют серьезной автобиографии. Видимо у Свифта были причины написать эти «Истории» именно так.

5 Впрочем, в тюрьме он пробыл недолго. Диктатуре Кромвеля был не страшен враг - бедный священник, и дед вернулся на пепелище собирать свою огромную семью и жить дальше, но реставрации он уже не увидел.

6 Boyl J. «Remarks on the Life and Writings of dr. J. Swift» L., 1752

7 Delany P. «Observation upon lord Orrery's Remarks on the Life and Writings of dr. J. Swift» L., 1754

8 Swift D. «An Essay upon the Life. Writings and Character of dr. J. Swift» L., 1755

9 Теккерей «Английские юмористы XVIII века». Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 7. М., «Художественная литература», 1977

10 Русский перевод с французского небольших отрывков из «Заметок о Джонатане Свифте» в книге Дж. Свифт «Путешествия Гулливера» Спб., «Вита Нова», 2005

11 Forster J. «The Life of J. Swift», L., 1875

12 Одна из самых полных биографий с фактической точки зрения. Сама книга мне, к сожалению, недоступна, но психологи осуждают ее за неудачные попытки отгадать нравственную личность Свифта, а это значит, что книга стоящая. Craik H. «The Life of J. Swift», L., 1882, 1894, 1913

13 Leslie S. «The Skull of Swift. A biography» L. 1928

14 Ehrenpreis J. «Swift» Vols 1-3 Cambridge, 1962-1983

15 Левидов М. «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях» М. «Советский писатель» 1939, 1964, «Книга» 1986, «Вагриус» 2008

16 Его полная ненависти и злобы статья была напечатана в «Эдинбургском Обозрении» за 1810 год. Это самое знаменитое очернительное сочинение о Свифте. На русский язык переведено Кеневичем в «Библиотеке для чтения» 1858.

17 Маколей, наряду с Джефри, один из самых злобных клеветников. Русский перевод его этюда в книге: Маколей «Полное собрание сочинений» Спб., 1861-1865.

18 На русском языке: Тэн И. «Критические опыты» Спб., 1869, его же «История английской литературы» Том 4. Спб., 1876 и «Развитие гражданской и политической свободы Англии в связи с развитием литературы» Том 2. Спб., 1876

19 Русский перевод Сен-Виктор П. «Бог и люди» М., 1914

20 Вейнберг П. И. «Свифт 1903 http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0240.shtml

21 Веселовский А. « Дж. Свифт, его характер и его сатира 1877, его же Этюды и характеристики М., 1894

22 Чуйко В. В. «Свифт» 1881

23 Stephen L. «Swift» L. 1882

24 Cooke R. J. «Swift As a Tory Pamphleteer» W. 1967

25 Speck W. A. «Swift» L. 1969

26 Downie J. «Jonathan Swift Political Writer» L. 1984

27 Dennis N. «Jonathan Swift» N. Y. 1965

28 Murray J. M. «Jonathan Swift» L. 1954

29 Johnston D. «In Search of Swift» Dublin 1959

30 Quintana R. «The Mind and Art of Jonathan Swift» Vols 1-2 Paris 1825

31 Voigt M. «Swift and Twentieth Century» Detroit 1964

32 Williams K. «Jonathan Swift and the Age of Compromise» Lawerence, 1958

33 Gold M. B. «Swift's marriage» N. Y. 1967

34 Collins J. C. « Swift» L. 1893

35 Harrison G. B. «Swift» L., 1928

36 Van Doren C. «Swift» L., 1931

37 Pons E. «Swift» Strasbourg, 1924

38 Lecky «Swift» Posen, 1873

39 Это первая русская биография Свифта была напечатана в 1808 году.

40 Яковенко В. «Дж. Свифт. Его жизнь и литературная деятельность» Спб., 1891, http://www.ssga.ru/erudites_info/peoples/svift/index.html

41 Луначарский А. В. «Джонатан Свифт и его "Сказка бочки"» Собрание сочинений в восьми томах Том 6. М., 1965. Поразительная по количеству содержащихся в ней глупостей и нелепостей статья! Образчик я уже привел выше, и это притом, что написаны все эти нелепости странным, разговорным, площадным языком. Луначарский сравнивает Свифта с Гоголем и Грибоедовым, а затем объявляет, что настоящий русский Свифт – это Салтыков-Щедрин. «Свифт – это горе от ума. Большое горе от большого ума. И не случайно соединяем мы его здесь и с Гоголем и с Грибоедовым. И это двое хлебнули-таки горюшка от своего большого ума. Но русским Свифтом является не Грибоедов и не Гоголь. Русским Свифтом является Щедрин-Салтыков». В качестве доказательства этого своего утверждения он сравнивает их портреты. Потом, вдруг вспоминает: «Свифт был современником Вольтера. Старшим современником. Припомнити-ка статую Гудона – старый Вольтер, держащий немощные и сухие руки на коленях…». Припомнил, руки Вольтер держит на подлокотниках, а не на коленях, что сделало бы позу менее естественной. Запомнить эту деталь тем легче, что руки, которыми восхищался еще Дидро в «Салоне 1781 года», лучше всего удались скульптору. Я не причислил Луначарского к плеяде психологических биографов только потому, что «психологизм» его груб, топорен, походит на речь впавшего в слабоумие старика, полон надоедливых повторов, неожиданных «вспоминаний», перескакиваний, а вся статья вызывает удивление и досаду за автора.

42 Эта биография была издана в серии «Жизнь замечательных людей» в 1933 году и изобилует вставками истмата и цитатами из Ленина. Большего в «ЖЗЛ» Свифт не удостоился.

43 Муравьев В. С. «Джонатан Свифт» М., «Просвещение» 1968

44 Ингер А. «Джонатан Свифт и его Дневник Для Стеллы» М., «Наука» 1981

45 Заблудовский М. Д. «Свифт» 1945 http://az.lib.ru/z/zabludowskij_m_d/text_0020.shtml

46 Киреев Р. «На окрестных холмах. Новыллы о любви» М., «Центрполиграф» 2002

47 Туполева Л. Ф. «Английский просветитель Джонатан Свифт и Ирландия» М. Наука 1984

48 Лабутина Т. Л. «Свифт И Темпл 1994, она же «Консерватор Свифт и реформатор Дефо» 1995, она же «Воспитание и образование англичанки в XVII веке» Спб. Алетейя 2001, она же «Джонатан Свифт и женщины» М. 2003, она же «Культура и власть в эпоху просвещения».

49 Большинство сочинений их этого списка сложно назвать биографиями. Это скорее критические очерки или статьи.

Отступление, касающееся психологии, психологов и доктора Свифта

Говорят, что психология - это наука. А почему бы не быть наукой, скажем, физиогномике? А ведь она и считается наукой в Китае. Лафатер был, бесспорно, умным человеком: он был пастором, виделся с множеством людей. Возможно, его богатый опыт и ум помогали ему определять характер человека по виду, но это не значит, что и его последователи были столь же умны, как и он. Да, физиономисты нашли кое-какие общие правила, которые не могут быть признанными за науку, так как имеют лишь статистический характер. Если Аристотель был основоположником физиогномики, то он же своим трактатом «О душе» дал жизнь и психологии. Но авторитет Аристотеля вовсе не означает, что предмет его исследования непременно становится наукой. И разве не называются психологией те общие статистические законы, свод которых можно найти у Теофраста, Лабрюйера, Ларошфуко, Грасиана, Паскаля, Вовенарга и других? Психология – это такая вещь, которая предполагает неимоверное умственное и духовное превосходство самого психолога, над тем человеком, которого он судит. Психолог претендует на то, что он знает все духовные движения человека, их причины и следствия, тайное и явное. Даже характеризуя самого последнего дурака, который все-таки является вершиной Божьего творения, психолог выступает именно в качестве Господа Бога. Но ведь это невозможно! Это не только богохульство, но еще и наглый обман! Что бы мог сказать психолог о внутреннем мире Петрарки? И неужели Петрарка получил бы «психологическую помощь» от штатного психолога? Мне могут напомнить случай при дворе герцога Тосканского, когда ребенку дали выбрать в зале самого умного человека, выбирая по лицу, и тот, после того как обошел всех, взял за руку Петрарку. Но речь же идет не о простом факте присутствия ума, а о тотальном знании всего внутреннего мира!

Причем же здесь Свифт? А притом, что биографы из психологической группы объяснили его духовный мир, при помощи своих методов. Основная идея проста до безобразия: найти проблему, а потом и ее причину в детстве. Только ее обрамление уж слишком витиеватое, чтобы пустить пыль в глаза разумным людям. Свифт слывет как мизантроп, человеконенавистник, причем, злой и активный. Это штамп, опять-таки придуманный психологами, и, к сожалению, уже прижившийся. Теперь будем искать причину в детстве и юности, а если ее нет – выдумаем! Сам Джонатан Свифт редко пишет о своем детстве, в одном письме к Попу он написал: «Досада мучает меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменованием для всех моих будущих разочарований». О чем же это? О том, что, будучи мальчиком, Свифт удил рыбу, не клевало, и вдруг, когда он уже собирался уходить домой, клюнула большая рыбина, и Джонатан ее уже почти вытащил, но она вдруг сорвалась с крючка - и была такова. Психологи ликуют – вот она причина дурного характера Свифта, она в детстве, в упущенной рыбе! Свифт написал эти строки в старости, когда был уже известным писателем, сатириком, памфлетистом, он знал и яд разочарований и трагикомедию катастроф, и вот, оглядываясь назад, он вспоминает этот детский случай, и где же здесь можно разглядеть причину его дурного характера? Дурной характер – еще один шаблон психологов, которые не пишут о нем прямо, но хитро облекают в словесные побрякушки. Например, «Английский гений не имеет

представителя более неистового и отталкивающего, чем Джонатан Свифт» - Сен-Виктор. Или Веселовский о характере Свифта: «Когда один из лучших объяснителей Свифта, затрудняясь найти подходящую характеристику, называет его демоническим существом и в злорадном его отношении к человеческому роду видит что-то дьявольское – это приводит нас к решению смутной загадки». Словарь Брокгауза и Эфрона: «Его врожденные свойства - мрачное, даже злобное отношение к людям, беспредельный эгоизм, столь же беспредельное честолюбие». Откуда же растут ноги всех этих психологических определения плохого характера? От любимого источника психологов – писаний графа Оррери, который не только был обижен на Свифта, но и боялся, и не понимал. И обвинения в плохом и злобном характере – это своего рода защитная реакция посредственности. Свифт – величайший гений, человек, художник, мыслитель, боец, он не попадает ни под какие шаблоны штатных психологов, им обидно, им страшно, они нервничают, они его не любят. Как же тут не уцепиться и не притянуть шаблон – плохой характер. Это – защитная реакция, уже не посредственного литератора, но штатных психологов, которые склеили этот тезис из бумаги и перебрасывают его по очереди друг другу. Но, однако, этот тезис жив и сейчас, и я говорю вам – не верьте психологам! Итак, психологи строят мизантропию на скверном характере, плохой характер - на рыбе (детские впечатления). Что бы сюда еще добавить психологам, кроме рыбы? Вот был бы он болезненным, или обладал уродливым недостатком: скажем, был косым, горбатым или хромым. Но, как назло, Свифт до старости имел прекрасное здоровье, был высок ростом, статен и силен, и даже красив в молодости. Но на помощь приходит тот же Оррери – несчастное детство, жестокое отрочество, мучительная юность и неудачи всей последующей жизни. Ну вот, это уже кое-что для психологов! Теперь нужно только украсить, разрядить, расцветить словами. Но что мы имеем перед собой – как я и сказал – одни факты.

Да, он родился в бедной семье[50], как многие другие, впрочем. А в отношении своих дублинских сверстников Свифт даже имел преимущество – он с двух до шести лет жил в Англии в местечке «Мирная гавань»[51], а не среди помоек и грязи Дублина. Здесь он научился свободно читать, а по возвращении был отдан в лучшую в Ирландии школу Килькени, и еще Вальтер Скотт мог видеть парту, на которой Свифт выцарапал свое имя. Здесь обучали древним языкам, риторике и теологии. Правда, в ходу были очень жесткие наказания, поэтому мы читаем у Свифта – «десятичасовое сидение взаперти, один на один с существительными и глаголами, страх, розги, разбитые носы и ссадины на ногах», но, с другой стороны, так учились и остальные, и, между прочим, Конгрив и Беркли. С Конгривом Свифт подружился, и этой дружбе суждено было продолжиться всю жизнь. Через двадцать лет, после окончания школы Свифт пишет другу, что «с тоской вспоминал свои счастливые школьные дни, восхитительные праздники, субботние вечера, чудесные заросли в глухой аллейке». Это просто факты, факты, но где же то несчастное детство, выдуманное психологами для подтверждения своих примитивных теорий? Да, мать Свифта уехала в Англию, и он остался с дядей, и это - причина мизантропии? Прочитайте эти факты – все, что мы знаем о детстве Свифта, - а теперь прочитайте биографа-психолога[52] Веселовского: «Бывают люди, которых с раннего детства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками. Какая-то горечь, скрытое озлобление и желание отомстить стоящим поперек дороги сказывается у них чуть ли не в отроческие годы. Причины этому рано обнаружились в жизни Свифта».

Да ну? И где же они? Написано, конечно «профессионально-психологически», вот перед нами теперь злобный мальчик, неудачник, сиротка, нищий. Но откуда узнал обо всем этом Веселовский? От своих учителей психологии – для них все просто: проблема – мизантропия, основание – дурной характер и причины в детстве. Ничего такого о Свифте не известно, ну и что? Интерполируем! Разве может кто-то существовать вопреки «научным» шаблонам психологии? К радости психологов, Свифт сообщает еще один факт из своего детства. Он купил дряхлую лошадь и привел ее в школу, лошадь у него отняли и отправили на живодерню[53]. Чем не повод для озлобленности на мир? Но постойте, как же Свифт смог купить лошадь, если он был нищим сироткой? И, однако, именно эта история ставится в край угла жизни Свифта и его «жизненной катастрофы» автором статьи в «Британской энциклопедии». В пятнадцать лет Свифт оканчивает школу и вместе со своим кузеном Томом поступает в Дублинский университет – лучший университет после Оксфорда и Кембриджа. Университет представлял собой роскошное здание из прекрасного портландского камня, где располагались студенческие аудитории, обширная библиотека, где были собраны редкие книги, и нумизматический кабинет. Шесть лет учится здесь Свифт, живя в общежитии. Каковы факты этой его жизни?

Их почти нет, но анекдотов – множество. Дело в том, что оба Свифта были записаны только фамилией и непонятно к кому эти истории относятся – к Тому или Джонатану. Однако известно, что Свифт много читал, много флиртовал[54], а также много кутил в тавернах, упорно пропускал обязательную для всех литургию, не являлся на вечернюю перекличку, за что получал взыскания[55], был уважаем товарищами. Известно, что Свифт выпускал рукописные сатирические листки, где высмеивал преподавателей, подписываясь «Сын земли». Это ли нарисованный психологами образ несчастнейшего юноши? Поэтому они благоразумно умалчивают об этом, выставляя из этой жизни Свифта только лишь один факт. Для того чтобы показать их методы фальсификации, я процитирую психолога Тэна. Вот это место:

«В 1685 году в большой зале дублинского университета профессора, раздававшие степень бакалавра искусств, были свидетелями особого зрелища: бедный студент, странный, неловкий, с голубыми, суровыми глазами, сирота, без друзей, получавший от одного дяди жалкое содержание, потерпевший уже раз неудачу из-за незнания логики, вновь появился пред экзаменаторами, не удостоив, однако, ознакомится с учебниками – напрасно предлагали ему прочесть тома Смиглезиуса, Бургерсдициуса – он перелистывал их и быстро закрывал. Когда дело дошло до аргументации, пришлось формулировать его аргументы за него. Его спросили, как же он сумеет рассуждать, не зная правил, - он ответил, что сумеет рассуждать и без правил. Такой избыток глупости произвел скандал. Он получил все же степень, но едва-едва, по "особой льготе[56]", как было сказано в экзаменационном листе. И профессора разошлись с улыбкой сострадания, сожалея о ничтожных способностях Джонатана Свифта. Таковы были его первые унижения и первый повод к возмущению против людей. На этот момент была похожа вся его жизнь, заполненная и опустошенная страданием и ненавистью»[57].

Психолог облепил Свифта эпитетами, для которых, бесспорно, не существует никаких оснований. И удивительная вещь – речь идет о незнании логики, а Тэн совсем нелогично связывает провал на экзамене с бедностью, странностью, отсутствием друзей, а потом

делает из этого, как любой штатный психолог, вывод – вот причина свифтовой мизантропии. Т. е., провал на экзамене – причина, но это же нелогично! Однако если убрать экзамен, то получится обычный шаблон: бедность, сиротство, одиночество – причина человеконенавистничества. Для чего же нужен экзамен? Для маскировки вранья и подсунутых эпитетов, которыми психологи наградили человека, не вписывающегося в их «науку». Вороватый вывод делается не из самого факта[58], а из этих подсунутых психологических определений. Другой биограф Свифта, Левидов, замечает по этому поводу: «Почему нужно связывать с этим провалом на экзамене молодого студента и бедность, и сиротство, и одиночество, и декламировать тут же об унижении, о поводе к возмущению, чуть не предопределившем всю жизнь Свифта – это секрет красноречивейшего психолога. Да и секрет ли? Нужно ведь перебросить мост от юности к человеконенавистничеству, безумию и прочим дьяволизмам». Теперь я хочу рассказать, откуда у Тэна взялась теория о тупости Свифта в то время. Оттуда же! От писаний графа Оррери, ведь именно ему Свифт рассказал этот случай, прибавив, что был тогда полуидиотом. Но нужно знать Свифта – великого мистификатора, который постоянно потешается и над недалекими собеседниками и над глупыми читателями, и тогда станет понятно, почему Свифт сказал такое туповатому, но с претензиями, графу – это своего рода издевка, ирония, смех. Второй источник психологов - «Автобиография», - кость, специально подброшенная Свифтом его будущим биографам. Здесь, как нарочно, разбросаны определения, нужные психологам – «в университете был расстроен и угнетен плохим отношением ближайших родственников… степени не получил за тупость и неспособность; наконец, степень была присвоена в нелестной для него форме speciali gratia». Свифт не получил степени за тупость? Но где же она? Психологи даже не удосужились проверить его оценки: латынь - «хорошо», греческий - «хорошо», физика - «плохо», теология - «небрежно». Вот все, что мы знаем. Но мы знаем также, что Свифт был в первой десятке лучших студентов из 175! Остальные имели оценки «посредственно» и «весьма посредственно», как, например, его брат Томас. Да и присуждение степени бакалавра speciali gratia не так уж позорно. Вместе со Свифтом еще четверо студентов из тридцати восьми получили степень с этим определением, которое означало всего лишь обход некоторых формальностей. Зачем же тогда Свифт написал о своей «тупости»? Это своего рода издевательство над будущими биографами - выволочь на свет что-то курьезное, кинуть кость, посмеяться, а с другой стороны, показать им, чего стоят для него все их оценки, до защиты Свифт бы не снизошел.

Школа и Дублинский университет, бесспорно, повлияли на Свифта. Достаточно сказать, что в лучшей школе наставники вовсе не представляли собой образцы нравственности. Директор торговал духовными званиями, допускал к сану мошенников и распутников, позволял исполнять священнические обязанности мирянам, коротко говоря, подрабатывал, как мог. Поэтому Свифт после школы вполне мог презирать ханжество пополам с цинизмом. В университете, как признавался сам Свифт, у него не хватало терпения на чтения и трех страниц «ученых» трудов Смиглезиуса, Бургерсдитиуса или Кеккерманнуса, а их самодовольная глупость вызывала в нем живейшее омерзение, поэтому, как он сам пишет в автобиографии, «занялся чтением истории и поэзии».

Но психологи наложили руку не только на детство и студенческие годы, но и на жизнь Свифта в Шиине и Мур-парке, объявив этот период «страшным десятилетием». Итак, что

мы знаем? Это опять-таки факты. Свифт мог бы получить и магистерскую степень, но в 1688 году восстали ирландские католики, и совет колледжа св. Троицы Дублинского университета предложил студентам разбегаться. Таким образом, не успев получить степень магистра, Свифт уезжает в Лестер к матери. Она обращается за помощью к дальнему родственнику, и вот Джонатан поселяется у бывшего политика и литератора сэра Уильяма Темпла на полном содержании с жалованием в 20 фунтов в 1689 году. Но уже в мае 1690 он возвращается в Дублин, как написано в «Автобиографии» по совету врачей[59], имея в кармане рекомендательное письмо сэра Уильяма. Поиски работы оказались безуспешными, и в августе 91 он снова живет у Темпла. В июле 92 он в Оксфорде и защищает магистерскую диссертацию и возвращается в Мур-Парк, где живет до мая 94. В январе 95 он получает пребенду в Ирландии, но бросает должность и с июня 96 снова с сэром Уильямом, где живет до смерти последнего в январе 1699 года. Еще из фактов – Свифт занимает должность секретаря, которого сэр Уильям знакомит с элитой того времени, а также представляет королю Вильгельму[60]. Свифт даже уполномочен представить королю важный политический доклад, руку к которому приложил и он сам. Король предложил Свифту чин капитана, а Темпл - должность в управлении ирландскими архивами. Свифт отказывается от обоих предложений. Известно, что Темпл был обрадован возвращением Свифта в 1696 году, известно, что Свифт прочел громадное количество книг в библиотеке Мур-Парка, известно, что Свифт стал писать, и написал в том числе «Сказку бочки» и «Битву книг», известно, что Темпл сделал его душеприказчиком и завещал некую сумму. Положа руку на сердце, вы увидели здесь «страшное десятилетие»? Но как пишет Левидов: «Гораздо больше известно из области "психологии" Свифта за этот период. Известно – все тем же психологам. Очевидно, это их домыслы. Но домыслы в литературе о Свифте ценятся больше фактов». Так что же теперь выдумали психологи?

Читаем их самих – Луначарский: «Жизнь у Темпля была чревата глубокими обидами для Свифта, страдавшего от своего положения эксплоатируемого приживальщика[61]», Тэн: «Он получал в год двадцать фунтов жалования, ел за одним столом с прислугой, писал оды, подражая Пиндару, в честь своего хозяина, копил в течение десяти лет унижения рабства и фамильярность холопов, обязанный льстить придворному подагрику и избалованному вельможе, принужденный после одной попытки стать независимым, снова надеть ливрею, которая его душила», Теккерей: «Великий и одинокий Свифт провел десять лет ученичества в Шине и Мур-Парке, получая двадцать фунтов жалования и обедая со слугами, - он носил сутану, которая была не лучше ливреи, и гордый, как Люцифер, преклонял колена, дабы вымолить какую-нибудь милость у миледи, или выполнял поручение господина, у которого состоял на посылках. Свифт страдал, возмущался, покидал свою службу и снова возвращался, проглатывая свою злобу, подчиняясь со скрытым бешенством своей судьбе», Сен-Виктор: «Вся эта жизнь была злостной тиранией... Тирания эта начиналась с рабства. В двадцать лет секретарь, в сущности, замаскированный слуга, Свифт испытал до дна все оскорбления и унижения. Он испытал, как горек хлеб лакея», и автор статьи в «Британской энциклопедии» подытоживает: «... спустя целых двадцать лет клеймо рабства все еще горело в его высокомерной душе», а вот цитаты из двух советских очерков: «Незавидным было положение Свифта в доме стареющего аристократа. Он, по существу, являлся чем-то вроде старшего камердинера. Ему приходилось читать вслух своему патрону, писать под его диктовку, вести счетные

книги»[62], «За детством и юностью следуют годы служения в Мур-Парке у барина в отставке – на положении не то слуги, не то наемного писаки, с робким заглядыванием в глаза старикашке-самодуру, постоянная необходимость льстить сибаритствующему вельможе».

Вот она – еще одна причина для человеконенавистничества и злобы – рабство и унижения! Но есть ли для этого факты? Теккерей ссылается на одно место в «Дневнике», которое можно толковать по-разному. Одна вскользь брошенная фраза стала «материальным основанием для тонких психологов и блестящих литературоведов в создании мрачной легенды» (Левидов). Свифт не написал ни одного худого слова о Темпле, а ведь он не умел щадить ни живых, ни мертвых! Все немногое, что смогли отыскать психологи, относится к наследникам Темпла, вздумавшим попрекнуть Свифта нахлебничеством. А некоторые психологизирующие биографы[63] даже усмотрели признание этого рабства в главе «Лакей» из свифтовского «Наставления слугам»! Но как же это Свифт, имея возможность освободиться от рабства, приняв предложение короля, не сделал этого? Почему не принял назначения в архив[64]? Почему, получая больший доход в Ирландии, он опять кинулся в лакейство? И что это за раб такой, что ходит к королю с докладом? Между прочим, Дилени убежден, что Свифт – внебрачный сын Темпла. Его жена была родственницей матери Свифта, он был украден кормилицей и увезен в Англию и, может быть, возвращался он всегда к отцу? А вот некоторые биографы пишут даже так: «Свое пребывание в Мур-Парке Свифт позднее называл счастливейшим временем своей жизни» (http://www.mirf.ru/Articles/art2194.htm). Хотя я, честно говоря, не знаю, где он это говорит, но известно, что кончину Темпла Свифт искренне переживал, записав в своем дневнике: «Он умер сегодня 27 января в час ночи, и с ним умерло все, что было хорошего и доброго среди людей».

Но и это не все! Не могут психологи так просто расстаться со Свифтом, им нужен модный завершающий аккорд – у Свифта сексуальный комплекс, полученный от какого-то случая в детстве. Вот как! А специалист в области сексуальной патологии Крафт-Эбинг и рад стараться! Другие «ученые», на этот раз френологи, с готовностью помогают «ученым»-психологам. Они, после своих исследований черепа Свифта, были невысокого мнения об его умственных способностях. Доктор Уайлд проследил симптомы болезни Свифта, время от времени проявлявшиеся в его сочинениях. Кроме того, он отметил, что череп обнаруживает следы «болезненной работы» мозга в течение жизни - такие следы могла оставить возрастающая тенденция к «умственному застою». Если Вольтер когда-то раздражал попов даже после своей смерти, то Свифт раздражает психологов, френологов, вигов, посредственных и талантливых литераторов, а это значит, что Свифт - гений. Но какой?

Комментарии

50 После смерти отца его мать осталась с двумя маленькими детьми, казенную квартиру пришлось покинуть и выбивать остатки невыплаченного жалования. Но положение, по-видимому, все же не было ужасным, поскольку мать Свифта наняла кормилицу.

51 Свифт в годовалом возрасте был украден своей кормилицей и увезен в Англию. Факт впрочем, известен только со слов самого Свифта в «Автобиографии».

52 Немногим далее Веселовский выводит злобность характера Свифта из его бедности, правда оговаривается, что деньги де ему были нужны на книги. Вторит ему и Луначарский: «В университетские годы он слыл нервным, неуравновешенным и не особенно усердным. На самом деле его снедала злоба, вытекавшая из осознания тех замечательных способностей, которые он в себе ощущал, и той беспросветной бедности, которая застилала ему свет».

53 Психологи не поленились нарисовать картину - Свифт приводит эту лошадь в школу, ее вид вызывает смех у его однокашников, и над лошадью, и над ним самим. Еще одна причина? Но откуда они это узнали? Потому что им самим было бы смешно? Я забыл сказать, что этот «психологический» мизантроп купил лошадь, которую уже вели на живодерню…

54 Слухи об этом дошли даже до матери Свифта в Англию, она забеспокоилась и написала письмо, на которое Свифт ответил, что он надеется на свой холодный темперамент и на свое непостоянное настроение, чтобы поддаваться неосторожному увлечению. Флирт для него - это просто привычка, которую он может бросить в любое время.

55 За да года в кондуитных списках колледжа св. Троицы записаны более семидесяти штрафов и наказаний, наложенных на Джонатана Свифта.

56 Нужно упомянуть о том, что Свифт, продолжая образование на степень магистра, скажет декану Дублинского университета Оуэну Ллойлу, что тот тоже получил деканат «по особой льготе», женившись на любовнице лорда Уортона, вице-короля Ирландии. Можно представить себе, как этот студент, выпускавший к тому же сатирические летучие листки, раздражал преподавателей. Психологи лучше бы подумали о них, а не о Свифте, а также о том, что в Оксфорде он получил магистерскую степень без всяких проблем и тамошние экзаменаторы нашли его блестяще подготовленным.

57 Эта красочная сцена, по-видимому, произвела сильное впечатление на авторов советской биографии Свифта в серии «ЖЗЛ», они почти дословно включили ее в книгу: «В 1685 г. в большом зале Дублинского университета перед экзаменаторами, присуждавшими звание бакалавра, предстал бедный ученик. Он производил странное впечатление. Это был угловатый, неловкий юноша, с суровым блеском голубых глаз, сирота, не знавший друзей, живший на щедроты дяди. Он однажды уже провалился на экзамене по логике и явился на переэкзаменовку, но и теперь он отвечал не лучше, признаваясь, что учебники не внушают ему никакого интереса. Выяснилось, что он не знает ни правил построения силлогизмов, ни других законов логики. Экзаменатор спросил его, как же он может рассуждать, не зная правил. Свифт ответил, что прекрасно будет рассуждать без правил логики. Этот ответ шокировал профессоров. Они и так были невысокого мнения об его умственных способностях. Собственно говоря, его надо было оставить еще на один год в колледже, и только в виде "особой милости" он был допущен к

диспуту на соискание степени бакалавра». Как мы видим эпитетов здесь поменьше и краски стушеваны, Дйеч и Зозуля не так красноречивы, к тому же они не делают психологического вывода из этой истории.

58 Это подтверждается также и тем, что сам Тэн, говоря о сочинениях Свифта, в частности о «Гулливере», ставит в особую заслугу Свифту именно логику: «Это способность ума логического и дарование строителя, который, предположив уменьшение или увеличение того или другого механизма, предвидит все результаты этого изменения и ведет им точный список. Все его удовольствие состоит в том, чтобы ясно и путем основательного умозрения увидеть эти последствия».

59 Некоторые биографы тут же объявили, что это было связано с глухотой, однако никаких оснований для подобных утверждений не существует. Учитывая «тщательность», с которой Свифт писал автобиографию, можно предположить, что никаких врачей вообще не существовало.

60 Впоследствии Свифт любил вспоминать, как король научил его резать спаржу на голландский манер.

61 Здесь, как и в других цитатах, я сохранил орфографию.

62 Эту фразу авторы биографии Свифта в «ЖЗЛ» взяли у Яковнеко: «Положение Свифта на первых порах было крайне незавидное и даже унизительное. Он читал своему патрону, писал для него, вел счетные книги и вообще исполнял всякие обязанности старшего камердинера». (http://www.ssga.ru/erudites_info/peoples/svift/index.html)

63 Дейч и Зозуля: «Здесь за горькими шутками кроется большая автобиографическая правда».

64 Впрочем, у психологов и на это есть ответ – Свифт де посчитал эти должности слишком ничтожными для своих талантов, и даже нагрубил королю с Темплом. Последнее утверждение я целиком оставляю на их совести.

Продолжение «Жизни Свифта, пока еще магистра и т. д. ...»

Так как же на самом деле жил Свифт в Мур-Парке и что так тянуло его сюда? Во-первых, это отличная библиотека, такой роскошью он еще не мог пользоваться. И Свифт здесь много читает, очень много и больше чем очень много, он проводит в библиотеке 12-14 часов в сутки. Свифт прекрасно знает латынь и греческий – по языкам у него высшие оценки в Дублинском университете, не то, что по логике или математике, которые ему неинтересны, ведь Свифт учился только тому, чему хотел. Он знает также и французский, следовательно – большая библиотека говорит с ним на многих языках. А французов в библиотеке было как раз много, потому что Темпл подражал Монтеню. Свифт читает не только любимца сэра Уильяма, но и Рабле, и Ларошфуко. Доминировали антики – от Гомера до Петрония, многих из них он читал по два-три раза, как например Лукреция,

Вергилия, Тита Ливия. Впоследствии отношение Свифта к книгам стало более спокойным, потому что книги - это всего лишь книги, гораздо более для него интересны – люди.

Кто-то сказал, что книга – это эссенция приблизительно тридцатилетнего, а то и большего опыта автора, и если сам он гений – то это поистине дорогой подарок. Это так, для меня или любого обычного человека, но не для Свифта, он не нуждается в посредниках – он все прекрасно видит и сам. Кроме того, Свифт не любит умозрительные теории, а к истории относится скептически и, как обычно, с иронией. Первое, что Гулливер пожелал увидеть в Глаббдобдрибе – это Александра в битве при Арбелах – вот поистине героическое, грандиозное зрелище, но Гулливер разочаровался, не увидев ничего особенного... Отношение стало спокойным, но не переросло в потерю интереса. Книги – дорогое удовольствие, но он их все же постоянно покупает. Как часто в «Дневнике» встречаются записи: «Зашел на распродажу книг только посмотреть, но не выдержал и потратил двадцать фунтов»! И что он покупает? Это - Страбон, Плутарх, Тацит, Монтень... Однажды он захотел купить целую библиотеку и несколько раз ходил смотреть книги, но Свифт мог предложить только скромную цену, а потому нашлись более денежные покупатели. А еще в письмах заметно беспокойство и забота о книгах. Он пишет из Лондона, чтобы его книги аккуратно упаковали в специальные ящики и были с ними осторожны. Свифт любил книги, но не делал их ни источником своих знаний о человеке, ни образцом для подражания. И все же он собрал неплохую библиотеку. Его книги – переложенные листами бумаги, в которых он делал свои пометы, богатый материал для понимания Свифта.

Второе, что привлекало Свифта, – это люди, даже тот же Темпл – умудренный опытом политик и литератор. Сэр Уильям был модным эссеистом, писал обо всем с мягкостью, приятностью и одновременно убедительностью. Мысли у него были, но не глубокие, общительность рассудительного эпикурейца импонировала слушателям. Темпл был, бесспорно, дилетантом, и Свифт это прекрасно понимал. И все же, общение с Темплом было для него неплохой школой. Например, обиженный бывший политик, он раскрывал Свифту всю безобразную подноготную политических интриг и механизмов. Другие литераторы, во главе с родственником Свифта - Драйденом, - охотно посещали дом Темпла. Свифт присутствовал при литературных спорах, Драйден читал здесь свои стихи. Это был большой мастер стиля и кумир молодого поколения поэтов. В лондонской кофейне Вилля, где собирались литераторы, все теснились возле его стула, который зимой стоял у высокого камина, а летом - на балконе. Высшей наградой для молодого поэта было получить понюшку табаку из большой табакерки Драйдена. Он - авторитет для всех, но не для Свифта, все его слушают настороженным ухом в благоговейном молчании, но не так слушает Свифт. Он оценивает перевод Вергилия Драйденом своей меркой и скоро уничтожит этого кумира веселой сатирой. Психологи, конечно же, нашли причину и сделали вывод: Свифт, следуя своему злобному характеру, мстит Драйдену за то, что тот нелестно высказался о поэтическом таланте самого Свифта.

Гости Темпла - это не только литераторы, но и вся тогдашняя политическая элита Англии, включая самого короля. Это ли не пища для наблюдений, выводов, размышлений? Кто эти люди в высоких париках, сделанных из волос трупов, что плоско шутят, глупо

рассуждают, но вершат при этом делами целой страны? С едкой насмешкой наблюдает Свифт эти контракты между внутренним ничтожеством, проходивших мимо него людей, и той огромной силой, которой они располагали[65]. Не здесь ли следует искать причины для ненависти к людям? Не в личных обидах и не в унижениях, а в том, что Свифт – не с ними! Он их видит насквозь, видит и презирает. Гений Свифта заключался в том, что он слишком ясно видел действительность, настолько ясно, что это доставляло ему страдания. Он говорил, что счастье заключается в том, чтобы быть ловко околпаченным. Свифт же обладал такой остротой духовного зрения, что околпаченным быть никак не мог. Может быть, поэтому он категорически отказывался носить в старости очки, хотя зрение его ослабело. Когда он шел по улице, а в старости он всегда ходил пешком, это ухудшившееся физическое зрение не давало ему замечать ужимок, гримас и мелких движений черни, по которым его духовное зрение могло бы судить об их внутренней безобразной сущности. Он все равно, что художник, который рисовал души, и потому ему были противны даже самые красивые модели. Но и в молодости, здесь, в Мур-Парке, Свифт много ходил пешком. Тогда он еще только изучал человека, изучал с какой-то жадностью, и одновременно учился ненавидеть. Ведь ненависти нужно научиться. Каждый месяц он посещает мать в Лестере и идет туда пешком, но не из-за экономии или укрепления здоровья, а из-за людей. Постоялые дворы... Свифт любит удобство и чистоту, он селится в отдельной комнате. Но общая зала! Здесь собирается чернь – противоположность тому, что он видит в Мур-Парке и разговоры здесь другие, но суть та же. Свифт садится в стороне, слушает, наблюдает и ненавидит. А потом будет Лондон. Здесь проживает 674 тысячи человек – одна восьмая населения всей Англии. И что такое Лондон в то время?

Комментарии:

65 «Прав я или нет, не в этом дело, - скажет позже Свифт. – Слава ума, или великого знания заменят голубую ленту или карету, запряженную шестью скотами».

Отступление – нравы и развлечения жителей Англии, имевших честь быть современниками доктора Свифта

Отшумели громы революции[66], и на престол сел Карл II, привезя с собой из Франции совершенно развращенный двор. Строгий пуританизм сменился другой крайностью. Отпускать шутки по поводу всех мыслимых добродетелей стало модно. В Уайт-холле и Вестминстере царила откровенная фривольность. Король был влюблен в молоденькую актрису Нелли Гвинн, а потому стал покровительствовать театру, который был закрыт пуританами во время революции. Теперь в Лондоне двадцать театров, и бывали случаи, когда представления шли одновременно в одиннадцати из них. А драматурги мстили пуританам. Бережливость, скромность и набожность осмеивались со сцены, а безнравственность и распущенность прославлялись. Добродетельному буржуа отводилась роль глупца, скопидома, обманутого мужа. Его выбрасывали из окна подгулявшие щеголи, ему наставлял рога светский повеса, его дочку соблазнял ловкий прощелыга. Дошло до того, что 5 марта 1698 года проповедник Джереми Колльер опубликовал декларацию «Краткий очерк безнравственности и нечестивости английской сцены»[67].

Похабное остроумие веселеньких пьес того времени заставило бы покраснеть и Господа Бога, и самого Франсуа Рабле. А Лондон?! Лондон - излюбленное место действия этих пьес. Где же еще найти столько разврата и грязи? Король Иаков пошел еще дальше. Пуританин Джон Эвелайн[68] как-то записал в своем дневнике: «Разврат, кощунство, презрение к Богу. В воскресенье вечером я видел короля с его непотребными девками – Портсмут, Кливленд, Мазарини – в галерее для игр, все они были голыми». Лондон был наводнен проститутками и только при королеве Анне, которая была большой дурой, но еще большей ханжой, проститутки торговали собой только в Ковент-Гардене. Это был поистине рынок тела, и местные девки были знамениты по все Европе. Здесь можно было встретить любого лорда и даже государственного секретаря. Врожденный сифилис стал признаком благородного происхождения.

Для того чтобы получше ознакомиться с Лондоном, давайте-ка пройдемся по известным зданиям того времени. К счастью, мы можем это сделать вполне безопасно.

Знаменитый Бедлам. Тот, который видел Свифт (в его «Дневнике» есть запись о его посещении), был построен в 1675 году, как точная копия дворца Тюильри. Говорят, Людовик XIV был в бешенстве и приказал сделать пристройку к своему дворцу из туалетов в стиле лондонского Сент-Джеймского дворца. Бедлам не похож на наши сумасшедшие дома – он всегда открыт для посетителей, и это очень популярное место для встреч, прогулок и даже плясок. Здесь можно пообедать. С жителями же Бедлама обращаются как с животными, держат на цепи, на земляном полу и выставляют, как в зверинце, любопытным. Лондонцы, и особенно провинциалы, очень любили это зрелище. Можно и подразнить этих бедламовцев, посмеяться, попивая при этом бургундское. Лечили этих несчастных, обливая ледяной водой, засовывая их в устройства для принудительного стояния, или затыкали рот специальной грушей. Не последнее место занимали средства, причиняющие боль: втирание вызывающих жжение мазей, применение нарывных пластырей, прижигание каленым железом, рвотные средства. Пытки в Англии запрещены, но ведь это не пытки, это лечение. Избиения и истязания больных - это норма присмотра. Так, в одной из клетушек содержался рослый мужчина, закованный в цепь, один конец которой проходил в узкое отверстие в стене. Он когда-то ударил надсмотрщика, был посажен на цепь, и подлый победитель, укорачивая ее, ежедневно притягивал несчастного вплотную к стене, причиняя ему невыносимые физические и душевные муки. И это длилось двенадцать лет!

Другое знаменитое здание – Ньюгейтская тюрьма. Ее губернатор мистер Пит, купил себе эту должность у правительства аж за 5000 фунтов и теперь возвращает свои деньги, продавая лучшие номера в своей гостинице. От двадцати пяти до восьмисот фунтов единовременная плата и потом каждую неделю. Воры, убийцы, государственные преступники живут здесь припеваючи, если у них есть деньги, а те, у кого нет – для них тоже есть номера – под землей. Плата же за эти берется не деньгами, а мясом, костями и кровью. Есть здесь и холодный каменный мешок и знаменитая давилка – когда человека кладут под дубовую доску, а сверху медленно накладывают тяжести, пока он не умрет. Пытки запрещены в Англии! Но это же просто развлечение тюремщиков… Не менее знаменита в тюрьме кухня Джека Кэтча, здесь вываривают в масле, смоле и дегте обрубки тел четвертованных, дабы потом их выставить на Лондонском мосту. А рядом на

набережной сидят люди, называемые в народе «рыбаками», потому что они из людского моря вылавливают и подают на стол мистеру Питу очередные жертвы. Есть недалеко и суд, откуда в день отправляют на виселицу до двух десятков подростков за мелкое воровство. Эти негодяи не хотят работать в работных домах и предпочитают виселицу тому аду, который ждет их там. И, между тем, мы знаем о таком историческом факте. Некий Джон Рессел, был приговорен к виселице за уличный грабеж, но добился отсрочки, дав взятку. В это время он получает в наследство поместье и приговор немедленно кассируется, потому что владелец поместья не может быть негодяем!

Третье здание – биржа. Здесь постоянно толпятся люди с часто бьющимся сердцем, лихорадочным взглядом и отравленной душой. В час дня 14 июля 1698 года здесь было настоящие сражение – продажа акций новой компании. В узкую дверь ломились, отталкивая друг друга, люди с мешками гиней в руках. Что за ярость! Что за волнение! Что за крики! Вот где настоящие Арбелы! За несколько часов клеркам компании было внесено шестьсот тысяч фунтов. Что же покупали с такой жадностью эти люди? Акции... Акции совершенно немыслимых проектов – добывание золота из олова, переплавка ртути в твердый металл, импортирование специальной породы ослов из Испании, откармливание свиней секретным способом и т. д. Авторы идей обещали дивиденды за акции, но дивиденды никто никогда не платил. Нагревали руки только те, кто успевал вовремя сбыть их. Один джентльмен вообще объявил о продаже акций предприятия, проект которого был настолько секретен, что не мог быть оглашен. Цена акции – два фунта, и за день он собрал больше двух тысяч! Естественно, на следующий день его столик на бирже пустовал. А один провинциал заработал на акциях три миллиона фунтов и, не зная, что делать с такой громадной суммой, решил перекупить корону у польского короля Августа Второго, который сам купил ее когда-то всего за сто тысяч.

Четвертое здание - это великолепнейший дворец Бленхейм, – подарок от государства самому большому вору в Европе, герцогу Мальборо. Несуразность такого дорогого подарка заключалась в том, что герцог открыто требовал мзду от купцов при заключении контрактов на поставки армии. Таким образом, в короткий срок он стал самым богатым человеком Европы, тогда как государство имело громадный внутренний долг. Но ведь не так давно в Лондоне было восстание ткачей. Зарабатывая шесть пенсов в день, они не могли накопить даже на саван, а закон короля Карла обязывал хоронить только в саванах. И это Англия, самая богатая страна в Европе! Сто семьдесят два пэра Англии получают доход в миллион двести семьдесят две тысячи фунтов – десятая часть дохода всей страны.

«Все газеты – зло, так как они знакомят публику с действиями и мнениями знатных и начальствующих лиц», - писал первый издатель официальной газеты Роджер Лэстрендж. Когда знаменитый философ Джон Локк весной 1695 года представил в парламент документ, в котором изложил свое мнение о законах печати: «Я не понимаю, почему люди не могут свободно печатать то, о чем желают высказаться», - вряд ли он представлял себе, к чему приведет закон об отмене цензуры. В том же году она была отменена, и вот теперь в Лондоне есть примечательное место - Граб-стрит, маленькая улочка в районе Мурфилда, неподалеку от Бедлама. Здесь живут писаки, торгующие своим воображением. Они пишут все, что съедает рынок – пасквили, грязные доносы, лживые обличения, памфлеты, а главное, порнографические рассказы. Это в моде... К концу века в Лондоне было девять

еженедельных газет, а в первые годы нового на улицах продавалось уже пятьдесят пять изданий, а кроме них появились и ежедневные листки.

В 1685 году был изобретен знаменитый джин. В Лондоне он стоил едва ли не дешевле чая, по этой причине смертность вдвое превысила рождаемость. На сто жителей города, включая детей и стариков, приходилось по питейному заведению. На трактире «Старого Джонатана» красовалась знаменитая вывеска «Здесь вы можете напиться допьяна за два пенса и до беспамятства – за четыре!». Рядом множество других трактиров, а напротив - что-то вроде ломбарда: днем и ночью здесь можно получить пару медных монет на стакан джина за последнее тряпье с тела. Да что говорить, если даже премьер-министр являлся к королеве с докладом пьяным! Благородные джентльмены не пьют джин, у них другая мода – Токайское по семь шиллингов бутылка. Говорят, оно возбуждает фантазию, а фантазия нужна джентльменам, им скучно, им нужно развлекаться.

Для развлечений существуют клубы. Клуб Бифштекса – для обжорства, клуб Октябрьский – для пьянства, клуб Гинея – здесь играют в масках, ставки по 50 гиней, клуб Адского огня – здесь соревнуются в богохульстве, клуб Молчаливых и клуб Ворчунов, клуб Уродов, наконец. Был клуб Попрыгуний – в него втаскивали с улиц молодых женщин, раздевали и ударами хлыста заставляли прыгать на четвереньках. В клубе Ударов головой – нанимают здоровяка и пытаются с разбега ударом головы сбить его с ног. Есть уличные клубы, куда входят одни аристократы – клуб Веселых шуток и Мохоуков. Устав этих клубов прост – причинять как можно больше бессмысленного вреда. Сначала они напиваются, потом собираются в отряд, ходят по улицам и ловят людей. Одних они сбивают с ног, других избивают, третьих берут в плен. У них есть и специализации – одни уродуют лицо жертвы, учителя танцев прокалывают шпагами ноги и таким образам заставляют танцевать, фокусники раздевают женщин, ставят их вниз головой и проделывают опыты над интимными частями тела. Клуб Мохоуков развлекается тем, что лезвиями уродует лица прохожих, иногда его члены врываются в дома. Другое их развлечение – скатывать человека в бочке. Они поклялись изрезать лицо Свифту, поэтому ему приходится тратиться на кареты[69]. А в Лондоне всего около восьмисот экипажей[70] и ужасные дороги. Восемьдесят шесть синонимов глагола «бить» числилось в ту пору в английском языке. И что такое Лондон? Лондон того времени можно увидеть по гравюрам Хогарта, которые я привел выше. Везде грязь, на улицах в сочетании с вонью от сточных канав, в нравах, на одежде и даже языке. Кто герои толпы в это время? Не Робин Гуд, а Джек Шеппард, Джонатан Уальд Великий, Дик Тюприн. Воры, мошенники и убийцы. Биографии второго из них написали Дефо и Филдинг. Были, правда, и более пристойные заведения – кофейни[71]. Шестьсот кофеен на Лондон. А что там – сплетни, слухи, партийные и литературные дрязги.

Комментарии:

66 Кромвель умер в фатальный для него день – 3 сентября. Именно в этот день он когда-то дважды одерживал решающие победы. В преддверии его смерти над Англией несколько дней бушевала сильная буря. Было темно от черных туч, сильный ветер срывал крыши, казалось, сам дьявол пришел забрать лорда-протектора.

67 Отрывки из этого трактата в русском переводе можно прочитать в книге «Хрестоматия по истории западноевропейского театра». Здесь же можно отыскать указ короля Вильгельма III от 13 февраля 1698 года, который он выпустил вдогонку приказу лорда-камергера Сэндерленда, запрещавший богохульства и безнравственность на сцене. Оба этих указа, однако, не соблюдались, на сцене продолжался шабаш, который вызвал гневный протест поэта Ричарда Блекмора (см. его предисловие к поэме «Принц Артур» в книге Геттнера «История всеобщей литературы» Спб. 1896 г.).

68 У Эвелайна можно прочесть и о медвежьих боях – средневековом развлечении, которое удержалось и при Реставрации. За день до боев под барабанный бой и звуки фанфар по городу проходила процессия со сворой собак – будущих участников представления. Медведя привязывали и спускали громадных бульдогов. Если медведь оказывался проворным и убивал противников, они немедленно заменялись свежими силами. Затем собак сменяли люди, медведь ослеплялся, и его нещадно хлестали кнутами пять или шесть молодчиков. Это «развлечение» имело своих апологетов, которые видели в нем крепкие национальные традиции.

69 Неизвестно были ли это настоящие мохоуки, или виги, пытавшиеся отомстить Свифту. В любом случае правительство ториев удачно сыграло эту карту. Несколько мохоуков были арестованы, все они оказались людьми из высшего света.

70 Налог на экипаж был громаден, и знал об этом лучше других друг Свифта драматург Уильям Конгрив, который при вигах получил должность сбора этих налогов.

71 Именно в это время стали появляться и первые чайные.

Продолжение «Жизни и т. д. …»

И Свифт все это видел широко раскрытыми глазами, видел и ненавидел. Так неужели следует искать причину мизантропии в провале на экзамене, личных обидах, когда это лежит на поверхности? И что это за ненависть такая к человеческому роду? В письме к Попу уже в старости он писал: «Я всегда живо ненавидел все нации, профессии и сообщества, что не мешало мне любить отдельных людей. Больше же всего мне ненавистна разновидность под названием человек, что не мешает мне испытывать теплые чувства к Джону, Питеру, Томасу...». Вот какая ненависть – ненависть к йеху вообще, безличностная ненависть, ненависть к облагороженному философами слову «человек». А психологи-биографы болтают, что Свифт ненавидел всех и каждого, а, следовательно, был злым, говорил гадости, обижал знакомых и незнакомых. Но злые люди не имеют друзей.

Когда Свифт получил назначение в Ирландии[72], казалось, что это именно то, чего он добивался. Неплохая и необременительная должность, приносящая 150 фунтов в год - против 20 у Темпла, но в Клируте ему было скучно. В этом захолустном местечке он хорошо изучил глупость и ограниченность помещиков, узость и лицемерие пресвитериан и общее безразличие к судьбам церкви. Как-то раз, на прогулке, он повстречался со священником, сочтя его образованным, скромным и высоконравственным[73]. Этот викарий

имел доход всего 40 фунтов, будучи отцом восьми детей. Свифт, у которого не было лошадей, попросил у него черную кобылу, поскакал в Дублин и отказался от своего места с условием, что оно достанется тому на кого он укажет – хозяину лошади. Получив назад лошадь вместе с местом, добрый священник растрогался и решил подарить своему благодетелю лошадь, а Свифт не мог отказать ему, чтобы не обидеть. И вот Свифт на собственной лошади – возвращается в Англию, обратно к Темплу. В 1699 году тот умирает, и Свифту приходится устраивать свою дальнейшую судьбу. Еще когда был жив сэр Уильям, шла речь о том, чтобы сделать Свифта пребендарием в Вестминстере. И кое-кто пообещал это устроить. Кое-кто – это король Вильгельм, следовательно, пребенда у Свифта в кармане! Он едет в Лондон напомнить его величеству об обещании, пишет прошение и передает его с одним из друзей сера Уильяма – лордом Ромни («гнусный и невежественный старый распутник без совести и чести», как написано в «Автобиографии»). Но ответа нет... Тогда Свифт пишет второе, а потом и третье, и только сейчас стороной узнает, что лорд Ромни никаких прошений и не думал передавать! Свифт много раз наблюдал ложь со стороны и прекрасно знал, что это основное свойство йеху, но сам лицом к лицу столкнулся с ней в первый раз. Тогда он решил обратить на себя внимание короля посвящением собрания сочинений Темпла. Но зачем королю умерший сановник и, тем более, его книги, как, впрочем, и лорду Ромни? Неожиданно Свифту приходит предложение от вновь назначенного наместника Ирландии лорда Беркли занять место секретаря. Опять Ирландия! Ну что же, зато место неплохое. И Свифт возвращается в Дублин. Но не так все просто и здесь. Некий мелодраматический злодей мистер Бэш отбивает это место у Свифта, лорд Беркли предлагает в качестве компенсации место каноника в округе Дерри[74], место похуже, но опять-таки ничего. И вот Свифт приходит в приемную лорда-наместника, где его встречает Бэш, в его же собственном кресле уже в качестве нового секретаря и говорит ему: «Поздравляю! Место очень доходное!» и шепотом добавляет: «Знаете, лорд Беркли на самом деле очень небогат, а должность вице-короля требует столько расходов...». Долго ли, коротко ли он так шептал, да только выяснилось – хочешь быть каноником, вынь да положь тысячу фунтов! «Да-да! Господин наместник, конечно же, в курсе! Мы понимаем, сумма не малая, но есть же и другие кандидаты... Вы светский человек, мистер Свифт, и, говорят, литератор, вы должны понимать...». - «Оба вы негодяи, и пусть судит вас Бог!», - Свифт немедленно покидает канцелярию лорда-наместника, а затем и дублинский замок, где жил у лорда Беркли в качестве капеллана[75]. Уже на следующий день по всему Дублину гуляло свирепое сатирическое стихотворение на лорда Беркли и его секретаря. Через несколько дней появилось новое, еще более свирепое. Они были напечатаны анонимно, но все прекрасно знали автора, да и сам он не скрывал своей мести. Представьте удивление лорда Беркли[76] и его секретаря, когда оба они подверглись таким бешеным нападкам за дело, которое не было из ряда вон выходящим в практике чиновников того времени. Лорд первым понял, что имеет дело с необычным человеком, к тому же, Свифт умел внушать к себе страх, особенно, государственных чиновников и, особенно, ирландских. Он немедленно получил назначение священником в ларакорском и рэттбенганском приходах и пребенду в Дублинском соборе. Все вместе это давало около 250 фунтов годового дохода, что было втрое меньше, чем Свифт мог бы получать от места декана в Дерри. Я не знаю, сколько получал Бэш, на должности, которую он отбил у Свифта, но Аддисон на этой же должности секретаря получал две тысячи. Громадная разница!

В феврале 1700 года Свифт направляется пешком в Ларакор. Как и в Англии, он наблюдает и слушает разговоры в тавернах. Но какая разница! По проселочным дорогам блуждают обездоленные бедняки, тщетно ищут они работу. Что им остается? Только просить милостыню. Сколько слезных историй услышал Свифт во время ночевок на постоялых дворах, это не английские йомены, это ирландские крестьяне. Четыре дня длится путешествие Свифта из Дублина в Ларакор, войдя в город, он направляется к дому местного священника. Последний сидит на крыльце и курит трубку, быстрым шагом подходит к нему Свифт и, не здороваясь, строгим голосом спрашивает имя[77]. Старый пастор до того растерялся от неожиданности, что, выронив трубку, едва пробормотал: «Джонс…». «Отлично, а я ваш начальник», - сказал Свифт. Приходской священник и его жена засуетились, чтобы достойным образом принять неожиданно прибывшее начальство. Затем Свифт осматривал свое хозяйство – пустую полуразрушенную церковь, стоявшую на перекрестке четырех дорог и открытую всем ветрам, а также покосившуюся лачугу, предназначенную для него самого. Потекла спокойная, размеренная жизнь. Ларакорский священник отремонтировал свой небольшой домик и развел садик[78], пародию на сад сэра Уильяма Темпла, где он тщательно работает. А по средам и пятницам Свифт читает проповеди в маленькой церквушке, на украшение которой тратит свои личные скудные средства. Во всем округе числится с десятка два прихожан, ведь ирландцы фанатичные католики. Да и те почти не ходят на проповеди, их слушают всего два-три человека, а то и всего один – причетник и сторож церкви добродушный Роджер Кокс[79]. Но это не смущает ларакорского священника со строгим и гордым лицом. Голос его звучит так же ясно и местами иронично, как будто бы в церкви тесно от прихожан. Психологи, которые не могут воспринимать факты буквально, объяснили эту спокойную деревенскую жизнь, так несвойственную бойцовскому характеру Свифта, тем, что он де был сломлен. На самом же деле, эта размеренная жизнь, невысокая должность, которую Свифт тщательно исполняет, мелочи, которыми он занимается в свободное время, все это – обычная житейская мудрость. В это время Свифт написал небольшую поэму о сельском священнике, где с добродушием и юмором описал тип заурядного сельского пастыря душ; он умеет и покурить, и выпить, и газеты почитать, и продать в соседнем городке гуся, стыдливо спрятав его под полой, знает, как можно повторить старую проповедь, переменив пару строк в тексте, умеет пожелать своим прихожанам обильного потомства, стоит горой за свой титул преподобия, и отменно любезен с соседним сквайром. Каждый день Свифт вооружается большой палкой от крестьянских вил и идет пешком в соседний городок Трим – здесь живут две женщины... На этом времени обрывается «Автобиография», дальше следуют лишь календарные записи, служащие черновиками к намеченному продолжению. Мы же пока отправимся в Лондон. А точнее, в литературную кофейню Беттона.

В этой кофейне собирались лучшие литераторы и журналисты, пол посыпан песком, слышны тихие разговоры, здесь можно ознакомиться со свежими номерами газет, узнать литературные новости, обсудить новые книги, а также получить почту[80]. Неожиданно здесь стал появляться необычный человек в черной священнической одежде. Завсегдатаи кофейни, привыкшие друг к другу, дивились странному священнику; мрачный, нелюдимый, он приходил в определенное время, прогуливался взад и вперед с полчаса, а затем таинственным образом исчезал, не проронив ни с кем из присутствующих ни слова. Аддисон и его друзья прозвали этого необычного посетителя «сумасшедшим

священником», никто и не догадывался тогда, что это их будущий диктатор. В одно из таких посещений этот сумасшедший неожиданно подошел к кому-то и спросил: «Скажите, можете ли вы припомнить хотя бы один день, когда была хорошая погода?». «Конечно, сударь, - ответил тот, - в моей жизни было множество таких дней». «А я вот так сказать не могу, и не могу припомнить ни одного дня, когда не было бы слишком холодно, или слишком жарко, слишком сухо, или слишком влажно. А когда год подходит к концу, выясняется, что все обстояло как нельзя лучше». Не смотря на такое экстравагантное поведение, Свифт быстро сошелся с Аддисоном[81] и другими литераторами, и первый уже не называл его сумасшедшим, а «самым приятным собеседником и самым большим гением своего времени».

Лондон далеко, а Свифт небогат, но за три года он посетил Лондон четыре раза. Его тянет сюда. В один из приездов он читал леди Беркли книгу моралиста-проповедника Роберта Бойля «Благочестивые размышления»[82]. Эта слащавая книга и напыщенный ханжеский тон так вывели его из себя, что он написал свое сатирическое подражание моралисту. В следующий раз, когда леди Беркли попросила его прочесть, что-нибудь из Бойля, Свифт открыл книгу и прочел заглавие: «Размышление над палкой от метлы». «Какой странный сюжет, - сказала леди Беркли, - Впрочем, этот удивительный философ может извлекать глубокие мысли из самых обыденных предметов. Прочтите мне это, пожалуйста». С невозмутимой важностью и высокопарным тоном Свифт стал читать: «Сия простая палка, которую вы ныне видите бесславно валяющейся в углу, я знал ее некогда в цветущем состоянии в лесу, полной сока, полной листьев, полной ветвей; но тщетно мнит суетное искусство человека состязаться с природой, тщетно облекает в осиротевший пук ветвей иссякший соками ствол; вот он перед вами, как противоположность того, чем некогда был, дерево, обращенное главою долу, ветвями ниц, корнем вверх…». Когда Свифт закончил чтение, леди Беркли принялась расхваливать Бойля, в это время пришли гости, и Свифт, оставив книгу на столе, вышел. Графиня поделилась впечатлениями с гостями, и те захотели ознакомиться с оригиналом. Леди Беркли берет книгу, но с удивлением и гневом видит, что в нее вклеен листок, где ровным почерком Свифта записано «благочестивое размышление», которое он только что прочел. Таким образом, Свифт пошутил сразу над двумя – благородной дамой, предпочитавшей всякую чушь, и над недалеким автором, эту чушь написавшим. Это мне напомнило розыгрыш над Вуатюром. Как-то он написал сонет и прислал его госпоже де Рамбуйе, та же, отпечатав его со всеми вензелями, вклеила в сборник стихов, напечатанный уже давно. Эту книгу оставляют открытой на нужной странице, Вуатюр находит ее, несколько раз перечитывает, затем, вполголоса читает свой собственный, чтобы сравнить, смотрит год издания книги и, в конце концов, решает, что он не сочинил сонет, а только припомнил давно прочитанный. Но пора нам познакомиться с одним ученым эсквайром...

Комментарии:

72 Крейк первым доказал, что Свифт уехал в Ирландию, потому что поругался с Темплом. Причины нам неизвестны, но это нам, а вот психологи, конечно же, их знают. Свифт был, видите ли, обижен на свое лакейское положение и якобы потребовал от Темпла высокой

должности, что тот счел черной неблагодарностью. В Дублине Свифт якобы рассчитывал произвести фурор своим умом и добиться какой-либо должности с помощью своих друзей по колледжу, но после полугода пустых исканий написал Темплу покаянное письмо, получил ответ вместе с рекомендацией, а затем и место каноника от вице-короля Ирландии лорда Капеля, которому сэр Уильям написал тоже. Однако такую психологическую интерпретацию фактов разрушают все последующие события. Свифт действительно написал Темплу примирительное письмо, и Темпл тут же ответил. А когда Свифт вернулся в Мур-Парк, его приняли с радостью, и само положение Свифта сильно изменилось. О причинах, побудивших Свифта оставить Темпла можно только гадать, но мне на память приходит один случай. Однажды за обедом Свифт заметил, что министр иностранных дел Сент-Джон сдержан по отношению к нему. Свифт отправляется к нему и требует объяснений: «Я даже от коронованной особы не мог бы этого перенести и такой ценой не хочу пользоватьсямилостью кого бы то ни было». Сент-Джон ответил, что Свифт прав, и только ужасная усталость была единственной причиной его сдержанности. Добродушие и уступчивость Темпла, говорит о том, что он, быть может, был виноват, кроме того, потеряв секретаря и собеседника Свифта, он понял, какого человека лишился.

73 Психологи описывают этот случай, который Свифт вспоминал всю свою жизнь с удовлетворением и радостью, так: « Некий проходимец и интриган хитростью отбил должность у Свифта».

74 Между прочим, эту должность впоследствии занимал философ Джордж Беркли.

75 На этом месте Свифт был оживляющим центром высшего общества. Дамы были без ума от его остроумия и поэтических импровизаций. Именно леди Беркли помирила его со своим мужем и настояла на должности викария в Ларакоре.

76 Некоторые биографы впрочем, утверждают, что лорд Беркли ничего не знал о взятке, и вся эта проделка была делом рук только его секретаря.

77 И этот случай дал психологам материал для инсинуации, на этот раз они увидели в подобном отношении Свифта неуверенность в себе, мнительность и внутреннее чувство, что окружающие его мало ценят, мало уважают и мало с ним считаются.

78 «Часть Свифтовских построек и садик сохранились до сих пор», - так написано в биографии Свифта Веселовского. Зная отношения ирландцев к Свифту можно предположить, что садик сохранился и по сю пору.

79 Так было во время первой же объявленной проповеди нового викария. Войдя в церковь, Свифт увидел только сторожа. Этот Роджер Кокс не уступал в эксцентричности своему патрону, он, например, не снимал своего ярко-красного жилета, а на вопрос Свифта, зачем он его носит, ответил: «Ведь я же принадлежу к воинствующей церкви».

80 В Англии за доставку почты платил получатель, и те, у кого корреспонденция была объемна, рисковали разориться на письмах. Поэтому многие предпочитали получать

почту на канцелярию какого-либо друга, занимающего государственную должность, или на адрес кофейни.

81 Это был один из блестящих умов, поэт, драматург, журналист, политик. Аддисон родился в небольшой деревушке графства Уилтшир в семье нищего священника и начал свое образование в сельской школе, находившейся в десяти милях от дома, но казалось, сама фортуна была его матерью. В 1705 году он помощник статс-секретаря, в 1708 он член палаты общин, затем главный секретарь по делам Ирландии. Виги потеряли власть? Что ж, Адиссон избран членом торийского парламента. Тори разгромлены вигами? Он опять получает пост в новом правительстве. Фраза, которую я привел выше – это дарственная надпись Свифту на книге Аддисона о путешествии на материк, которое щедро оплачивалось за казенный счет. А далее – выгодные и почетные назначения, далее - выгодные коммерческие операции, далее - выгодная и почетная женитьба, далее – жизнь в прекрасном доме под Лондоном, где до сих пор висит его портрет, на пенсию в полторы тысячи фунтов, далее тихая безболезненная кончина в возрасте сорока семи лет и торжественные похороны в Вестминстерском аббатстве и, наконец, великолепное издание его сочинений по подписке, а среди подписчиков испанские гранды, итальянские прелаты, маршалы Франции, шведская королева, принц Евгений Савойский, великий герцог тосканский., герцог пармский, герцог моденский, дож генуэзский, премьер-министр Франции кардинал Дюбуа, регент герцог Орлеанский. Этот ли счастливчик не антипод Свифту? Но пока они друзья.

82 Авторы биографии Свифта в серии ЖЗЛ почему-то относят этот случай ко времени его капелланства, хотя произошел он позже в Лондоне. К тому времени Свифт уже помирился с лордом Беркли.

Отступление, касающееся известного астролога эсквайра Бикерстаффа

Жил-был в Лондоне некий портной Джон Гэдбюри, который вдруг решил заняться астрологией и издавать альманах с предсказаниями. Но речь не о нем, к описываемому времени он уже умер, а о сапожнике Джоне Хьюсоне, который стал известен под псевдонимом Джон Партридж. Этот Партридж, как я его теперь и буду называть, был учеником Гэдбюри по части околпачивания публики и оказался к этому настолько способен, что сделался главным конкурентом своего учителя. Альманахи с предсказаниями пользовались большим спросом, а потому конкуренты друг друга не жаловали и старались разоблачить коллег там, где обманывали сами. Бывший сапожник был необычным шарлатаном, для создания большей видимости он выучил латынь, начатки греческого и еврейского, прочитал пару книг по медицине, а также по астрологии и черной магии. Тяга его к деньгам и славе была неимоверна, он не только выпускал альманахи и составлял гороскопы, но даже ухитрился получить должность придворного лекаря. Лондонские остроумцы высмеивали его уже двадцать пять лет, и, казалось, на этом месте уже нечего искать предмет для шуток, но Свифт нашел...

На этот раз Свифт надел маску Исаака Бикерстаффа, эсквайра. Шутка по поводу эсквайра заключалась в том, что эту фамилию Свифт прочитал на вывеске лондонского слесарных

дел мастера[83]. Он написал предсказания на будущий год, предварив их критикой методов Партриджа и остальных астрологов. Бикерстафф – человек, увлеченный астрологией, тратящий любую минуту на любимое занятие, он лучше остальных знает, что должно произойти, потому что все предсказания – плод его многолетнего труда. Для большей достоверности он рассказывает о своих прошлых предсказаниях, которые можно проверить у его друзей, например: «Я точно предсказал неудачу осады Тулона и т. д.» Представьте себе мирно бредущего по Граб-стрит Партриджа, он видит листок «Предсказания на 1708 год», покупает его за 4 пенса, читает имя автора – Исаак Бикерстафф, имя незнакомое. Кто это? Новый конкурент? А может быть, старый - под псевдонимом? Начинает читать... Что такое?! Этот Бикерстафф нелестно отзывается обо всех коллегах по цеху и прекрасно разбирается в астрологии! Ну что же, посмотрим предсказания, а потом и выведем его на чистую воду. Итак, первое предсказание... Партридж остолбенел! «Мое первое предсказание – совершенный пустяк, однако, я приведу его, чтобы показать, до какой степени эти глупцы, выдающие себя за астрологов, невежественны в том, что касается их самих. Оно относится к Партриджу, составителю календарей. Я составил его гороскоп собственным методом и нашел, что он обязательно умрет 29 марта будущего года, около 11 часов вечера, от горячки. Поэтому я советую ему обратить внимание на это обстоятельство и своевременно привести в порядок свои дела». Бедный, больной, старый Джон Партридж, он перечитывает дважды, трижды... Дальнейшие предсказания, которые изумленный Партридж вряд ли прочел, были пародией на обычные календари – в стиле: некая важная особа умрет в собственном поместье, или разорится некий золотых дел мастер с Ломбард-стрит. Понятно, что в Англии пожилых и важных особ много, кто-нибудь да умрет. Точным предсказанием было еще только одно – смерть кардинала де Ноайля 4 апреля.

Успех сочинения Бикерстаффа был ошеломительный, через несколько дней вышло множество пиратских изданий. В том же году «Предсказания» были переведены на голландский и немецкие языки. А уже через пару дней, на улицах Лондона продавали анонимную брошюру «Ответ Бикерстаффу», где автор намекает, что знает кто такой Бикерстафф (в этом листке упоминалась «Всеобщая история ушей», фигурирующая в «Сказке бочки»), но публика вряд ли это заметила. Это был еще только первый акт комедии. После 29 марта, появилось письмо, написанное Свифтом, якобы от знакомого Партриджа, где обстоятельно описывалась его смерть. «Раз или два я встретился с ним дней за десять до смерти и заметил, что он стал хиреть». Автор письма трижды посылает слугу узнать о состоянии Партриджа и когда слышит, что надежды нет, отправляется сам. Он застает Партриджа в постели, и тот кается за весь обман, который он выливал на листы календарей, что никакой астрологии не существует, в своей же болезни он винит

Бикерстаффа, так как его предсказание о смерти вот уже две недели не выходит у него из головы. Автор письма заканчивает, что проверил с точностью до минуты, когда умер Партридж и... оказывается, великий Бикерстафф ошибся на целых четыре часа! Это вершина свифтовской издевки над астрологами. Письмо, повествующее о смерти Партриджа, было написано Свифтом так правдоподобно, что никто не заметил двойной мистификации, и цех издателей Граб-стрита вычеркнул Партриджа из своих списков, как умершего[84]. И это не все! В далеком Лиссабоне эсквайр Бикерстафф заочно приговорен инквизицией за сношения с дьяволом, потому что другим способом он не мог бы узнать

точное время смерти бедного Партриджа, а его предсказания были сожжены рукою палача. Этот факт[85] сообщил Свифту английский посланник в Португалии. Думал ли Свифт, что глупость, над которой он решил посмеяться, простирается так далеко? Через некоторое время появляется анонимный ответ, якобы от Партриджа (предполагают, что он написан Конгривом). Этот ответ обычно включают в сочинения Свифта, и я попробую коротко пересказать его:

«Вечером 29 марта в церкви зазвонил колокол, моя служанка со свойственным женскому полу любопытством, спросила прохожего, по ком звонит колокол? «По мистеру Партриджу, знаменитому составителю календарей, умершему сегодня вечером». Она посчитала его сумасшедшим, но второй и третий прохожий отвечали точно так же. Возможно, это были сообщники господина Бикерстаффа, а сам он шлялся где-то поблизости. В это время стучат в дверь, служанка впускает посетителя в гостиную, я выхожу к нему и застаю его за странным занятием – он обмеривает комнату. «Посветите мне, пожалуйста, а то эта свеча слишком тусклая», говорит он мне. «Что вам угодно сэр – я мистер Партридж» - «Ааа... Вы, видимо, брат покойного. Я понимаю... вдова не смогла выйти, но крепитесь, мистер Партридж был не бедным человеком. Я думаю, всю эту комнату мы обтянем крепом, а в остальных ограничимся траурными лентами. Мы можем приступить к делу немедленно». Я спросил, кто его прислал ко мне, и он ответил, что душеприказчик умершего. Я думаю, не нужно объяснять, что роль моего душеприказчика сыграл этот негодяй Бикерстафф! Только я закрыл дверь за обойщиком, раздался неистовый стук, я выглянул в окно: «Кто там?» - «Это я, Нэд, пономарь. Я пришел узнать, какие распоряжения будут о могиле, должна ли она быть простой или выложенной кирпичом, а также о надгробной проповеди?» - «Что ты несешь, негодяй? Ты что не видишь, что я жив?» - «Увы, сэр, весь город уже знает, что вы умерли. Вот и гробовщик Уайт заканчивает ваш гроб и скоро будет здесь. Он боится, что опоздал». Толпа, собравшаяся у окна, стала меня стыдить. «Не хорошо, сэр, держать свою смерть в таком секрете! Неприлично стоять у окна и пугать людей, когда вы уже три часа должны быть в гробу. Вы бы лучше завернулись в свой саван, потому что вон идет к вам толпа плакальщиц». В эту ночь проклятые гробовщики, бальзамировщики, пономари мне глаз не дали сомкнуть! И я не сомневаюсь, что у этого мерзкого Бикерстаффа хватит наглости уверять, что он не знает обо всех этих людях! Три месяца я не мог выйти из дома, что бы кто-нибудь ко мне не подошел и не сказал: «Мистер Партридж, мне еще не уплачено за гроб, в котором вы были недавно похоронены!» - «Уважаемый доктор! Неужели вы думаете, что люди могут существовать, бесплатно копая могилы?!» - «В следующий раз, когда вы умрете, будете сами по себе звонить вместо Нэда!», другой хватает меня за локоть: «Как у вас хватает совести бродить по городу, не заплатив за свои похороны?!» - «Смотрите, вон идет мистер Партридж, мой старый друг, он, бедняга, уже умер...», «Бог мой! Мистер Партридж! Как жаль, что вы умерли, вы были таким приятным собеседником...». Мою жену стали называть – вдова Партридж, и даже священник в нашем приходе несколько раз посылал ко мне с требованием или позволить прилично похоронить себя, или представить веские аргументы в пользу другого решения вопроса – «Видите ли, если бы вы умерли в другом приходе, тогда другое дело». А недавно я прочитал листок этого шарлатана, который утверждает, что теперь живет в доме умершего астролога Партриджа! В довершение всего, в приходе мне поставили дорогой надгробный памятник, и я уверен, что потратился на него мой гонитель Бикерстафф... и т. д. »

Я думаю, что Партриджу в то время жилось не лучше, чем описано в этом письме. В довершение, Свифт сочинил элегию на его смерть. Представьте себе, Партридж садится с семьей за завтрак и слышит за окном крики мальчишек-газетчиков: «Элегия на смерть, недавно усопшего Партриджа, знаменитого астролога! Два пенса!». Нормальный человек свел бы счеты с жизнью, но Партридж был туп, а, следовательно, и толстокож, в следующем своем альманахе он совершенно серьезно опровергал предсказания Бикерстаффа и даже попытался сделать это с иронией: «Я утверждаю, что не только жив сейчас, но и был жив 29 марта». Это дало Свифту повод написать «Опровержение», где сначала он в шутку цитирует письма, якобы присланные от знаменитостей того времени (и даже из далекой Московии). Например, Лейбниц: «Illusrissimo Bickerstaffo astrologiae instauratori», Леклерк: «Ita nuperrime Bickerstaffius, nobilis Anglus, astrologorum hujusce saeculi facile princeps» и т. п. После этого он обращается к фразе Партриджа, которую я привел выше, и говорит, что и сам Партридж не утверждает, что он не умер, а только лишь, что он жив сейчас и был жив 29, следовательно, он умер в точности с предсказанием, а то, что он потом воскрес - это уже его дело. Не только Партридж ответил на предсказания Исаака Бикерстаффа, но и во Франции вышла брошюрка «Опровержение предсказаний...», где опровергались предсказания касательно Франции, и, в частности, утверждалось, что кардинал де Ноайль - жив. Глупость не имеет национальности... А Партридж так и не понял, что от него хотел астролог Бикерстафф, и еще пять лет преспокойно продолжал выпускать свои альманахи. Что до мистера Бикерстаффа, то он был настолько популярен, что от его имени еще до конца года издавалось множество предсказаний, но все эти сочинения не имеют интереса. А сам Бикерстафф несколько сменил стиль и стал записным остроумцем, издававшем журнал «Болтун», первый номер которого вышел 12 апреля 1709 года. Маску Бикерстаффа перенял Стил, а позднее к нему присоединился и Аддисон[86]. Поскольку в то время Свифт был дружен с обоими, он тоже написал несколько номеров. Журнал имел огромный успех, а Бикерстафф не сходил с языка лондонцев. Бикерстафф в «Болтуне» - это некая параллель нашему Козьме Пруткову. Он представлен читателям как старик философ, юморист, астролог и цензор. В своем ученом кабинете Бикерстафф предается размышлениям, а его многочисленные агенты шлют корреспонденцию то из Виллеевой кофейни, где собирались литераторы, то из шоколадной лавки Уайта, места сбора золотой молодежи, то из кофейни Джеймса, где сходились дипломаты и политики. «Болтун» прекратил издаваться 2 января 1711 года. Было предпринято несколько попыток продолжений, но кто же сможет быть настолько остроумным? Правда, одно из них издавалось по совету самого Свифта неким Гаррисоном, и для этого «Болтуна» Свифт написал несколько номеров, опять надев маску Бикерстаффа, эсквайра... Но это было потом, а пока Исаак Бикерстафф остался жить в Лондоне, а Свифт «отступил к своим ирландским позициям».

ОБЪЯВЛЕНИЕ:

Последующие части «Жизни...», а также полная библиография будут высылаться на электронную почту по подписке. Цена каждой 20 фунтов и два шиллинга наличными.

Комментарии:

83 Этот факт легендарен, как множество других, относящихся к этой истории.

84 То, что Партриджу действительно пришлось приложить усилия для доказательства того, что он жив, говорит тот факт, что лондонские издатели подали в суд на автора «Альманахов Патриджа», которые выходили после писем Бикерстаффа. Некий негодяй де воспользовался популярным именем знаменитого астролога Партриджа, который недавно скончался, чтобы нажиться на подлом обмане.

85 Факт тоже легендарный, не имеющий документальных доказательств, который впрочем, вполне мог иметь место.

86 Со временем круг соавторов расширился, к ним присоединились Конгрив, Гринвульд и другие писатели.

Продолжение «Жизни доктора Свифта и т. д. »

Что же это за победа такая над глуповатым[87] стариком? Да не было никакого дела Свифту до Партриджа – мишень его сатиры, не конкретный человек, а глупость, которую и нужно было бить[88]. Во время этих наездов в Лондон Свифт опубликовал под одной обложкой два сочинения, написанные еще в Мур-Парке[89]. На этот раз Свифт надел маску наемного писаки с Граб-Стрит, который уже написал девяносто один памфлет к услугам тридцати шести партий, а в девятой главе любезно сообщается, что автор - сумасшедший и бежал из Бедлама. Но слухи о своем авторстве он не отрицал, тем более, что некий Керлл, опубликовал «Ключ», где утверждалось, что сочинение это написано Томасом Свифтом, а сам Томас почему-то неожиданно подтвердил свое авторство. В будущем, граф Оксфорд, когда хотел позлить Свифта, всегда называл его Томасом. Первое сочинение – это «Сказка бочки». Само название очень странное, и Свифт в предисловии объясняет его так: его книга - подобие бочки, которую моряки бросают киту, чтобы отвлечь от атаки на корабль (комментаторы тут же предположили, что бочка предназначалась «Левиафану» Гоббса). Но нужно понять, что Свифт постоянно мистифицирует, скорее всего, название, происходит от слов «сказка бочки», употребленных еще Томасом Мором в смысле «пустая болтовня»[90]. Странная, однако, это болтовня, если тут же, ниже, написано, что это сочинение предназначено для исправления человеческого рода! В книге описаны, похождения трех братьев – Петра (католичество), Джека (Кальвин) и Мартина (Лютер). Свифта тут же обвинили в плагиате, потому что эти религии под теми же именами встречаются в письме герцога Букингема к Клиффорду, но Свифт, конечно же, не читал этого письма, а имена напрашиваются сами собой. В пятое издание было добавлено множество примечаний, написанных самим Свифтом, но под некоторыми встречается подпись У. Уоттон. Это был недалекий филолог, полемизировавший с Темплом по поводу превосходства новых над древними. К Темплу (а он считал, что «Сказка бочки» написана именно им) Уоттон был настроен крайне враждебно. Но каким же тогда образом он прокомментировал книгу своего противника? Дело в том, что после выхода «Сказки бочки», Уоттон, добавил в третье издание своих «Размышлений о древней и современной образованности» критические «Замечание о "Сказке"», где, кроме обвинений в атеизме, он, следуя привычке филолога, дает разъяснения некоторым намекам, содержащихся в

книге. Свифт отобрал некоторые и иронически включил их в свою книгу. Таким образом, Уоттон сам поработал на своего противника.

За триста лет комментаторы уже расшифровали все намеки, аллегории и мистификации в «Сказке бочки», но даже, если они и сделали это правильно, все равно смысл книги заключается не в этом. Мне бы не хотелось здесь входить в скучный разбор сочинения, однако в связи с ним существует один неразрешенный вопрос относительно самого Свифта. Он звучит так – как относился Свифт к религии? Для психологов опять-таки все просто – Свифт атеист, а то, что он не критикует лютеранство, или его ветвь - англиканство, так это лишь потому, что он сам ведь священник англиканской церкви. Это просто для психологов и слишком примитивно для Свифта. Во-первых, зная Свифта, можно сказать, что он ни минуты не был бы священником, будучи атеистом – он не Мелье. Во-вторых, Свифт беспощадно бичует в своих памфлетах атеистов своего времени – Гоббса, Коллинза, Толланда и других. В «Сказке» высмеивается папизм и кальвинизм со всеми ответвлениями, правда, Вольтер сказал, что Свифт пускает стрелы не только в сыновей, но и в само христианство. Но вот, например, Александр Поп, католик и глубоко религиозный человек, отказался встретиться с Вольтером, из-за его антихристианских памфлетов, но и он же был очень близким другом Свифта. Атеист ли Свифт? Правда, он в старости пишет Попу письмо, что разочаровался в христианстве, но как это понимать? Христианство как религию, или христианство как политический институт? Свифта называли не атеистом, а безбожником, что не совсем одно и тоже. И даже королеве Анне внушили, что Свифт – безбожный священник. Сама она, конечно, «Сказки бочки» не читала, но читал кое-кто из врагов Свифта, в том числе и архиепископ Йоркский Шарп. Именно этот факт и явился причиной отказа Свифту в епископстве[91]. Но заметьте, именно этот факт (вкупе с отказом в епископстве) послужил для эпизода в «Путешествиях», а именно, когда Гулливер тушит пожар в покоях королевы, помочившись. Королева Лилипутии сочла это за оскорбление, переселилась в другое крыло и подготовила осуждение Гулливера. А это означает, что Свифт сам рассказал в своей глубоко личной книге, что не имел мыслей в отношении атеизма. Был ли Свифт наивно и глубоко религиозен? Конечно же, нет! Может быть, он был деистом, как Вольтер? Но Свифт писал свои памфлеты, как против атеистов, так и против деистов, не делая между ними различия. Так что же? Я не знаю... Это одна из тайн Свифта, которую все решают по-разному. Здесь заключено одно из противоречий Свифта – с одной стороны «Сказка бочки», и с другой - его горячая защита института англиканской церкви и Тест-акта. Некоторые комментаторы пишут, что «Сказка бочки» вышла из-под пера Свифта антирелигиозным памфлетом случайно, и автор вовсе не имел такого намерения. Но какое это глупое объяснение! Свифт видел в институте англиканской церкви некий баланс, третью силу, свободную от вигов и тори, именно то, что может объединить всех, от крестьянина до лорда, на пользу всему государству. В этом отношении примечателен его памфлет «Предложение об уничтожении христианства в Англии». Памфлет написан совершенно серьезно, но от этого ирония становится еще более яростной. Отменить христианство, потому что оно раздражает атеистов? Но где же они тогда найдут предмет для своих острот[92]? Отменить христианство? Но в церкви есть громадная польза – это удобное место для свиданий, светской болтовни, здесь можно хорошо поспать во время службы. Христианство повинно в том, что люди пьянствуют, лгут, воруют, мошенничают и блудят? Но разве после его отмены все проснутся трезвыми и нравственными? Так за

что же и против чего здесь воюет Свифт? Как бы-то ни было, я не берусь судить о религиозных взглядах Свифта, и ни одно из объяснений биографов меня не устраивает.

Было бы неправильно рассматривать «Сказку бочки» только как памфлет на попов, это сатира на все современное Свифту общество, которое он в самом начале характеризует следующими эпитетами – глупость, подлость, мерзость, зловоние, свинство и т. д. Всюду он видит общие места, глупость и трафарет. Все старо, все скучно, все ненужно, все может внушить только сплин. Но Свифт не склонен к сплину, он стремится добить даже поверженных противников - «эти люди с гнилыми зубами не могут укусить, но могут отомстить зловонием из своего рта». Глубочайшая жажда борьбы с этой мерзостью и неутомимость обуяли Свифта, он не может остановиться в потоке издевательств, он не брезгует ничем, его остроумие прямое, грубое, разящее, обидное часто переходит чувство меры. Вцепившись в жертву, Свифт уже не отпускает ее, то опережая, то забегая с одной, то с другой стороны, он постоянно наносит удары своей сатирой. Генрих Гейне добродушен, в сравнении со Свифтом. Первая атака направлена на писателей: Свифту ненавистны писатели, ему ненавистен сам современный институт однодневной литературы. «Книги только что появились, и обложки красовались, наклеенные на всех дверях книжных лавок и на всех углах улиц, но когда я через несколько часов вернулся еще раз пересмотреть их, то все они были уже сорваны, и на их местах наклеены новые. Я осведомился о них у читателей и книгопродавцев. Но расспросы мои были тщетны. Память о них исчезла, и следы их было невозможно отыскать. Меня даже осмеяли и дразнили, как шутника и педанта, лишенного вкуса, изящества, невежду в текущих делах, не имеющего понятия о том, что творится в высшем свете при дворе и в городе». Обращаясь к потомству, Свифт издевательски вспоминает несколько имен, современных ему гениев. «Опираясь на свидетельство одного честного человека, я могу теперь уже уверить вас, что в настоящее время у нас существует некий поэт по имени Джон Драйден, чей перевод "Вергилия" недавно издан в толстом томе, в хорошем переплете; меня уверяли, что если предпринять тщательные розыски, то еще можно найти эту книгу. Есть и другой поэт, по имени Нээм Тэйт, который, - я сам могу присягнуть – настряпал для издания в свет несколько сот стоп стихов; если предъявить законные требования, то он и его издатель могут представить подлинные экземпляры, причем, конечно, весьма удивятся, что мир упорствует считать это издание тайным. Есть и третий, известный под именем Томас Дерфи, поэт обширных способностей, всеобъемлющего гения и глубочайших знаний. Есть также у нас мистер Раймер и мистер Денис, глубокие критики. Есть личность, чья кличка - доктор Бентли, написавший около тысячи страниц с громадной эрудицией, содержащих в себе полный и верный рассказ о некоей знаменательной передряге между ним и одним книгопродавцем». Далее Свифт обещает описать современных светских мудрецов – личность подробно, а гений и разум - в миниатюре. Следующие объекты насмешек Свифта - ораторы, балаганы, театры, их зрители, критики. Свифт ни во что не верит, ни в чем не видит смысла, все ему ненавистно. Мудрость не кажется ему возможной в современной обстановке, это что-то далекое и трудное, а та, современная – это обычный суррогат, и он издевается над нею. Свифт ненавидит фальшь, ложь, лицемерие, ханжество, ненавидит пошлость, получувства, легкую жизнь, беззаботность в мире, полном ужасов, нищеты и всяческих бедствий. Ему ненавистна мода, стадо пошляков, высший свет. Свифт уверяет, что у людей из высшего общества душа при ближайшем рассмотрении состоит из разных

частей их модной одежды. Сатира Свифта - это не литературный прием, это животворящее начало, казалось бы, при таком напоре и размахе Свифт должен устать, и взрывы гнева должны смениться молчаливым презрением. Но нет, насмешки, издевательства, колкости идут сплошной лавиной. Свифт не пользуется классическим сатирическим приемом – преувеличивать отрицательные черты и типизировать их. Мы не можем говорить о типах Свифта, как о типах Гоголя. Их нет, Свифт не преувеличивает, не играет, не выдумывает, он только характеризует и определяет. Вот и все. Свифт отлично знает жизнь, он знает людей, но вот чего он не знает, и знать не хочет, так это пощады. Зачем же Свифту изучать то, что он так ненавидит? Ответ написан в самом начале книги – для исправления человечества. Перечитав в старости «Сказку бочки», Свифт сказал: «Как я был гениален, когда писал это!». Это была первая попытка Свифта сказать обществу то, что он о нем думает, попытка неудачная, поэтому для «Гулливера», он использует совсем другой метод. Прежде же, чем говорить о второй книге, нужно сделать отступление...

Комментарии:

87 То, что он глуповатый можно вынести из всей этой истории, но не так считают современные астрологи: «Джон Партридж – выдающийся английский астролог и издатель альманахов. Его называют последним великим астрологом… самый известный астролог Британии и т. д.». В этом же астрологическом справочнике, где, кстати говоря, переведена на русский язык одна из книг Партриджа, говорится, что он также известен благодаря инциденту со Свифтом. Последний выпустил поддельный альманах, обман удался, и Партриджу пришлось приложить усилия, чтобы убедить публику, что он жив. В следующий же альманах Партриджа «были включены несколько колких мыслей относительно личности Свифта». Какого рода были эти колкости, мы видели, а Свифт, кажется, получил целый отряд влиятельных врагов в XXI веке в виде новоявленных астрологов.

88 Психологи, конечно же, нашли другую причину, Свифт де обижался на то, что в своих альманахах Партридж публиковал стишки, позорящие высокую церковь.

89 Веселовский считает, что Свифт написал «Сказку бочки» в Клируте, а Луначарский, совершенно беспричинно, основываясь только на дате публикации, что в Ларакоре. Некоторые полагают, что замысел этого сочинения мог сложиться у Свифта еще в университете, этим пытаясь объяснить странное поведение Томаса Свифта.

90 Смешно, что Луначарский воспринял утверждение Свифта о названии буквально, и даже посетовал, что правильнее было бы назвать это сочинение «Сказка-бочка». Странно, но никто не обратил внимания на то, что у Бена Джонсона есть комедия с точно таким же названием

91 «Сказка бочки» была, может быть, основным, но не единственным препятствием. Дело в том, что в окружении королевы против Свифта интриговала одна знатная дама, которая на смерть была обижена его эпиграммой.

92 Дидро цитирует Свифта во вступительном слове к «Принципам нравственной философии», в примечании к этому месту указано, что таких слов в сочинениях Свифта нет. Однако известно, что когда Дидро цитирует, не указывая точного места, он просто пересказывает автора. Таким образом, эта цитата вполне могла быть взята Дидро из «Предложения об уничтожении христианства в Англии».

Отступление, описывающее историю известной войны сторонников древних и новых до того, как в нее вступил Джонатан Свифт

Поскольку автор не чувствует в себе ни сил, ни знаний для изложения подобной истории, то просит читателя самого покопаться в древних французских и английских книгах, если таковые еще сохранились и не пошли в макулатуру. Хотя сторонники новых и были в свое время разбиты наголову и долгое время молчали, я наблюдаю, однако, в наше время тотальное их засилье. Итак, это отступление остается читателю, а мы возвращаемся к...

... жизни доктора Джонатана Свифта…

Вторая книга - это «Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг». Хотя книгопродавец и приписывает это сочинение предыдущему автору, т. е. писаке с Граб-стрит, но Свифт здесь использует две другие маски – книгоиздателя и историка, создавая, таким образом, двойную мистификацию. Филологи, вроде Уоттона, тут же откопали, что подобная книга была уже написана Франсуа де Кальером (первоначально эта книга приписывалась Кутре) и называлась «Поэтическая история недавно объявленной войны между древними и новыми». Но Свифт категорически отрицал знакомство с ней. Я думаю не нужно говорить, что Свифт встал на сторону древних, на которых был воспитан. Действие сатиры происходит в библиотеке Сент-Джеймского дворца. Пристрастный библиотекарь Бентли неправильно расставил книги, отдав лучшие места современным авторам. Древние писатели собирают силы, чтобы занять подобающее им положение, новые готовятся отразить атаку, они плохо вооружены, зато многочисленны. Сперва завязывается спор, затем страсти разгораются, шевелятся книги на ближних и дальних полках. Две армии стоят друг против друга. Древние классики полны мужества и благородства, современные – легкомысленны и запальчивы. На стороне первых – боги Олимпа, на стороне вторых – дух критики с подручными: Шумихой, Бесстыдством и Педантизмом. Гомер ведет конницу древних, Евклид – главный инженер, Гиппократ начальствует драгунами, Геродот и Ливий - пехотой. Мало помалу, несмотря на назойливость Буало, Декарта и Гоббса, новые начинают отступать. Завязываются поединки Аристотеля с Бэконом, Вергилия с Драйденом. Новые терпят поражение…

Но теперь мы подошли к самому важному времени жизни Свифта - тогда, когда он, как ему казалось, был на своем месте. Но сейчас я просто обязан сделать предупреждение...

Предупреждение автора: Читатель! Вся последующая часть до очередного отступления очень скучна, и ты волен ее пропустить или же прочитать по своему свободному выбору, мое же дело предостеречь тебя от скуки и от опасности уснуть не поужинав.

Я понимаю, что политика – это скучно, но никак не могу выбросить пять самых важных лет из жизни этого великого человека. Для того чтобы понять, почему умного и наблюдательного Свифта постигла ужасная катастрофа, почему он не только проиграл, но был унижен, и даже обманут, нужно сначала понять, кто такой Свифт и кто такие политики. Существует множество профессий, от которых люди получают удовольствие, которое можно назвать удовольствием от власти. Я знавал одного архитектора, который сознавался мне, что хотел стать художником, но не устоял перед соблазном, чтобы его громадные творения мозолили глаза всем прохожим помимо их воли. Возможно, многих людей, как и этого архитектора, вела эта тайная воля к власти при выборе абсолютно безобидных специальностей – учителя, регулировщика, юриста, режиссера, романиста. Но никто из них не сравнится с политиком! Здесь у человека складывается абсолютная иллюзия того, что он управляет историческими событиями, и что только от его воли зависит будущее целого государства. Все остальное кажется политику несущественным, мелким, поэтому в душе он презирает всех остальных, и особенно - философов и литераторов, а из них наипаче тех, что берутся давать советы. Свифт же ни на грамм не был политиком, для него это занятие было еще одним средством, ведущим к цели – исправлению человеческого рода, возможно, самым действенным. Поэтому он был очень «наивен» в политике и, к тому же, обладал свойством совершенно не замечать того, что противоречило его мыслям, которые, по сути, являлись чувствами, облеченными в логику, а если человек, чего-то не чувствует, то и не замечает. Политики считают себя настолько исключительными существами, что мнят себя совершенно свободными от нравственных принципов большинства. Если посмотреть, какое громадное различие было между ними и Свифтом, и насколько не совпадали у них цели, то можно предположить с самого начала, к чему все это приведет.

В борьбе за престолонаследие 80-х годов в Англии сложилось две партии. Тех, кто поддерживал Карла II, их противники окрестили ториями, по названию ирландских разбойничьих отрядов. Те в долгу не остались, и назвали своих недругов виггимотами, или вигами, по имени шотландских протестантов. Первые, как правило, денежные тузы и буржуа, вторые – земельные собственники, лендлорды, сельские джентри, йомены, фригольдеры. Виги совершили Славную революцию 1688 года и потому участвовали в разделе пирога, тории же считали себя обделенными. Король Вильгельм старался балансировать, опираясь то на вигов, то на диссентеров, не забывая ублажать и консерваторов. В 1693 году граф Сэндерленд, бывший министр короля Якова, переметнувшийся теперь к новому королю, посоветовал Вильгельму составить правительство только из вигов, и важнейшие министерские портфели перешли в руки Рассела, Соммерса и Шрусбери. Но к 1701 году недовольными оказались все: виги – тем, что им приходиться действовать с оглядкой, диссентеры – тем, что устали ждать, тории – тем, что всегда были на вторых ролях. Тут еще Людовик XIV захотел посадить на испанский престол своего внука, а в дальнейшем объединить два государства под одной короной, что означало бы гегемонию Франции в Европе. Началась война за испанское наследство. Вигам была нужна эта война по разным причинам – ссуды государству, торговля с колониями, Гибралтар. Но в 1701 году тории смогли вызвать недовольство народа: побед еще не было, а военные налоги были. Выяснилось также, что король раздал ирландские земли голландским фаворитам. Напор ториев в палате общин был так силен, что королю пришлось уступить, опять-таки по совету графа Сэндерленда, теперь

противоположного свойства: земли были возвращены, а тории появились в правительстве. Тот самый лорд Беркли, который отказал Свифту от места секретаря, был смещен с поста наместника Ирландии, именно как ярый виг. Вместе с ним в Лондон прибыл и Свифт[93]. А тории здесь готовили осуждение пятерых виднейших политиков из числа вигов.

Уильям Темпл был умеренным вигом, что определило и политическое взгляды Свифта. «Сказку бочки» он посвятил видному вигу Соммерсу. И вот в 1701 году Свифт в Лондоне, и здесь же анонимно выходит его памфлет «О раздорах и конфликтах между аристократией и общинами в Афинах и Риме и о последствиях, причиненных обоим этим государствам». В этом памфлете Свифт защищает лорда-хранителя печати Соммерса, лорда канцлера Галифакса и герцога Оксфордского – лидеров вигов. Теккерей, конечно же, пишет, что Свифт в такой форме предложил им продать свое перо. Опять психологический шаблон – безвестный, нищий, священник из ларакорской дыры, жадный, одинокий, беспринципный, снедаемый честолюбием и нетерпением получить кусок от пирога, попытал счастье в игре за деньги, славу и власть. Все написано художественно и очень психологично. Теккерею можно было бы поверить, если бы не знать, что своим пером Свифт за всю жизнь не заработал ни фартинга и был к этому абсолютно равнодушен. Давайте посмотрим, в чем же состояли обвинения, от которых Свифт защищал этих людей? Соммерс обвинялся в том, что снарядил корабль для борьбы с пиратами, но корабль этот сам поднял черный флаг. Командовал им герой многочисленных романов Уильям Кидд. Соммерса обвинили в сговоре, и что он получает пай с пиратских денег. Свифт прекрасно знал, что лично сам Соммерс был честным человеком, и обвинение - это просто злоба противной партии. Почему бы Свифту не заступиться? Монтегю, канцлер казначейства, создатель Английского банка и Новой Ост-Индийской компании, упорядочивший бюджет, обвинялся наряду с Соммерсом, потому что кто-то считал себя обиженным при распределении денег. Почему бы Свифту не заступиться? Рассел, главный лорд Адмиралтейства, одержал блестящую победу у Ла-Гога, положив конец превосходству Франции в Средиземном море. Почему бы Свифту не заступиться и за него? Кто же их обвиняет? Палата общин, в которых тории имеют большинство и которые считают себя обделенными, формально они ратуют за демократию, но фактически - за свои корыстные интересы. Значит, это фальшивая демократия, фальшивые народные вожди, а Свифт ненавидит фальшь. Случайное скопище людей в парламенте – это не народ. Памфлет был написан анонимно, имел успех и очень помог вигам. Свифт рассказал о своем авторстве в Ирландии, и это стало известно в Лондоне. В 1702 году лорды Соммерс и Галифакс пожелали с ним познакомиться и наобещали очень многое («любых повышений, как только это будет в их власти»). Вскоре Свифт стал частым гостем у лорда Галифакса, а с лордом Соммерсом виделся, когда пожелает. Так почему же на Свифта не «посыпались дублоны», как, например, на Адиссона и других писателей от вигов, ведь заслуга Свифта была не меньше? Почему он не сделал карьеры при вигах? Теккерей пишет, что ему помешала священническая ряса, а другие психологи добавляют – плохой характер, неуживчивость, человеконенавистничество... Но неужели не понятно, что виги были неблагодарны к Свифту лишь потому, что чувствовали его чужим?

Виги у власти, Свифт приезжает в Лондон в апреле 1705 года, добиваться отмены налогов для ирландского духовенства, которые были отменены для английского за три года до

этого. Для этой миссии его рекомендовал архиепископ дублинский Кинг, ведь Свифт знаком с виднейшими вигами, и они ему обязаны. И все же Свифт ничего не добился ни для ирландских священников, ни для себя лично[94]. В следующий приезд Свита в Лондон по тому же делу в 1707 году Соммерс - премьер министр! Здесь Свифт пишет памфлет «Рассуждения английского церковника касательно религии и управления», где рассматривает возможность объединения двух партий. Какая наивность! Примечательно, что в этом памфлете, конечно же, анонимном, Свифт пишет, что нельзя разделять до конца программу любой партии, не делая при этом насилия над своей честностью и разумом. Партии – это ограничение свободы личности, которое так ему ненавистно. В своих личных делах парламентарий предпочитает думать своей головой, рассуждает Свифт, но, переступив порог парламента, он меняет собственный разум на указания руководителя партии, в которой он состоит, ничего не зная ни о нем самом, ни о его целях. Таким образом, Свифт отстаивает свою независимость от обеих партий. Раньше шли слухи о том, что он будет назначен епископом, но лорд Соммерс после последнего памфлета решил, что польза от Свифта невелика, если уж и делать его епископом, то подальше - в Виржинии, а то и послать как дипломата в Вену, только бы убрать подальше этого беспокойного и гордого человека. Но слухи эти быстро прекратились из-за ссоры Свифта с вице-королем Ирландии Уортоном. Дело в том, что Уортон, от которого фактически зависела отмена первин, намекнул Свифту, что он добьется решения дела, если будет отменен Тест-акт, а это противоречило убеждениям Свифта, и он ответил памфлетом «Письмо члена ирландской палаты общин по поводу сакраментального теста». И какой же после этого Свифт виг? В 1688 году парламент не созывался королем, а виги, пользуясь своей властью, объявили короля свергнутым и передали корону его зятю, хотя в то время имелись три прямых наследника. Свифт считал этот акт незаконным, и, следовательно, кардинально расходился с вигами в оценках Славной революции. Сам он называл себя старым вигом, ему была близка программа вигов, когда они выступали за защиту гражданской свободы, но теперь, вербуя сторонников среди диссентеров, виги решили отменить Тест-акт, и Свифту с ними стало не по пути. Именно в этот момент, под маской некоего благочестивого человека, он пишет памфлет «Опыт доказательства того, что уничтожение христианства в Англии может при нынешнем положении вещей создатьнекоторые неудобства и, пожалуй, не вызвать тех благих последствий, кои имеются в виду». Кроме прочего, здесь есть выпад и против вигов – «Я очень беспокоюсь, что через полгода после уничтожения христианства акции банка и Ост-Индийской компании могут понизиться минимум на один процент, а это в пятьдесят раз больше того, чем мудрость нашего века могла бы рискнуть». Гениальная издевка! Полтора года пробыл на этот раз в Лондоне Свифт и опять уехал ни с чем.

Но вот наступил 1709 год - и ситуация несколько изменилась. Прошел ажиотаж побед под Блейнхемом, Рамильи и Уэденарде, в дни которых чернь в Лондоне напивалась с утра. Произошло кровавое сражение при Мальплаке, на поле которого осталось лежать тридцать тысяч солдат. Марш английской армии был остановлен, война затянулась. Государство имело громадный внутренний долг в двадцать миллионов, что сделало бы банкротом любую частную компанию. Был введен налог на окна, более чем в три раза повышен налог на соль, тяжело обложены налогами чай, перец, табак, пиво, мыло, свечи, бумага, чернила, шелк, ситец[95]. Налог на землю стал практически неподъемен, один лендлорд, заплатив годовой налог в четыре тысячи, в отчаянии воскликнул: «О боже!

Почему я христианин, а не магометанин и живу в Англии, а не в Турции!». Поводом же к возмущению стал процесс некого Сэчверелла. Это священник, пошлый демагог и пьяница. Виги попытались обвинить его в государственной измене за его бешеные проповеди в защиту англиканской церкви. Но после его ареста город бушевал три дня, жизнь судей была под угрозой. Процесс закончился ничем[96], но авторитет кабинета вигов был подорван. Королева Анна, упрямая ханжа, «ревнительница веры», втайне ненавидевшая вигов, казнивших ее деда, изгнавших отца и отстранивших от престолонаследия ее брата, распустила парламент и сменила кабинет. Лорд Годольфин в бешенстве сломал свой белый жезл лорда-казначея.

Все это стало возможным благодаря тайной интриге, которую Эжен Скриб описал в пьесе «Стакан воды, или Причины и следствия». Хотя, конечно, все было не совсем так. У королевы была фаворитка – Сара Дженнингс, герцогиня Мальборо, - которая стала тираном и тюремщиком Анны. У Сары была двоюродная сестра, которую она же и пристроила при дворе – Эбигайл Мэшем. Она сама захотела стать фавориткой и, с помощью своего родственника, бывшего члена кабинета и бывшего вига Роберта Гарли, провернула хитрую интригу, в результате которой, после бурного объяснения с королевой, Сара получила отставку и не появлялась во дворце, а заодно были смещены ее родственники Гольдофин и Сандерленд. В пьесе же вместо Гарли выведен Болингброк, который в то время был еще Сент-Джоном. Возможно, Скриб имеет в виду другую интригу – отстранение герцогини Сомерсет? Но тогда нет совпадения имен, и, кроме того, эту интригу тоже провернул Гарли, тогда уже граф Оксфорд. Гарли действительно был пожилым, тогда как Болингброку тогда было двадцать восемь лет. Причина замены Гарли Болингброком видится мне в том, что Скриб обязательно хотел вывести в этой роли философа, а не просто интригана. Как бы то ни было, в августе первый стал лордом-канцлером (министром финансов), а второй - государственным секретарем (министром иностранных дел), а в сентябре в Лондон приезжает Свифт, и все опять по тому же делу – отмены первин. Выборы в парламент нанесли еще один удар по вигам, которого они никак не ожидали. Даже в традиционно вигистских избирательных округах[97], они потерпели сокрушительное поражение. И все же, в их руках был Английский банк[98] и Ост-Индийская компания, а также все руководящие чины в армии. Тории, пришедшие к власти, не имели ни программы, ни целей, кроме прекращения войны. Объяви они открыто о своих дальних планах – посадить на трон Претендента и заключить союз с Римом, они немедленно и навсегда лишились бы власти. Тори пришли к власти не потому, что народ разделял их взгляды, а потому что он был недоволен вигами. Поэтому их власть напрямую зависела от общественного мнения, и поэтому тори нуждались в хорошем пере, чтобы пропагандировать свои идеи. Но кто мог бы взять такую сложную задачу на себя? Ведь лучшие журналисты эпохи – Аддисон и Стил - на стороне вигов? Гарли вытащил из тюрьмы памфлетиста-диссентера Даниэля Дефо и пользовался его услугами, но ему был нужен другой человек. Как тут подошел бы Свифт! Но кто он? Скромный ходатай по злосчастному делу, бедный священник из ирландской дыры. Но Свифт в Лондоне! В его маленькой квартире из двух комнат на Бэри-стрит толпятся литераторы, политики, придворные, он ежедневно приглашен на обед к лордам и епископам. На него обращены взоры обеих партий, и виги впервые почувствовали страх, вспомнив, как они обошлись с этим странным священником. Вот что пишет Свифт в дневнике: «Все виги отчаянно старались увидеть меня, пытались уцепиться за меня, как утопающий за соломинку; все

большие люди приставали ко мне с неуклюжими извинениями. Забавно видеть, как они жалостно извиняются в своем прежнем плохом обращении со мной»[99]. Еще в пути Свифт написал и анонимно опубликовал памфлет против наместника Ирландии, вига Уортона. О! Это был лакомый кусок для его пера! Но и Уортон явился на поклон к Свифту, так же как Галифакс, и Соммерс. Лорд Галифакс, любитель литературы и меценат, покровитель Конгрива, приглашает Свифта на званный обед, устроенный в Хэмптон-Корте, в летней королевской резиденции. Там он произносит красноречивый тост за возрождение и победу вигов. Все взгляды обратились на Свифта, поднимет ли он свой бокал?! Но нет, рука его неподвижна... Лорд Галифакс в недоумении: «Вы не поддерживаете тост?» Свифт отвечает: «Я поддержал бы его, если бы вы сказали за покаяние и исправление вигов», и к этому добавляет: «Ведь вы знаете, лорд Галифакс, что вы единственный виг в Англии, которого я уважаю». Разрыв с вигами, как проигравшими? В этом ведь всегда обвиняют Свифта, и в любой биографической статье есть слова о свифтовской политической беспринципности. Вот ведь как? Но я же рассказал предысторию. За что ратовали виги? За поддержку конституции 1689 года, за защиту свободы нации? И Свифт с этим согласен, но это в теории, а что на практике? – коррупция, интриги, оппортунизм, нищета, но Свифт не теоретик, поэтому виги для него скомпрометированы, они же уже были у власти так долго! Кроме того, Свифт имел врожденное отвращение к любой бессмысленной жестокости, что сделало его убежденным антимилитаристом, а виги ведут бесконечную войну. Итак, у Свифта были причины расстаться с вигами. А чтобы заткнуть рот тем, кто обвиняет его в беспринципности, я напомню, что с этого момента и до конца жизни он отстаивал одни и те же политические взгляды, выраженные им в памфлетах этих пяти лет.

С вигами ясно, а что тори? «Вы были единственным человеком в Европе, которого мы боялись», скажет ему позже Роберт Гарли[100]. Как? И тории тоже боятся Свифта? Его, скромного ларакорского священника с доходом в триста фунтов? Но самому Свифту пора бы сделать выбор. На четвертое октября Свифт получает два приглашения – от лидера ториев лорда-канцлера Гарли и от лорда Галифакса - прибыть на совещание виднейших вигов[101.] Два крупнейших политика Англии одновременно назначают ему свидание. Свифт встречается с Гарли, но это лишь предварительное свидание. 7 октября приглашен на обед в кругу семьи. Гарли сам выходит встретить Свифта в вестибюль, знакомит с семьей. После обеда Свифт излагает ему свое дело. Уже 10-го, по словам Гарли, он сообщает дело королеве, а 21-го он уверяет Свифта, что оно улажено и остались только формальности. Гарли торопится, но подозревал ли тогда Свифт, что все это было ложью!

Гарли и дальше кормил Свифта обещаниями – 3 ноября позволил написать архиепископу Дублинскому, что дело улажено, а 7 июня, что Свифт может известить об этом всех епископов. Но и через несколько лет, дело, ради которого он прибыл, не сдвинулось с мертвой точки при ториях, как это было и при вигах. Гарли знакомит Свифта с государственным секретарем Сент-Джоном, оба они уверяют, что представят его королеве и Свифт прочтет проповедь в присутствии Ее Величества и всего двора. Это тоже ложь, и эти обещания тоже никогда не будут выполнены. Роберт Гарли, собиратель древних рукописей, тонкий психолог, он симпатичен Свифту. А Сен-Джон? Свифт назовет его английским Алкивиадом – он тонкий мыслитель и философ, учитель Вольтера и одновременно пьяница, шатающийся по девкам, государственный деятель и картежник. Оба министра предлагают ему издавать правительственный листок «Экзаминер»[102].

Сейчас над ним работают лучшие литераторы партии тори – сам Сен-Джон, Прайор, Эттербери, - но Свифту не нужны компаньоны. Сен-Джон был талантливым полемистом и уже успел позабавить публику своим фехтовальным изяществом, но Свифт заигрывать с публикой не собирался, как и полемизировать с противной партией, он взял поучительный тон. Тридцать три номера были написаны Свифтом с четырнадцатого от 2 ноября 1710 года до сорок шестого от 14 июня 1711. Написаны, конечно, анонимно. Абсолютно чистый стиль, как ключевая вода, и ясный язык. Для Свифта важна четкость мысли, а не оформление: пусть человек, прочитавший памфлет, будет убежден, что сам всегда думал также[103.] Писал он поразительно быстро, сразу же отсылая работу типографу, потому что презирал «отвратительную работу перечитывания». С первого же номера речь идет о войне. Дело не в том, что англичане воюют с французами, и даже не в том, кто кого одолевает. Победы и поражения одинаково доходны для биржевиков, также как и победы, и поражения оборачиваются повышением налогов, разорением йоменов и лендлордов. И суть войны, таким образом, не в ее скорейшем победном окончании, как уверяют виги, а в ее бесконечном продолжении, ибо вместе с капиталами, банкротя государство, биржевики прибирают к рукам и Англию. Многие лидеры партии вигов были подвергнуты обличительной критике Свифта[104.] Вот, например, лорд Гольдофин. Он одинаково благоволит ко всем монархам, в каждое из правлений последних Стюартов постепенно возвышался, но втайне никогда не любил их. Главные его страсти – любовницы и карты. Гольдофин в любой момент мог заплакать по команде, что с одинаковым успехом применялось им в интригах, как политических, так и любовных. Свифт отмечал беспринципность вигистского министра, вступившего в партию, идей которой он не разделял, и к лидерам которой испытывал личную неприязнь. Граф Сандерленд, по мнению Свифта, когда-то слыл приверженцем республиканских принципов исключительно потому, что ему отказали в титуле лорда. И тогда он решил дождаться такого времени, когда в Англии не останется ни одного. Роберт Уолпол - военный секретарь при вигах. Получая жалование в пятьсот гиней, Уолпол, намеревался получить на пятьсот фунтов больше за контракты по снабжению фуражом королевской конницы, расквартированной в Шотландии, был признан виновным во взяточничестве и отправлен в Тауэр. Один из памфлетов был посвящен герцогу Мальборо. Никто еще не осмелился поднять перо против него. Герцог Мальборо - гениальный полководец, но его страсть к деньгам превосходила все возможные пределы. Как только Мальборо понял, что виги могут дать ему больше денег, он тут же переметнулся к ним. Недостаток образованности он заменял умением вести себя при дворе и влиянием жены на королеву. Таким образом, он сумел поставить на ключевые должности в государстве своих родственников. Все поставки армии, вплоть до солдатских подметок, обложил он своим налогом, и в короткое время стал самым богатым человеком Европы. С вигами его связывала война, пока виги были у власти, деньги текли в его карманы. Но герцог Мальборо был настолько жаден, что решил себя обезопасить от смены кабинета, и потребовал пожизненной должности главнокомандующего. Это было большой ошибкой. Свифт призывал кабинет действовать более решительно против семейства Черчиллей и не медлить. Недаром позже герцог говорил, что ничего так не желает, как умилостивить доктора Свифта. А через много лет, потомок Джона Черчилля герцога Мальборо, попытается оправдать его от обвинений Свифта, его звали Уинстон Черчилль...

Неожиданно секретарь Гарли Льюис приносит Свифту чек на 50 фунтов. Свифт в бешенстве, чек немедленно возвращен с письмом, что Свифт отказывается общаться с Робертом Гарли, пока не будет письменных извинений. Они были получены и приняты. Свифт - не наемный писака, он работает по убеждению. Поэтому он так презирает Дефо, хотя они состоят в одной партии. Свифт лишь дважды пишет о нем, не называя по имени – «безграмотный писака», «один из этих писателей, субъект которого выставили к позорному столбу в действительности – такой тщеславный, сентенциозный и демагогический плут, что положительно невыносим». Но если Свифт не просит ничего для себя, он с охотой помогает всем, кому может[105.] Даже литераторам-вигам, например, тому же Конгриву и Стилу[106]. Все ирландцы идут в дом к Свифту. Среди просителей можно увидеть и лордов. Например, лорда Эберкорна, он просит Свифта похлопотать о герцогстве Шэтельро во Франции. С другой стороны его просит об этом же лорд Селкирк. Вот как! Ларакорский священник решает, кому быть герцогом во Франции! Но Свифт строг с лордами. Он ввел обычай, чтобы все прошения ему подавали, вставая на колено, сам же сидел окруженный величественным беспорядком. Если входил лорд, то Свифт небрежно бросал ему: «Можете снять с того стула эти проклятые четки и усесться». Если же входил человек простого звания. Свифт вставал, шел ему навстречу и сам очищал место на стуле. С Джоном Шеффилдом графом Мелгроу маркизом Нормэнби герцогом Букингемом Свифт вообще отказался знакомиться из-за длины его титула. В это время Свифт - самый популярный в Лондоне человек, он нарасхват на званых ужинах, а по городу ходят слухи, что какой-то ирландский священник помыкает королевой. Левидов нарисовал вот такую театральную картину[107]:

«Четвертый час хмурого октябрьского дня. Зал для приемов Кенсингтонского дворца полон, скоро должна проследовать королева. Зал жужжит, но вдруг он затихает напряженной, тревожной тишиной. В дверях, ведущих на широкую парадную лестницу, показался человек. Он вошел легкой и быстрой походкой и неожиданно остановился, вгляделся в зал – поверх людей – внимательным, почти сумрачным взглядом. Он казался несколько выше своего среднего роста благодаря гордой посадке высоко поднятой головы. Вот к нему подбегает лорд Эберкорн, с просьбой о герцогстве. «Я вас слушаю, милорд…» Голос Свифта был четок, звучен и как-то намеренно, преувеличено ясен. Поговорив с лордом Эберкорном и оставив его с полуоткрытым ртом, Свифт направляется вглубь зала и подходит к высокому священнику в потертой одежде. «Я занялся вашим делом, викарий Торолд. Отправляйтесь домой, вам нечего делать среди этих негодяев, на днях вы получите назначение на пост главного священника в нашей посольской церкви в Роттердаме». Торолд, то красневший, то бледневший, быстро пошел к выходу. У самой двери он столкнулся с маленьким человеком с туго набитым портфелем. Свифт остановил его на середине зала: «С бумагами к королеве, мистер Гвинн? Идите, идите, только не забудьте, потом подойти ко мне». «Значит, Гвинн отчитывается не только перед королевой», - прошипел герцог Ноттингэм лорду Эберкорну, стоящему рядом. Секретарь по военным делам Уильям Уайндхем подводит к Свифту испанского посла: «Мой друг маркиз желает поделиться с вами своим горячем убеждением в том, что его государь Филипп Пятый, равно как и французский король и наша возлюбленная государыня Анна, должны считать себя лично обязанными вам, уважаемый доктор, больше, чем кому-либо во всей Европе за окончание этой ужасной войны». Гул прошел по залу. Не слишком ли лестно для ирландского священника? Свифт не ответил испанцу, взял подруку Уайндхема

и что-то ему выговаривал. Затем Свифт поднял руку, призывая к вниманию. «Смотрите! Он опять что-то выдумал», - снова злобно шепнул герцог Ноттингэм своему соседу. Свифт стоял у камина, в глубине зала, поставив ногу на решетку. Возле него на некотором отдалении образовался кружок из придворных. Голос его звучал повелительно и с легкой насмешкой: «Я хочу, джентльмены, чтобы ваша щедрость обогатила английскую литературу. Вы не сомневаетесь, конечно, что мой друг мистер Поп – лучший поэт Англии. Он начал ныне свой благородный труд – перевод песен Гомера. Но было бы несправедливо, если бы он передал свой труд печатнику, не имея в кармане хотя бы тысячи гиней. Я жду, джентльмены…» Первым опять подскочил лорд Эберкорн: «Прошу возглавить моим именем подписной лист на сумму в сто гиней» - «Вы совершенно убеждены, дорогой лорд, что только забота о процветании английской литературы побудила вас сделать ваше любезное предложение?» – «Я отказываюсь понимать вас, доктор Свифт!» - «Ваша воля, лорд Эберкон! Хорошо, вы возглавите лист. Вы, кажется, сказали, двести гиней?» Эберкорн отошел в сторону, растерянно мигая. Список рос именами людей, которые состояли в просителях у Свифта – здесь лорд Эрран, мечтавший проникнуть в общество «Братьев»[108], и Дэвенант, и лорд Риверс, и епископ Ормонд. Свифт вынимает часы: «Как? Пятый час, а премьер-министр еще не вышел?» Но вот появляется и граф Оксфорд, пройдя через зал и обмолвившись несколькими словами с придворными, он кивнул Свифту. Под руку они спустились с парадной лестницы и, о чем-то беседуя, проследовали к выходу. «Пообедаете со мной, дорогой доктор» – «Благодарю вас, сэр Роберт, но я уже приглашен». - «Разрешите тогда подвезти вас – вы вряд ли достанете карету…» – «Если б и мог достать, Вы же знаете, я не в состоянии тратить фунт в день на кареты, я всего лишь бедный священник!». Граф Оксфорд оторопел от такой откровенности. Карета тронулась… Глядя в окно на отъезжающего Свифта, герцог Ноттингем процедил: «Я говорю вам, Эберкорн, это сумасшедший священник и величайший безбожник во всем королевстве! Он издевается над всеми нами, аристократами крови…» Эберкорн задумчиво кивнул, ему было жаль двести гиней на Гомера, и он знал, что герцог недаром бесится: весь Лондон[109] повторяет свирепые сатирические стихи на него, написанные Свифтом».

И только после того, как удалился Свифт, в этой сцене появляется королева… До сих пор вопрос о влиянии Свифта на министров и королеву, живо занимавший исследователей еще в XVIII веке остается дискуссионным. Эквурт, Форстер[110], Левидов, Веселовский, Чуйко и Муравьев убеждены, что Свифт оказывал неимоверное влияние на политиков. «Он не только наш любимец – он наш опекун», - говорил про него Роберт Гарли. А Кук и Спек считают, что министры его использовали в качестве политического инструмента, и посвящали Свифта только в то, что было необходимо для его пера. Однако современные ученые все-таки склоняются к первому ответу - влияние Свифта несомненно. Все, что делалось правительством, делалось с его ведома, а по возможности, и согласия, а часто и совета. Свифт был единственным человеком в государстве, который знал, о чем премьер-министр вполголоса беседует с королевой на тайной аудиенции, он был в курсе закулисных парламентских интриг и тайных дипломатических ходов, он перебирал с министрами документы, писал резолюции. Конечно, министры имели свои тайные планы, которые Свифт бы не одобрил, поэтому можно обвинить его в наивности, но, скорее, наивны министры, которые призвали Свифта защищать свои действия пером, если они решили, что его руками можно подготовить авантюру. Жестоко ошибались те, кто думал,

что Свифт был с вигами или ториями, когда писал памфлеты в поддержку их партий. Свифт всегда защищал только свои взгляды, а они пока совпадали с планами правительства.

Но в кабинете министров нет согласия. Гарли получил титул графа Оксфорда, а Сент-Джон - только виконта Болингброка. Оксфорд медлит и оглядывается на вигов, а Болингброк слишком бежит вперед. А тут еще Гарли ранен французским эмигрантом, авантюристом и проходимцем маркизом Гискаром. И ведь расквитаться то он хотел с Сент-Джоном, но Гарли сидел ближе - и теперь он герой. Свифту всегда приходилось выступать посредником между двумя лидерами партии ториев, дабы избежать падения кабинета. Но вот он приступает к своей главной работе – трактату «Поведение союзников». Эта работа была очень важна кабинету, Свифт пишет ее в доме Сент-Джона, а после ужина, не слуга провожает его в спальню, а сам государственный секретарь с женой. Всю осень он трудится. Именно это сочинение подготовило умы к заключению мира. Успех памфлета был грандиозен! Первое издание памфлета было раскуплено за два дня, а второе - всего за пять часов! И даже шестое издание было раскуплено мгновенно. Его цитировали в обеих палатах парламента, он читался вслух во всех кофейнях Лондона. Ни один из литераторов-вигов не посмел выступить против него, волна смущения и паники охватила вигов. Военные действия приостановились, и в январе 1712 года должны были начаться мирные переговоры. Но вдруг события стали развиваться совершенно неожиданно!

1 сентября 1711 годы на заседании парламента подкупленный граф Ноттингэм произнес речь против мира, посоветовав не заключать его без Испании. Это предложение было принято вигами большинством голосов. Вопрос был перенесен в общую комиссию парламента. Свифт, считавший произошедшее личной виной Гарли, встретился с Сент-Джоном, тот убедил его, что ситуация под контролем и в палате лордов тории имеют большинство. Но тут к Свифту явился, один шотландец, член палаты и сообщил, что лорды вынесли решение против действующего кабинета. Палата лордов постановила внести дополнительный пункт, требующий не заключать мира, пока королем Испании остается Филипп Бурбон. Если бы это предложение вошло в силу, то парламент неминуемо был бы распущен, а правительство смещено. Это случилось потому, что к вигам неожиданно перебежали несколько людей из так называемого «болота», зависящих от двора, и виги получили перевес в пять голосов. И еще сенсационный факт: после окончания заседания на вопрос камергера герцога Шрусбери, кто должен сопровождать ее до кареты, он или герцог Линдсей, королева ответила: «Ни один из вас!» и подала руку герцогу Сомерсету, который больше всех кричал в парламенте против мира! Все это имело причиной подковерную войну – жена герцога Элизабет стала часто появляться во дворце и оттеснила на задний план фаворитку королевы Эбигайл Мэшем.

В шестом часу вечера, 8 декабря, на следующий день после этого события в покоях миссис Мэшем собралось небольшое общество. Свифт сидит в кресле, вонзив с силой трость в ковер, и не сводит сурового взгляда с хозяйки: «Вчерашнее голосование не было сюрпризом для королевы. Следовательно, одно из двух: оно не было сюрпризом и для вас, или вы были обмануты королевой так же, как и вся Англия. В этом последнем случае вы виновны в небрежности, в глупости, в разгильдяйстве; если же не в этом – то в измене и

предательстве!» – Мисс Мэшем всхлипнула: «Уверяю вас, доктор…» – «Я требую ответа, мисс Мешем! Глупость? Или предательство?!» – Свифт мерно постукивал каблуком по ковру. В этот момент в комнату вошел очень бодрый премьер-министр. «Вы здесь Джонатан! Какая удача! Вы видели? Наши друзья из палаты лордов оказались предателями!» – «Слабый ответ в устах опытного политика»[111,] – Свифт встал и подошел к сэру Роберту: «Ваш белый жезл при вас?». Граф Оксфорд удивился: «Конечно, я же от королевы», - он отвернул полу сюртука и вынул из бархатного чехольчика белый жезл лорда-казначея. «Дайте его мне!». Сэр Роберт машинально передал жезл Свифту. Воцарилась напряженная тишина, все присутствующие затаили дыхание, а глаза мисс Мэшем расширились от страха. Роберт Гарли, только тут понял, что он сделал, и неловким движением попытался забрать жезл обратно. Свифт же, твердо сжимая его перед собой и глядя в упор на Гарли, сказал: «Будь этот жезл в моих руках, я бы в недельный срок привел все дела в порядок». «Каким же образом вы…», - попытался было съязвить премьер-министр, но, встретившись взглядом со Свифтом, опустил глаза. «Я отнял бы у герцога Мальборо звание главнокомандующего, удалил бы с министерских постов скрытых и открытых вигов – Ноттингэма, Чолмондли и других, запретил бы доступ ко двору герцогине Мальборо с дочерью и герцогине Сомерсет и произвел бы чистку правительственного аппарата сверху донизу», - медленно и размеренно проговорил Свифт и вернул жезл премьер-министру, стоявшему, как провинившийся школьник. Гарли тут же стал составлять список всех, кто голосовал против кабинета, с видом, как будто хочет их отстранить, и как будто может что-то сделать.

Положение было действительно серьезным. Свифт даже просил у министров дать ему дипломатическое поручение за границей до дворцового переворота. Виги слишком его ненавидят. И все-таки он продолжает борьбу, размахивая копьем своего неистощимого и мрачного юмора и нанося удары вигам направо и налево. 23 декабря он пишет свирепое сатирическое стихотворение против герцогини Сомерсет – «Виндзорское пророчество». Сатира была так резка (в ней, в частности, упоминалось, что герцогиня отравила своего первого мужа, чтобы выйти замуж за Сомерсета), что друзья Свифта испугались и советовали не печатать ее. Но она была уже распродана, вместе с другой сатирой – на герцога Ноттингэма. Положение уже не могло ухудшиться – все стояло на карте. Роберт Гарли опять показал себя первоклассным комбинатором. Неслыханное в политической истории Англии дело: королева подписала указ о назначении двенадцати новых пэров в палату лордов! Естественно, все они были тори, большинство обеспечено. Герцог Мальборо смещен со всех постов, герцог Сомерсет получил отставку. Свифт мог считать Утрехтский мир своим детищем. Работа закончена, мир подписан, но он не уезжает. Он ждет, он не может вернуться в Ирландию ни с чем. Он просит не платы за свои труды, он просит лишь справедливости. Появляются вакантные должности, но его не назначают, он в растерянности[112]. Назначению препятствовали многие, и сама королева не могла терпеть Свифта. В конце - концов, Оксфорду удалось добиться назначения Свифта деканом собора св. Патрика в Дублине[113,] что выглядело подачкой, ссылкой, издевательством. Это лучший собор в Ирландии, говорят, построен в пятом веке, но Ирландия... Свифт просит хотя бы тысячу фунтов, чтобы выкупить громадный дом при деканате, ему обещают, но не дают. Стил в письме к Свифту от 19 мая 1713 года издевательски поздравил его с назначением деканом, прекрасно зная, что Свифт рассчитывал на епископство в Англии. И все же Свифт перед отъездом оказывает еще одну услугу своим друзьям министрам, он пишет

памфлет против крайних ториев, которые расшатывали и так неустойчивое правительство, - «Советы членам Октябрьского клуба», что привело к его добровольному закрытию.

В Июне 1713 года Свифт возвращается в Дублин. Если верить Оррери, то чернь кидала в него грязь и камни, оскорбляла, грозя перейти к побоям, когда он шел по улице, а на дверях собора были вывешены оскорбительные стихи. Ведь тори не были популярны в Ирландии, и все прекрасно знали, что Свифт сопротивлялся отмене Тест-акта. Архиепископ Дублинский Кинг стал писать Свифту издевательские письма[114,] рекомендуя ему остаток лет посвятить сооружению стадвадцатифутового шпиля на соборе и тем стяжать народную приязнь. Из-за этих издевательств и унижений Свифт пишет в ирландскую палату лордов, что он Джонатан Свифт, доктор богословия и декан собора св. Патрика просит обеспечить ему свободный проезд по дорогам ирландского королевства и приструнить знатного хлыща, покушавшегося на его жизнь на одной из этих дорог. Удивительно! Но через пятнадцать лет аналогичное письмо от горожан было направлено лорду-мэру Дублина. В нем сообщалось, что один болван неосторожно высказался относительно особы декана собора св. Патрика доктора Свифта, и эти его высказывания могут быть истолкованы как угрозы, и они, законопослушные горожане Дублина, со своей стороны нисколько не намерены ручаться за жизнь этого болтуна, равно как и за жизнь всякого, кто позволит себе непочтительные выражения насчет поименованной особы. За эти пятнадцать лет Свифт смог добиться народной любви и без упомянутого стадвадцатифутового шпиля. Да и архиепископ Кинг резко изменил отношение к декану. Но пока Свифт от оскорблений удаляется в Ларакор, в уединение. Но уже через месяц он получает письмо от секретаря лорда Оксфорда Льюиса, который просит срочно приехать, а через три недели еще одно с просьбой поторопиться.

И Свифт вернулся и опять взялся за перо. За время его отсутствия виги развернули компанию против незащищенного правительства в журнале «Гардиан». Особенно был популярен памфлет Стила «Соображения о важности Дюнкерка». В ноябре 1713 года Свифт выпустил свой - «Соображения о важности "Гардиана"», где сравнял Стила с землей. Но последний не унимался и попробовал нанести еще один удар. Свифтовский памфлет «О гражданском духе вигов», написанный в ответ на Стилевский «Кризис», превзошел все написанное до этого времени Свифтом. Это единственный памфлет, написанный им полемически к другому, за что Свифт извиняется в предисловии: «Ничем более омерзительным я никогда не занимался». И Свифт оказался прекрасным полемистом, потому что о фактической стороне памфлета говорить не приходится. Виги были уничтожены! Чтобы представить, как они себя чувствовали после опубликования памфлета, достаточно взглянуть на шотландских лордов[115,] задетых лишь слегка, но обида их оказалась настолько сильна, что они потребовали у парламента защиты. Стил писал под своим именем, а Свифт анонимно. Оба памфлета были осуждены, Стил изгнан из парламента, а за поимку второго давали награду в 100 фунтов. Все знали об авторстве Свифта, но никто его не искал, ведь он писал по заказу правительства. Именно в это время Свифт создал клуб Мартина Скриблеруса, куда кроме него входили Поп, Гей и Арбетнот. Члены клуба собирались в коллективном труде описать воспитание, труды и путешествия выдуманного персонажа - Мартина Скриблеруса, где осмеивались бы все пороки современного общества, но вышел только первый том «Записок». Правда, из этой задумки впоследствии появились «Гулливер», «Глупиада» и «Об искусстве упадка в поэзии».

Через восемь месяцев Свифт покинул Лондон и поселился у своего друга, пастора Гири в Леткомбе. Он прекрасно предвидел катастрофу кабинета, но устал нести его на своих плечах и уже ничего не мог сделать, поэтому и решил наблюдать за событиями со стороны, но не из далекой Ирландии, а отсюда, из Англии. Здесь он пишет памфлет «Мысли о современном положении дел», где вменяет торийским министрам в вину корыстолюбивые интриги, губящие страну. В это время королева Анна отобрала белый жезл у Оксфорда, назвав его пьяницей и бездельником. Ведь к тому времени Оксфорд был запойным алкоголиком и появлялся на приемах пьяным. Болингброк торжествовал: теперь он первое лицо в государстве. Он спешно меняет кабинет и немедленно шлет курьера к Свифту, предлагая сотрудничество, а также, упоминая о том, что он выбил для него причитающуюся тысячу фунтов[116]. В письме было и обещание епископства. Но в этот же день Свифт получает письмо и от Оксфорда, с просьбой сопроводить его в изгнание в его поместье в Херфордшире[117]. Опять выбор! Но Свифт не колеблется, он едет с Оксфордом, и первое письмо он пишет не Болингброку, а архиепископу Кингу, с просьбой продлить его отпуск, но разрешения на продление отлучки не потребовалось. Во вторник Болингброк стал хозяином положения, а в воскресенье умерла королева и его власть кончилась. Печальна судьба и самой королевы, похоронившей тринадцать своих детей. Даже смерть ее не была королевской, не было ни публичной панихиды, ни официальных похорон; ее труп разлагался три недели, пока несколько слуг Георга I не захоронили ее тайком ночью. Она покоится в Вестминстерском аббатстве, рядом со своей прапрабабушкой Марией Стюарт, королевой Шотландии. И по сей день ни камень, ни табличка не отмечает ее могилу. Георг I еще в пути отменил все распоряжения кабинета тори. 8 сентября в Гринвиче лидеры вигов встречали нового короля. Среди этой пестрой толпы можно было разглядеть и затесавшегося графа Оксфорда, но подобный жест не помог ему, Гарли немедленно брошен в Тауэр. Герцог Ормонд бежал во Францию, где и будет, скитаясь, жить в нищете до самой смерти. И Болингброк тоже бежал во Францию к претенденту, заняв там тот же пост государственного секретаря. Так получается, что Свифт обманут! Он, в течение нескольких лет убеждавший публику в своих памфлетах, что тори не имеют связи со Стюартами? Свифт не может поверить в это и через три года: «Я никак не могу поверить, что они все время маскировались, находясь со мной...». А ведь он не обратил внимания на слова, однажды брошенные ему Болингброком: «Мы вам лжем, мы все вам лжем!». Однако Свифт не бросил своих друзей - ни одного, ни второго. Он пишет письмо Оксфорду, над которым висела угроза казни, в Тауэр, прекрасно зная, что его вскроют и прочтут: «Я не считаю себя обязанным менять свои мнения по указанию палаты лордов или общин; и поэтому, как бы они ни рассудили на Ваш счет, я позволю себе считать и называть Вашу светлость способнейшим и честнейшим министром и вернейшим патриотом, которого знал наш век; и я уже принял меры, чтобы таким Вы предстали перед потомством, как бы ни злорадствовали и ни клеветали Ваши враги». Далее он просит человека, обвинявшегося в государственной измене, считать его, Свифта, в своем распоряжении и просит об этом, как о милости: «Это в первый раз я прошу Вас чего-нибудь для себя». «Меры», о которых пишет Свифт – это история деятельности кабинета тори, в написании которой он весьма педантичен[118.] Написал он, впрочем, немного, опасаясь полицейских[119] обысков, изъятия и утраты для потомства своего труда. Осенью 1714 года Свифт возвращается в Дублин. Его лучшие пять лет закончились.

Четыре года молчит Свифт, его мощная энергия ушла внутрь. Он пишет только письма своим в заключении или в изгнании друзьям и их родственникам с утешениями, что на фоне ирландского восстания 1715 года граничило с государственной изменой. В одном из писем Попу он пишет, что в эти годы пребывал в полнейшем уединении. Однако точнее было бы написать - «одиночестве». Дело в том, что декан окружил себя толпой новых «друзей», которые подбирались по принципу полного подчинения всем его капризам и настроениям. Настоящие друзья Свифта были далеко. Здесь же, в Дублине, он завел хоровод шутов, и от этого его одиночество становилось еще мрачнее. Его сатирический ум находит себе выход в курьезных проповедях, которые прихожанами воспринимались всерьез, а по сути, это было остроумнейшее издевательство над педантичными проповедями заслуженных церковных ораторов. Одна из таких проповедей была «О спанье в церкви». Свифт начинает с цитаты из «Деяний апостолов» XX, 9, где рассказывается, как некий Евтихий уснул во время проповеди Павла, упал с третьего яруса и поднят был мертвым. «Несчастный случай, происшедший с этим юношей, далеко не в достаточной степени обескуражил его преемников, но так как современные проповедники, хотя и превосходят св. Павла в искусстве располагать людей ко сну, но значительно ниже его стоят в совершении чудес, то люди стали очень осторожны в выборе безопасных и удобных поз для спанья в церкви, без риска для своей особы». Подобные проповеди, конечно, не могли удовлетворить мощный ум Свифта, но скоро появился повод выпустить, копимую деканом энергию.

Нужно правильно понимать отношение Свифта к Ирландии. Здесь прошла почти вся его жизнь, но Свифт – англичанин. Когда во французском переводе «Гулливера» его назвали ирландцем, он написал негодующее письмо. Но Свифт реалистически прав, отказываясь считать себя ирландцем. У английских переселенцев не было никакого права на ирландскую национальность, потому что жили они здесь лишь по праву насилия и грабежа[120.] Признать себя ирландцем – значит признать Ирландию колонией[121.] В первом завещании он просит похоронить себя на ближайшем клочке Англии, потому что не хочет лежать в стране рабов. Свифт презирает рабов. Тогда, в Лондоне, распри в марионеточном ирландском парламенте вызвали у него иронию. Свифт презирает рабов, но еще больше ненавидит тех, кто делает из людей рабов. «Все, что я сделал для Ирландии, было следствием моей абсолютной ненависти к тирании и насилию». Что же представляла собой Ирландия? Еще в 1580 году англичане конфисковали у ирландцев шестьсот тысяч акров земли. Затем Кромвель прошел по ней мечом под девизом «пленных не брать», а купцы финансировали его экспедицию на условиях конфискации земель. И Кромвель уплатил ирландской кровью и слезами по своим счетам – пять миллионов акров земли. Еще полтора миллиона было конфисковано королем Вильгельмом. Но новые хозяева не жили в Ирландии, они сдавали эту землю бывшим владельцам - по такой цене, что те жили в нищете. С давних пор Ирландия за счет своего бюджета должна была платить паразитические пенсии королевским фаворитам, которые никогда не были в стране, которую обирали. Так внебрачный сын Карла II герцог Альбана получал восемьсот фунтов ежегодно, Вильгельм III подарил своим любимцам Портланду и Обермалю в Ирландии столько земли, что каждому досталось по графству. Королевские бастарды, любовницы, отставные политики - все кормились за счет бедной страны. Ирландским католикам было запрещено обучать своих детей в школах, запрещено жениться на протестантках, запрещено занимать государственные должности.

Ирландцы сопротивляются и упорно ищут пути сохранения нации. Богатая Англия, символ ее богатства - шерсть, на мешке с шерстью восседает в парламенте лорд-канцлер. И вдруг в Ирландии тоже появляется шерсть, дешевле и лучшего качества! Это грозит многим, поэтому были немедленно приняты меры – неимоверно высокий налог. Но и этого мало: с 1699 года вывоз шерсти из Ирландии запрещен, а для охраны поставлены военные суда. Это был уже не удар, а убийство. Проходя по улицам Дублина, Свифт видит нищету, умирающих детей, голодных и оборванных ремесленников. Что думает Свифт? Эти люди – рабы, но кто сделал их рабами? Нужно выступить, но ведь это означает выступить против Англии, ему - англичанину, священнику англиканской церкви. 8 декабря Свифт пишет Форду, что больше не может оставаться в стороне, и произносит проповедь «О причинах тяжкого положения Ирландии». В 1720 году в Дублине был опубликован анонимный памфлет с длинным, понятным простому обывателю названием «Предложение о том, чтобы во всеобщее употребление вошли изделия ирландской мануфактуры для одежды и обстановки домов и чтобы были решительно отвергнуты все изделия подобного рода, ввозимые из Англии».

Автор предлагает всему населению употреблять только товары ирландского производства и отвергнуть все, что ввозится из Англии, а тот, кто будет покупать английское, пусть будет объявлен врагом народа. Это значит, что автор призывает к объединению и новой тактике. Памфлет анонимен, но автора тут же узнали и в Дублине, и в Лондоне. Как рано сбросили со счетов Свифта! Что же опять хочет этот странный священник, не поднять же католическое ирландское восстание? Памфлет анонимен, но печатник известен. Это некий Уотерс, он привлечен к суду, но Большое жюри отказалось признать его виновным. Девять раз главный судья Уайтшед посылает спросить мнения присяжных, кричит, угрожает, но ответ один – невиновен! Процесс отложен[122], по Дублину ходят эпиграммы на Уайтшеда, написанные Свифтом, а памфлет продолжает выходить в новых изданиях. Лорду-наместнику герцогу Графтону дело пришлось прекратить. Начало положено... 12 июля 1722 года король Георг I предоставил право на чеканку мелкой ирландской монеты герцогине Кенделл. Это была старая шлюха, которая в Голландии звалась просто Софья Шуленбург, а в Англии ее называли «Ярмарочный столб». Она продала этот патент за десять тысяч некоему Уильяму Вуду. Афера заключалась в том, что в медном полупенсе, стоимость меди не превышала и десятой доли полупенса, поражало также количество этих денег сто восемь тысяч фунтов. Это был наглый и открытый грабеж. В Ирландии появляется памфлет, подписанный М. Б. Суконщик. Это была одна из самых гениальных масок Свифта, которая превосходит даже Бикерстаффа! Несколько простоватый язык, сведения он узнает от образованных людей и т. д. Памфлет был написан очень ясно и доступно и продавался по минимальной цене, Свифт сам спонсировал его издание. Марионеточный ирландский парламент направил запрос. При Тайном совете была создана комиссия для проверки монеты, которая и была произведена на Монетном дворе не кем иным, как великим Ньютоном! И он подтвердил ее качество! Вуд, впрочем, мог одурачить великого математика, но ведь именно Ньютон составил патент для ирландской монеты.[123] Свифт этого Ньютону не простит... 1 августа результаты работы комиссии были опубликованы в «Дублинской газете» Гардинга. В ответ 6 августа Свифт пишет второе письмо Суконщика, в котором с беспощадной логикой доказывает ложность выводов комиссии. Сам сэр Исаак Ньютон проверил качество монеты и нашел, что контракт выполняется? Какой еще контракт? С кем? Может быть, с парламентом и народом

Ирландии? Но такого контракта не существует. А что до экспертизы, так это сущая чепуха: что стоило мошеннику Вуду изготовить десяток хороших монет и показать их Ньютону, а тот и уши развесил. Вуд согласился начеканить только сорок тысяч? Да пусть себе чеканит до упаду, хоть свои жестянки, хоть уличную грязь. К нам его монета не имеет никакого касательства. Сам король к этому не обязывает: хочешь – бери, а не хочешь – не бери. А этот жалкий бесстыдный жестянщик пытается предписать целой нации, сколько его медной монеты люди обязаны брать, поставив себя выше короля? Да это пахнет государственной изменой! Господи Боже мой! Да кто же у этого негодяя в советниках? Мистер Вуд обяжет меня брать его полупенсовик? Да хоть бы его медяшки были алмазными, но целое королевство против них - и этого достаточно, чтобы он катился к черту.

Вуд должен был ошалеть от таких возражений! А 19 августа выходит третье письмо Суконщика – «К дворянам и помещикам Ирландии». Здесь он издевательски рассматривает заключение высокой комиссии, редактированное самим Уолполом, как памфлет Вуда. Похоже, что мистер Вуд решил оправдаться в обход его королевского величества и властей. С его стороны это очень наглое обхождение с высокой комиссией – говорить от ее лица. Неужели настоящий Тайный совет Англии позволил бы себе такие выражения по отношению к ирландскому парламенту и, тем самым, к целой нации? Разве народ Ирландии не родился таким же свободным, как англичане? Когда же он отказался от своей свободы? Разве ирландский парламент - не такой же представитель своего народа, как английский - своего? Разве ирландцы и англичане подданные не одного короля? Разве не одно и то же солнце им светит?

Письма Суконщика всколыхнули всю Ирландию, парламент стал протестовать более решительно. Декларации стекались со всех сторон, из всех городов, от всех торговых объединений. Подозреваемые в сообществе с Вудом печатно оповестили сограждан, что подозрения неосновательны, в Дублине чучело Вуда повешено, а затем сожжено. Ирландия бушевала. Католики и диссентеры, тории и виги, крестьяне и помещики - все встали под знамена Суконщика. В Англии решили, что для Ирландии нужна новая метла, и вот назначен новый наместник, которому Свифт по старой дружбе написал письмо с советом не трогать это дело. За день до его приезда появляется четвертое письмо, озаглавленное «Всему народу Ирландии». Дело здесь уже не в Вуде или его полупенсе, речь идет о свободе. Вся Ирландия услышала мрачный голос Свифта. Это была декларация прав угнетенной нации, а за такими вещами обычно следует восстание. Тайный совет признал памфлет подстрекательным и назначил награду тому, кто укажет автора в 300 фунтов. Автора все знали, но во всей Ирландии не нашлось ни одного человека, который польстился бы на деньги.

Была два раза названа
За голову его цена
Но власти не нашли Иуды
Кого прельстили б денег груды

Взятый под стражу издатель Гардинг категорически отказался назвать имя автора. В защиту Суконщика появились десятки прокламаций, и во всех он назывался настоящим

именем. Личность его была очевидна. Но никто не подумал бы арестовать Свифта, даже если бы на него указали. Свифт на суде? Это же спичка, брошенная в пороховой погреб. И Свифт, казалось, хотел дать им повод для ареста, обратившись с прокламацией от собственного имени к лорду Мидлтону. Архиепископ Боултер, который фактически правил Ирландией, обвинил Свифта в том, что тот возбуждает против него чернь, и вскоре получил гордый ответ: «Я – возбуждаю толпу? Да стоит мне пошевелить пальцем, и она разорвет вас на куски». Премьер министр Уолпол был в бешенстве и обещал забить эти монеты ирландцам в глотку, на что Свифт в памфлете ответил, что если он их и забьет, то в желудке они не задержатся. Уолпол приказывает составить приказ об аресте Свифта, на что получает ответ, что на охрану курьера с таким донесением, потребуется тысяча человек, а на сам арест Свифта в Дублине экспедиционный корпус в десять тысяч! Ареста не будет, но Свифта могут убить. Днем и ночью возле его дома стоит добровольная охрана из ирландцев. Итак, прибыл новый лорд-наместник. Вечером у него - официальный прием. Здесь собрался весь высший свет Дублина, Свифт тоже по положению имеет право здесь быть. Лорд Картерет[124] выходит в залу, обходит гостей и вздыхает с облегчением: он не видит высокой фигуры Свифта. Но вдруг в залу, без доклада, без объявления, быстрой походкой входит декан. Он направляется прямо к вице-королю. Разговоры смолкают, повисла напряженная тишина. «Итак, милорд, вы вчера совершили доблестное деяние, опубликовав прокламацию с наградой против бедного лавочника, единственная вина которого, что он хотел спасти свою страну от разорения!». Лорд Картерет молчит, как ему легко было бороться с Суконщиком, и как тяжело с этим страшным человеком лицом к лицу. Свифт продолжает: «Вы дали прекрасный пример, того, что эта страна может ожидать от вашего управления. Вы надеетесь получить в благодарность медную статую, за то, что вы сделали для этой деревяшки?» (Wood). Послышался хохот, это смеялись по адресу высшего представителя власти в стране. Картерет закусил губу. Постепенно смех смолкает, присутствующие вдруг поняли, чем им может грозить подобная вольность. А Свифт, не глядя на эту толпу, поклонился и вышел.

А 21 ноября состоялось судебное заседание по поводу издателя «Писем Суконщика» Гардинга. Каждый из судей накануне получил анонимную листовку «Своевременный совет», написанную Свифтом. Этот «Совет» показался лорду Картерету «бесстыдным, злонамеренным и возмутительным», поэтому судья Уайтшед начал разбирательство с требования осудить «Своевременный совет». Все до одного судьи[125,] несмотря на бешеные угрозы Уайтшеда, отказались это сделать, как и признать Гардинга виновным, не помог и незаконный роспуск Большого жюри. 28 ноября собрался новый состав присяжных. Ждет судья Уайтшед их вердикта, снаружи здания суда ждет толпа, мелкого типографа. Напряженная тишина висит над площадью Корнхилл. И вот вердикт - присяжные не только не признали Гардинга виновным, но и постановили обратиться к властям с протестом против вудовской монеты. Это весть как-то просочилась на площадь, сначала она передается шепотом, но гул постепенно нарастает: «Мы с Джонатаном!». А вот выходят и присяжные, их имена известны - Стэрн Тай, Ричард Уокер, Девид Тью, Джон Джонс Джордж Форбс, Уильям Элстон, и другие - всего двадцать четыре человека. Толпа аплодирует им, пожимает руки, целует, весь Дублин смеется и поет баллады, написанные Свифтом. Теперь народный поток несется к дублинскому собору. Не было дома, где бы не пили за здоровье декана, во всех общественных местах и магазинах висели его портреты, нарисованные неумелой рукой безвестных художников. И именно в это время родилась

легенда о том, что Свифт - далекий потомок старинных ирландских королей и героев. Шестым письмом Суконщик нанес последний удар делу Вуда – патент был аннулирован. 25 августа 1725 года в Дублине было получено официальное извещение об отмене патента, и Свифт передал через друзей печатнику приказ рассыпать набор «Нижайшего адреса» обеим палатам, который содержал конспект петиций и требований. Вокруг любого из них могла возникнуть буря, не меньше чем с полупенсовиками Вуда. Последнее, седьмое письмо Суконщик посвятил советам о возрождении сельского хозяйства и промышленности в Ирландии. Казалось, он победил? Вовсе нет... Победа Суконщика – это поражение Свифта. Причиной аннулирования патента было письмо Боултона к Уортону. Тот писал, что Свифту удалось сплотить нацию – всех: крестьян, духовенство, дворянство - а именно на их разъединении держится владычество Англии. Следовательно, разумно уступить. Возможно, что драма бы развернулась, и Ирландия обрела бы свободу, если бы у Уолпола было больше амбиций и меньше цинизма. Но он трезво оценил обстановку. Прошло немного лет, и в Ирландию тихо вошла другая поддельная монета. Свифт распорядился поднять над собором св. Патрика черный флаг и протяжно звонить в колокола. Но ведь это было только начало! И через небольшое время идеи Свифта были переняты в колониях. Сомерсет хотел послать Свифта епископом в Виржинию? Тогда Англия лишилась бы колоний в Америке намного раньше, а Свифт стал бы не ирландским, а американским героем. Но здесь нам нужно остановиться и рассказать об одном странном письме, полученном лондонским издателем Бенджаменом Моттом.

Комментарии:

93 Свифт не раз путешествовал в Лондон в свите вице-королей Ирландии, включая своего злейшего врага Уортона. Причина тому была банальна – это позволяло избежать больших расходов на переезд.

94 Свифт рассчитывал получить место епископа в Уотерфорде.

95 Для того, чтобы прогуливаться в Лондоне в ситцевом платье нужно было обладать определенной смелостью. Дело в том, что ситец привозился исключительно из колоний, и лондонские ткачи считали своим прямым долгом разорвать любое платье из ситца в клочки прямо на улице.

96 Он был осужден шестьюдесятью семью голосами против пятидесяти, его докторский диплом и проповеди были сожжены, а ему самому запрещалось проповедовать три года. Довольно мягкий приговор для обвинения в государственной измене.

97 Всего в Англии было сорок избирательных округов, выборщики от них избирались исходя из ценза. Получалось так, что в Вестминстере избирателей было двенадцать тысяч, а в Олд Сэраме ни одного.

98 Первое с чем столкнулось новое правительство – это искусственно создаваемые вигами финансовые трудности.

99 Это фразу цитируют все биографы, но у нее в дневнике есть и продолжение, которое приводится лишь в одном, из известных мне сочинений о Свифте. Любознательный читатель найдет это место полностью в дневнике, а я, по примеру остальных, не буду забегать вперед.

100 Написание английских фамилий точно не установлено в русском языке. Большинство упоминаемых мною здесь имен пишут по-разному. Например, имя Гарли иногда встречается как Харли и даже Гарлей. А кто бы мог узнать имя Уолпола в Вальполе?

101 Курьер от лорда Галифакса прибыл поздно вечером, когда Свифт уже погасил свечу. Он пишет короткую записку, где извиняется, что не может присутствовать на совещании из-за занятости. Но совсем скоро виги получат другой ответ – сатирическую поэму на лорда Гольдофина.

102 Аддисон, с которым Свифт тщетно пытался сохранить дружбу и болезненно переживал разрыв, стал издавать «Вигистский экзаминер» в противовес свифтовскому. Главной целью этого издания было помогать тем, кто был обличен Свифтом в его журнале, который Аддисон называл не иначе как «Палачом». Но конкурировать долго со Свифтом он не смог – вышло всего пять номеров.

103 Поразительно, что именно этот человек, выработавший четкий стиль, смертоносный для врагов, без всяких словесных побрякушек, холодный как протокол судьи, острый как нож хирурга, а потому убедительный и логичный, настолько логичный, что даже мистификации принимались за правду, потому что были обоснованы, этот человек провалился на экзамене из-за незнания логики!

104 И не только в «Экзаминере», Свифт также писал эпиграммы, сатирические поэмы, басни, которые с неимоверной быстротой распространялись и в Лондоне, и в провинции.

105 Часто Свифт вносил в эту помощь элемент забавы, а иногда и издевательства. Например, устроив некоему Кингу выгодную синекуру - хорошо оплачиваемую должность издателя официальных публикаций, Свифт организует процессию из лордов и министров, идет во главе процессии на дом к Кингу и торжественно вручает ему ключ от должностного кабинета.

106 Свифт даже договорился о встрече премьер-министра со Стилем, но тот демонстративно не явился, и впоследствии платил Свифту за прошлую дружбу самой черной клеветой и злобой. Этот человек родился в Дублине, вскоре став сиротой. Стил учился в благотворительном колледже Чартхаус. Аддисон здесь делал вместо него домашние уроки. Но в отличие от его товарища Стила сложно назвать счастливчиком. Две неудачных женитьбы, долговая тюрьма, потеря должности, затем суд и исключение из парламента, где он пробыл так недолго. Но он ведет бурную жизнь, в которой Стил был кем угодно: военным, политиком, директором театра, парламентарием, чиновником в канцелярии патентов, управляющим государственными имениями, редактором журналов, нищим, одалживающим по копейке у всего Лондона, богачом, приглашавшим на пиры весь Лондон.

107 Картина действительно театральна, поскольку ее можно сыграть на сцене. Жизнь Свифта вообще театральна. Левидов в маленьком отрывке смог изобразить бурную жизнь Свифта в это время со всех сторон. На самом деле это не цитата, а сокращенный пересказ.

108 Я ничего не пишу об этом обществе из-за малого объема моего эссе. Создано оно было Свифтом с целью «способствовать дружеской беседе и помогать достойным лицам нашими возможностями и рекомендациями». Другими словами общество собиралось раз в неделю на обеды ради приятных разговоров, а также помогало деньгами и рекомендациями начинающим литераторам. Членами общества были Гарли, Сент-Джон, Харкур, Ормонд, другие виднейшие политики, литераторы - Арбетнот, Прайор, Поп, всего пятнадцать человек. Обедали по началу в складчину, но поскольку все братья были богаты, а Свифт был беден, он постоянно ворчал, что они заказывают слишком дорогие обеды, в конце концов, настоял на оплате обедов по очереди, а затем и на том, чтобы братья собирались раз в две недели. Свифт постоянно подчеркивал свою независимость, и, обедая с министрами, напоминал им, что он всего лишь скромный ирландский священник.

109 Один внимательный читатель спросил меня, что значит весь Лондон? Сколько человек тогда умело читать? Можно было бы конечно оставить это на совести Левидова, но я отвечу за него. Действительно, в Лондоне только 67% мужчин были грамотными, а вот женщин и всего-то 19%.

110 Форстер называет Свифта «министром без портфеля», а Луначарский «практическим руководителем правительства».

111 Свифт более резок в своем «Дневнике», где он описал эту сцену: «Маленький, жалкий ответ для большого министра!».

112 И это не смотря на то, что еще за год до этого он записал в «Дневнике»: «Эти министры - самые милые люди на свете. Они называют меня Джонатаном. Я никогда не знал министров, которые сделали бы что-нибудь существенное для тех, кто с ними близок. То же самое, наверно, будет и со мной». Сен-Виктор выразил причину, почему Свифт не получил должностей ни при вигах, ни при ториях в следующих словах: «Свифт принадлежал к тем людям, которых правительства поддерживают, но которых не возвышают».

113 Не столько Гарли хлопотал за Свифта, сколько леди Мешем. Когда Свифт зашел к ней узнать о своих делах, она расплакалась, что Свифт получит всего лишь св. Патрика. Самого назначения оказалось мало, потому что эту должность занимал Стерн, и его нужно было сделать епископом, а зависело это от вице-короля Ирландии герцога Ормонда. Поэтому королева поставила условием согласие герцога сделать Стерна епископом. Вице-король же декана Стерна терпеть не мог, потому что тот не выказывал ему никакого почтения. Последнее обстоятельство только увеличило растерянность Свифта, которая сквозит в его письмах. Герцога Ормонда все-таки удалось уговорить сделать одолжение не Стерну, но Свифту.

114 Подобные письма он писал Свифту и в бытность того в Лондоне. Например, выказывал притворное удивление, что Свифт вместо богословских трудов, тратит свои силы на политику, и настоятельно советовал ему заняться написанием оных. Между прочим, он попытался лишить Свифта прихода на основании долгой отлучки, и только вмешательство министров предотвратило это.

115 Как патриот Англии Свифт считал унию с Шотландией (между прочим, королева Анна с 1707 года стала первым монархом Великобритании) ни политически, ни экономически не оправданной. Количество пэров в Палате лордов увеличилось за счет шотландцев. Лордов же с пышными и ничем неоправданными титулами в Шотландии множество, и хотя шотландцы платят налог вчетверо меньше, чем англичане, их лорды получают пенсии и содержание в соответствии с их титулом и тратят в Лондоне за год столько денег, сколько в Шотландии не потратили бы и за всю жизнь.

116 То, что это письмо было от Болингброка - сообщают Левидов и Муравьев (который, впрочем, пользовался биографией, написанной первым). Дейч и Зозуля цитируют же письмо от лэди Мешем: «Сообщаю вам, что королева, наконец, победила "Дракона". Можете ли вы в такую минуту, вы, который так много сделали, так старались, можете ли вы расстаться с нами и уехать в Ирландию? Нет, это невозможно! Ваша доброта неизменна, и я знаю, что самое большое наслаждение для вас – помогать тем, кто нуждается в вашей помощи. Дорогой друг, оставайтесь и не думайте, что мы все такие, как этот человек, который не слушал никаких советов и хотел поступать только по-своему». Я не знаю, было ли написано два письма, или Болингброк предоставил лэди Мешем уговорить Свифта от своего имени.

117 «С 25 июля 1714 года я уже лишен всякой власти. Как только устрою свои личные дела, я уеду к себе в имение в Херфорд. Если вы еще не устали от наших свиданий, я умоляю посвятить несколько дней тому, кто вас нежно любит. Я думаю, что из всей той массы, откуда Бог вытащил наши души, ваша и моя ближе всего подходят одна к другой ».

118 Это странно, но мы имеем здесь тот же случай, что и с «Автобиографией», при той тщательности, с которой Свифт писал эту историю, у него, у человека который был в гуще событий, из-под пера вышло небольшое по объему и необычное по подбору фактов сочинение.

119 Это конечно анахронизм, я просто не нашел другого слова, поскольку полиции тогда не существовало. Создателем полиции в современном понимании был мировой судья Джон Филдинг, получивший за это рыцарский титул. Свифт был знаком с его отцом капитаном Филдингом, а также с его братом, писателем Генри Филдингом.

120 Свифт, конечно же, не имел в виду под национальностью кровь, которая течет в жилах. Право на нацию имеют те, кто плечом к плечу сражался за ее свободу. Поэтому освобожденная благодарная Ирландия посмертно признала Свифта ирландским борцом за свободу и ирландским писателем и поэтом, сделав день рождения декана своим национальным праздником.

121 В биографии Свифта, изданной в серии «ЖЗЛ» утверждается, что Свифт отказывался признать себя ирландцем, чтобы не слыть гражданином второго сорта. Какая, однако, это глупость!

122 Уайтшеду удалось добиться этого от присяжных измором – 11 часов заседаний. У Свифта это решение вызвало негодование. Неужели ради своей свободы они не могли просидеть двенадцатый час? Но сам повод в глазах присяжных пока не выглядел слишком серьезным.

123 Некоторые историки считают, что монета действительно была полновесной, т. е. полновесной согласно патенту (то, что Вуд дал за патент громадную сумму, уже говорит о том, что дело было прибыльное, а, следовательно, монета порченная), и что всю историю Свифт специально выдумал. Например, факт, что Вуд сбывал бочки со своими монетами за полцены, конечно, придуман Свифтом. В этом случае памфлеты Суконщика из обличительной отповеди превращаются к очень ловкому ходу, целью которого является сплочение нации. Впрочем, даже в этом случае заслуги Свифта перед Ирландией ни чуть не умаляются. Ведь дело Вуда было лишь поводом добиваться свободы. Кроме того, сам факт чеканки монеты за пределами Ирландии был возмутительным, а унижение стало более ощутимым, когда патент был выдан даже без формального уведомления ирландского парламента, не говоря уже о его согласии. Парламент даже не знал о содержании патента, а «управление без согласия управляемых – первое условие рабства».

124 К честь этого молодого человека я могу сказать, что во время своего наместничества он, следуя советам Свифта, как мог облегчал положение Ирландии. К сожалению, его возможности в этом направлении были сильно ограничены. Он мог лишь пугать донесениями правительство, чтобы добиться от него некоторых послаблении. При его преемнике Ирландия снова почувствовала всю тяжесть своих оков.

125 Лорд Картерет, впрочем, в докладной записке утверждает, что смог подкупить одного присяжного, банкира. Хотя тот и голосовал впоследствии за невиновность Гардинга, ненависть к нему в Ирландии была так велика, что вскорости он разорился.

Отступление, повествующее о путешествиях Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана многих кораблей

Письмо это было написано 8 августа 1725 года, и внизу стояла подпись – Ричард Симпсон. В письме издателю было предложено издать «Путешествия», написанные кузеном автора письма, капитаном Лемюэлем Гулливером. А через некоторое время к крыльцу дома Мотте была подброшена рукопись из проезжавшего мимо фиакра. Мотте издал ее через несколько месяцев с изменениями и сокращениями. Эта первая рукопись не была найдена, а поскольку Свифт прямо никогда не признавал свое авторство, мы «не знаем», кем был написан «Гулливер». Мы не знаем и того, когда он было написан, и в каком порядке.

Сочинение это вызвало сенсацию, каждый находил в нем что-то свое – политики и домохозяйки, романтики и молодежь, люди серьезные и преданные забвению старики. Все хотели немедленно узнать имя автора. Даже друзья Свифта – Гей, Поп и Арбетнот писали

ему так, как будто не знали, кто автор, но это, скорее всего, было частью свифтовской мистификации, ведь именно Поп и Льюис приложили руку к изданию, и некий Симпсон из Ноттингемшира, скорее всего и есть Поп.

«Сказка бочки» и «Путешествия Гулливера», бесспорно, лучшие литературные сочинения Свифта, однако, между ними есть одно отличие – первое он писал в молодости, будучи полон сил, когда еще уверенно смотрел в будущее, второе - после крушения всех надежд, сделавшись мизантропом и живя в фактическом изгнании.

К книге писалось множество ключей – расшифровок, кто и какие события осмеяны в «Путешествиях», однако, по всей видимости, в них мало правды, как и в многочисленных толковых словарях, которые составлялись для языков тех стран, в которых побывал Гулливер. Скорее всего, эти слова – бессмыслица и составляют часть мистификации.

Не следует также забывать, что Свифт любил языковые эксперименты – подражание детской речи, каламбуры, сокращения до букв, нарушение графической целостности слова и т. д. Например, письма Стелле писались на особом языке, который требует дешифровки.

Более десяти лет назад я работал программистом в паре с одним коллегой, который только что вернулся из Америки. Он утверждал, что название популярной тогда поисковой системы Yahoo происходит от боевого клича индейцев. Возможно, это просто совпадение, но в английском словаре, написано, что это слово выдумано Свифтом. Если это действительно совпадение, и если мой коллега меня не обманул, этот факт добавляет злую иронию к чтению четвертой части книги.

Личность Гулливера была обрисована настолько правдоподобно, что, по словам Арбетнота[126] он знал одного шкипера, который утверждал, будто прекрасно знаком с капитаном Гулливером, но что тот живет в Уопинге, а не в Редрифе, а другой джентльмен нанес на карту вновь открытую Лилипутию. Свифт бывал очень доволен, когда у его героя находились однофамильцы. Например, Поп написал Свифту 23 марта 1728 года, что в газете, издаваемой в Бостоне, упоминается Джонатан Гулливер, член тамошнего парламента. А Фортескью прислал тому же Попу отчет о выездной сессии суда присяжных, где рассматривалось дело Лемюэля Гулливера, который был признан виновным, поскольку имел репутацию человека лживого. Интересно, что сам Свифт в своем романе в подтверждение правдивости автора (Гулливера) приводит цитату из Вергилия – слова Синона, самого большого лгуна на свете. Впрочем, Свифт любил шутки.

Жанр путешествий был тогда очень популярен. Свифт выбрал его специально, как враждебный себе, чтобы побить противника его же оружием. В отличие от многочисленных романов, где путешественники встречаются с естественным человеком, неиспорченным цивилизацией, у Свифта дикари являются настоящими дикарями, а не картинкой, списанной из книг новомодных философов. Свифт с первых строк настаивает на реалистичности: «Я предпочел излагать голые факты наипростейшим способом и слогом». Это не роман, это документ, который написан очень тонко, в отличие от похожих утопий. Главный герой рассказывает подробно, только то, что он видел, в отдалении краски затушевываются и то, что он передает с чужих слов, или не видел сам, очень

неопределенно - это походит на картину с перспективой, где есть передний план и фон. Кроме того, Свифт пользуется различного рода приемами, которые создают правдоподобие – мелкие штрихи, подробности, которые, казалось бы, невозможно было бы выдумать, если рассказанные события не были бы правдой – привычка Гулливера громко разговаривать, вернувшись из страны великанов, потеря представления о пропорциях и т. д. Между прочим, один критик, ученый, ирландский прелат, совершенно серьезно опровергал некоторые вещи в романе, в которые, по его словам, невозможно поверить. Это умение создавать правдоподобность роднит Свифта с Дефо. Первым это подметил Данлоп и развил Вальтер Скотт. Но Скотт замечает, что гений Дефо был ограничен кругом его знаний, очень узких, и он не умел создать больше двух-трех героев, как правило, грубых и низкопробных плутов. «Он словно колдун из индийской сказки, чья магическая сила ограничивается способностью принимать обличье двух-трех животных. Свифт – это персидский дервиш, способный заставить свою душу вселиться в чье угодно тело, видеть его глазами, пользоваться всеми его органами, завладеть даже его рассудком». Однако не следует все списывать на художественные приемы, как это делают комментаторы. Эпизод, когда Гулливер убегает от птиц в стране великанов и другие, подобные этому, имеют под собой тайный смысл, и введены не только для создания реальности мира, где находится Гулливер. Я советую читать эту книгу очень медленно и очень внимательно.

Некоторые думают, что «Гулливер» - это пародия на «Робинзона», но это полная чепуха. Свифт не любил Дефо, и делал вид, что даже не может запомнить его имени. Так вот, он не мог написать сочинение из-за человека, к которому сам относился презрительно и даже вряд ли читал его роман. Обычно критики ругают это сочинение за то, что оно полно намеков на современность и, следовательно, не имеет общечеловеческой ценности. Но нужно же понимать, что Свифт никогда не писал ради литературной славы, он был к этому абсолютно равнодушен и вовсе не стремился написать вневременное произведение. Свифт также не писал, чтобы развлечь, а наоборот, чтобы позлить публику. Мало того, Свифт никогда не писал художественных сочинений! Его книги - это воплощенные в мысль чувства, и, следовательно, читать их может только тот, кто перед этим ознакомился с его биографией и современной историей. Его книги – это комментарий, ключ к его жизни, их невозможно разделить, и это как раз является достоинством, а не недостатком. Я согласен, что чтение «Гулливера» человеком, который о Свифте не знает ничего, или знает совсем немного – занятие неблагодарное, скучное и вызывающее недоумение (помните как доктор Симпсон (Абдулов) в фильме Захарова отказывался читать эту книгу, потому что она скучная?). Однако я утверждаю, что читатель, знакомый хотя бы с десятком свифтовских биографий, посмотрит на «Гулливера» иными глазами. Конечно, намеки на конкретных лиц и события, особенно в первой части, желательно понимать, поскольку они сбивают с толку, но не более того, потому что это не так важно. Важно, что история Гулливера – это история самого Свифта, и это – личная книга. Гулливер начинает свои путешествия в 1699 году, и именно в этом году Свифт покидает Мур-Парк и начинает самостоятельную жизнь. Окончились же они в 1715, в году, когда Свифт окончательно вернулся в Ирландию. В Лилипутии ноги Гулливера были связаны девяноста одной цепочкой, прикрепленной к тридцати шести замкам, и именно девяносто один памфлет к услугам тридцати шести партий написал автор «Сказки бочки». Возможно, это признание того, что деятельность Свифта как политического памфлетиста

приковывала его цепями к миру безумия и нелепости. И этот странный эпизод в третьей части, где рассказывается история струдльбррругов – неожиданное размышление о моральном праве человека на бессмертие автора, который всегда до этого писал памфлеты на злобу дня. Другое обвинение критиков – это невыдержанность стиля, он различен не только по главам, но даже по страницам. Но эта книга писалась не как художественное сочинение, я уже говорил, что Свифт никогда не писал ради писания, эта книга своего рода духовное завещание, и какое дело здесь Свифту до стиля?

Почему Гулливер - доктор? Возможно, потому что он подобен единственному здоровому человеку, отправляющемуся в путешествие по миру сумасшедших. И в четвертой части он становится капитаном, потому что теперь сумасшедший – это он сам. В отличие от волшебных сказок, где герои постоянно дивятся чудесам, замкам и диковинкам, Гулливер никогда ничему не удивляется, он спокоен. Это своеобразный художественный прием, который говорит нам, что эта книга – вовсе не сказка. Гулливер совершенно уверен в нормальности того, что видит, потому что этот мир – безумен, нелогичен и безобразен, и он, Гулливер, это знает, чему же тут удивляться. Гулливер - в плену факта, он видит это таким, но читателю-то со стороны ясно, что все это нелепо и смешно, и тогда, возможно, читатель оглянется вокруг себя и подумает, а действительно ли мир, в котором он живет, и который его самого не удивляет, нормален? Конечно, утверждение, что Гулливер – это Свифт, слишком примитивно. Во-первых, Гулливеров четверо и все они разные. Например, в первой части Гулливер отказывается воевать с Блефуску, чтобы не делать рабами свободных людей, а во второй советует королю Бробдингнега открыть формулу пороха, чтобы тот держал своих подданных в страхе. Здесь Гулливер становится лилипутом первой части, в третьей же части он просто холодный наблюдатель, фиксирующий факты. Поэтому Гулливер не всегда является автором, т. е., Свифтом, а иногда превращается в обычного жителя Англии, со всеми предрассудками и пороками. «Гулливер» - это единственная книга, о судьбе которой Свифт беспокоится после ее издания, что он не делал никогда прежде. Это говорит, что Свифт считал ее важной для своей цели – исправления человеческого рода. В Дублинском издании было добавлено письмо Гулливера Симпсону, в котором есть такие строки «Уже более полгода, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, - по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел основания ожидать, но и не слыхал, чтобы она произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям».

Наибольшее количество споров и осуждений вызвала четвертая книга. Многие критики видели в изгнанном из Гуигнгнмии Гулливера вестника авторской ненависти к человечеству, доведенной до остервенения, презрения, доходящего до омерзения. Даже сэр Вальтер Скотт, большой почитатель Свифта и редактор первого научного собрания его сочинений, лишь с грустью констатировал наличие в четвертом путешествии клеветы на человеческую природу. Что же говорить о Теккерее, который объявил свифтовскую мораль ужасной, постыдной, трусливой, святотатственной. А в XX веке, когда у психологов появилась фрейдистская теория, они объявили у него комплекс отвращения к человеку (здесь следуют подтверждения биографические и социологические), которого он не мог побороть (следует изложение теории Фрейда), Свифт хотел быть просветителем, но не смог (основание психологи находят в свифтовском ригоризме) и вообще родился

поздно (следует доказательство, основанное на характере свифтовской логики) и т. д. и т. п. Я уже говорил, что свифтовская пародия – это не пародия на человека вообще, это пародия на человека философов. Точнее это даже не пародия, а самая, что ни на есть, правда. Эпоха Возрождения объявила Человека богом зримого мира, центром вселенной, открыла его бесконечные способности в титанах своего времени, а его красоту - в их творениях. Гуманизм был объявлен целью любой деятельности, но все эти призывы, и красоты потерялись по дороге, поистрепались в руках потомков. И вот, на словах и в книгах человек - венец божьего творения, а на деле – мерзость, грязь, глупость, подлость, ханжество. Свифту противны эти разговоры о гуманизме, это все прогнило насквозь, за версту разит фальшью и лицемерием. Философы и романисты поют дифирамбы некоему естественному человеку, хорошо, Свифт показывает им настоящего! Такого человека, который живет среди них, ходит по улицам, смотрит на этих гуманистов из зеркала.

Сразу же после смерти Свифта «Гулливер» стал выходить в «исправленном» виде, где резкости были удалены, некоторые места подчищены, другие изменены. Эти правленые издания пользовались большой популярностью и издавались на протяжении двух сотен лет громадными тиражами. Но были и прямые подделки. Как любое гениальное творение, подобно «Дон Кихоту», получившему поддельный второй том, «Гулливер» получил поддельный третий, напечатанный тем же форматом, что и первых два, без указания издателя. Там утверждалось, что том написан истинным автором «Гулливера», а в самом сочинении Гулливер второй раз путешествует в Бробдигнег, но писака, это сочинявший, быстро устал придумывать и скопировал текст из французской книги «История Северамбов». Это сочинение было деистического толка и потому уничтожено во Франции, понадеявшись на редкость книги, этот «истинный Гулливер», решился на плагиат. А совсем недавно, три года назад, была опубликована мерзкая современная подделка издательством «Институт социологии», которая называется «Эротические приключения Гулливера». В аннотации говорится: «Эта книга является единственным в мире изданием неизвестной рукописи Свифта, созданной им в 1727 году на основе глав и частей, изъятых первым издателем «Путешествий Гулливера» за их "откровенный и шокирующий характер"». Автор этой гадости, видимо, хотел позабавить публику «эротикой» и имел наглость на титуле поставить имя – Джонатан Свифт. Продолжений «Гулливера» действительно много, но на них, по крайней мере, стоят имена авторов. «Новые путешествия Гулливера» написаны аббатом Дефонтеном и повествуют о путешествиях сына Гулливера Жана. Этот Дефонтен был противником Вольтера и первым переводчиком «Путешествий Гулливера» на французский язык, изданных уже через год после английского издания (еще через год они появились на итальянском, а в 1776 году на русском). Но Дефонтен сократил и исказил текст, обратившись по этому поводу письмом к Свифту, который его извинений не принял, впрочем, его перевод выдержал свыше 170 изданий! Противник Дефонтена – Вольтер находился тогда как раз в Англии и рекомендовал эту книгу своим друзьям. После Дефонтена стоит длинный ряд подражаний и продолжений, которые невозможно перечислить[127]. Только на английском языке существует сотня сочинений, в разном стиле под именем Гулливера, среди которых «Лилипутская библиотечка, или Гулливеров музей: полная система знаний для юношества в десяти томах, составленная Лилипутиусом Гулливером (1782)». Но вот отрывок: «Читатель, несомненно, удивится, что, вопреки печальному опыту и клятве никогда в жизни больше не путешествовать, я, тем не менее, в июле 1914 года вновь расстался с

женой и детьми, чтобы в качестве военного врача двинуться на корабле «Бульверк» в воды Балтийского моря...». Да-да, именно в 1914 году! – это пятое путешествие Гулливера описал Фридьеш Каринти, венгерский юморист, который развлекался тем, что подделывал стили известных авторов. Это путешествие он опубликовал в 1916 году. Не знаю, насколько он хорошо подделал «неподражаемую» манеру Свифта, но шестое он издал через пять лет. Таким образом, Гулливер совершил еще два путешествия через двести лет, хотя еще в 1911 году Леонид Андреев похоронил капитана в рассказе «Смерть Гулливера». В 1936 году было опубликовано сочинение Георга Борна «Гулливер у арийцев», где высмеивались немецкие нацисты. Самое смешное, что Гулливер здесь уже профессор Эдинбургского университета и совершает путешествие в 541 году коммунистической эры[128], которую автор отсчитывает от Октябрьской революции и попадает на уединенный островок в общество 800 лучших арийцев, бежавших из Германии после крушения режима. В начале прошлого века испанский писатель Винсенте Бласко Ибаньес, написал роман «Женский рай», действие которого происходит в Лилипутии, куда попадает пятнадцатый человек-гора, считая с Гулливера - молодой американский инженер. Впрочем, эта книга – дань феминизму, к власти в Лилипутии и Блефуску пришли женщины, и настала эра всеобщего счастья. Я думаю понятно, какого рода было это счастье. В 1961 году Берман выпустил повесть «Путешествие по стране Автои» - тоже по свифтовским местам, а в 1973 году вышел «Новый Гулливер» чешского писателя Богумила Ржиги. А совсем недавно, в 2004 году, безвестным барнаульским драматистом Михаилом Смоляковым (видимо, псевдоним) была написана пьеса «Космические приключения Ивана Гулливера. По мотивам книжки Дж. Свифта». Таким образом, Гулливер стал самым живучим литературным персонажем. Во всей этой истории плохо, однако, одно – из серьезной, глубоко личной и великой книги сделали фарс. Это своего рода довесок к психологическим биографиям. Психологи сделали Свифта злым, но не могли ничего поделать с книгой, поэтому появились писаки, которые постарались ее уничтожить.

Теперь немного о переводах на русский язык. Самый известный и уже сложившийся перевод был выполнен Кончаловским и Яковенко и издавался трижды в 1889, 1901 и 1906 годах, но переводчики пользовались плохим английским текстом, изданным немецкой фирмой Таухница. Этот перевод был кардинально переработан Франковским, стал называться переводом под редакцией Франковского без указания имен первых двух переводчиков, и был издан издательством «Academia» в 1928, 1930 и 1932 годах. Этот перевод также был перепечатан «Художественной литературой» в 1947 и, в сокращенном виде, «Московским рабочим» в 1958. Была и другая редакция перевода 1928 года – Бабуха и Франковского, изданная «Художественной литературой» в 1935 году, и еще раз переработанная Франковским и напечатанная издательством «Academia» в 1936. Репринт был предпринят в 1967 и, с некоторыми правками, в БВЛ в 1976 годах. Наиболее удачным и точным является редакция, изданная в 1987 году, в которой исправления 76 года были отменены и сделаны кое-какие новые правки Чекаловым и Русецким. Этот перевод и является наилучшим. Как я уже сказал, было два издания, которые отличаются – первое лондонское и дублинское, которое всегда и издают. Но было бы неплохо в примечаниях, или в дополнении приводить места из первого. На мой взгляд, это важно, но никто этого никогда не делал. Я же рекомендую издание, выпущенное в свет издательством «ВИТА НОВА». Правда, утверждение в аннотации – «Издание сопровождается обширной статьей

о творчестве Дж. Свифта и подробными комментариями» сильно преувеличено, зато здесь напечатано более четырехсот иллюстраций Жана Гранвиля – знаменитого иллюстратора, как ни странно, закончившего свою жизнь в сумасшедшем доме...

Комментарии:

126 Вполне возможно, что никакого шкипера не существовало, а Арбетнот лишь подыграл Свифту. Дело в том, что декан крайне отрицательно относился к тому, что его книгу рассматривают как фантастические путешествия, настаивая на том, что все, что там написано – это настоящая действительность и чистая правда. Однажды он написал с негодованием Попу: «Один здешний епископ сказал, что эта книга полна невероятной лжи, и лично он не верит там почти ни одному слову».

127 Небольшую роль в качестве переводчика при дворе султана Мангогула Гулливер сыграл в первом романе Дидро «Нескромные сокровища».

128 Здесь уместно также вспомнить советский фильм «Новый Гулливер» где в Лилипутию попадает пионер Петя, а поскольку он пионер, а не зараженный классовыми предрассудками доктор Гулливер, то и ведет он себя соответсвенно.

Продолжение «Жизни Свифта...»

В этот время Свифт был в Лондоне. Что же привело его сюда? Кроме «Гулливера», это советы друзей снова попытаться обстроиться в Англии. Дублинский архиепископ Боултон предупредил письмом премьер-министра, что Свифт скоро будет в Лондоне. Пять месяцев проведет он здесь. И даже встретится за завтраком с Уолполом. Стол богато накрыт: здесь и дичь, и ветчина, и копченая рыба, и мармелад. Но перед Свифтом стоит только одно блюдо – овсянка. Мрачный старик, он сидит в черном длиннополом священническом одеянии в большом высоком кресле. Как пронзителен его взгляд! «Надеюсь, от пудинга вы не откажетесь, почтенный доктор. Наш английский пудинг - пища королей, а теперь он доступен каждому англичанину», - сказал сэр Роберт, разрезая пудинг, но мрачный гость поднял руку: «Благодарю вас, но я не ем английского пудинга!». Уолпол затрясся от злобы, но Свифт спокойно продолжал: «Прошу вас, сэр Роберт, вернемся к нашей беседе…». После этой встречи, Уолпол, как хитрый негодяй, попытался опорочить декана, распустив слухи, что Свифту что-то предложено. На самом деле, за завтраком речь шла об Ирландских делах. Свифт понял это и написал письмо лорду Питерборо[129]. Свифт встречается здесь со своими друзьями – Гейем, Болингброком (он вернулся из изгнания, дав взятку старухе Кенделл), Арбетнотом, живет у Попа в Твиккенхем. Он познакомился с наследником и принцессой, изложив ей просьбу о той тысяче фунтов, которую ему когда-то обещали, познакомился и с любовницей принца миссис Говард. В Лондоне ждать нечего, и Свифт вернулся в Ирландию, народ встретил его радостно: шествиями, кострами и фейерверками. Но через год Свифт снова в Лондоне, он пишет статьи для журнала Болингброка. Правительство забеспокоилось; Болингброк как политический журналист не был страшен, поэтому ему и разрешили вернуться, но Свифт… Что он опять задумал?

Неожиданно умирает король Георг I, да здравствует король – Георг II! Король знаком с деканом, горячий поклонник его «Гулливера» и ненавидит Уолпола, королева к нему благосклонна, любовница короля Говард - близкий друг Свифта. Казалось, вот начало новой карьеры!

Но в это время Свифт совершает один неожиданный поступок – он едет на родину своих предков в Гудрич и ставит в местной церкви памятник своему деду викарию-роялисту Томасу Свифту. Этот жест был символичен, Свифту не импонировала роль невинной жертвы – гонимый литератор, непонятый и не пришедшийся ко двору министров. Нет, дело обстоит вовсе не так! Свифт гордился своим воинственным дедом, потому, что тот не просто оказался в дураках, а пострадал за дело. Судьба деда – обвинение современности, а судьба самого Свифта - ее продолжение. Все эти люди – король, министры, лорды, - все они по факту пожинают плоды кровавой революции. Не было бы ее, не было бы и их. Так почему же они забыли о потоках крови, жестокостях и мерзостях, которые являются основанием всего современного их благополучия? У этих господ короткая память, и Свифт им напоминает о корне памятником своему деду, это является и его ответом на возможные предложения нового короля. Свифт убегает из Англии, убегает от иллюзий, которые так долго его терзали, а поводом к этому явилось то, что Стелла при смерти. Теперь пришло время рассказать и о ней.

Комментарии:

129 «… Мое желание видеть сэра Роберта не было вызвано никакими другими целями, кроме того, как изложить ему положение дел в Ирландии в подлинном свете. При этом не имелось в виду ничего, что касалось бы меня или кого-либо другого… Мое намерение оказалось совершенно ошибочным… Его представления никак не сочитаются с моей точкой зрения на свободу, которая всегда является неотъемлемым правом каждого человека…». В конеце письма была приписка с просьбой передать это письмо сэру Роберту.

Отступление – Свифт и женщины

Это удивительно, что в каждой книге о Свифте есть глава с подобным названием, тогда как мы об этом ничего не знаем. И если раньше мне приходилось разоблачать психологов, то здесь мне придется говорить больше о любителях романов или даже детективных романов. Эти любители делятся на два вида: первые - это современники Свифта, которым повезло и которые «шутили», пользуясь тем, что они современники, вторые же – это «мыслители», мастера дедуктивного (или, точнее, индуктивного) метода, которые распутывают сложные события, не выходя из дома. К глубокому сожалению вторых, они не могут сказать: «Я видел или слышал, как декан Свифт и т. д.», поэтому им приходится обходиться объедками со стола первых. Но зато они могут сыграть роль великих сыщиков, посрамить самого Холмса (ведь он не расследовал дел двухсотлетней давности[130]), а кто хочет, сможет даже написать диссертацию по этому вопросу.

Как я уже говорил, в молодости Свифт был красив и, будучи студентом, много флиртовал, но никогда не переходил известных границ, по крайней мере, так пишут. Его мать

боялась, что он увлечется некой Бетти Джонс, но та успела выскочить замуж за содержателя постоялого двора. Много лет спустя она обращается за помощью к Свифту, и он дает ей пять фунтов, «ради старинного знакомства». Во время своего пребывания в Ирландии, когда Свифт покинул Темпла, он увлекся мисс Джейн Варинг, сестрой его товарища по колледжу. Он дал ей поэтическое имя Варины. Первое любовное письмо ей Свифт написал девятнадцатилетним. Решив вернуться к Темплу, он пишет ей письмо, но Варина выжидает, секретарь - слишком неудачная партия. Прошло четыре года, Свифт опять возвращается в Ирландию. На этот раз он имеет твердый доход. Варина решает возобновить с ним отношения и Свифт делает ей предложение, но в такой странной форме, что принять его было невозможно. В этом письме Свифт перечисляет требования, совершенно мещанские – это издевка над меркантильностью Варины. Письмо заканчивается так: «Я буду счастлив принять Вас в свои объятия, независимо от того, красивы ли Вы и велико ли Ваше состояние. Главное - чистоплотность, и, кроме того, - достаточность средств, вот все, чего я от Вас хочу!». Варина ничего не ответила... О Варине мало известно, она находится в тени двух других женщин, и о ней редко вспоминают биографы. Возможно, она вышла замуж, родила детей и умерла на руках своих внуков, коротко говоря, жила обычной жизнью. Возможно... Если это так, то ей повезло, потому что две другие жили и умерли совсем по-другому.

Написал такое письмо Свифт потому, что рядом с ним уже была другая женщина, которая уже дала свое согласие на все требования анкеты. С Эстер Джонсон Свифт познакомился в Мур-Парке, когда ей было восемь лет, сам же он пишет, что шесть. Странно, но Свифт всегда путает ее возраст, что видно из «Дневника», а также из стихотворных поздравлений с днем рождения, может быть и случайно, но, скорее всего, умышленно. Зачем? Эстер была сиротой и жила у Темпла. Свифт дал ей имя Стелла – Звездочка, и стал ей наставником, потому что сам был старше на четырнадцать лет. Получив приход в Ларакоре, он уговорил переехать в Ирландию и Стеллу, вместе с ее компаньонкой Дингли. Что за отношения связывали Свифта и Стеллу? Кем она ему была – женой, любовницей или другом? Мы можем только гадать... Мы имеем опять-таки лишь небольшие факты. Стелла - очень красивая и очень умная женщина, к тому же, образованная – об этом постарался сам Свифт. Она из благополучной Англии переезжает в дыру, в полунищую и голодную Ирландию, переезжает только из-за Свифта, но нужно знать, какие рамки он ей поставил и что за жизнью она здесь живет! Стелла и Свифт никогда не живут под одной крышей. Когда Свифт уезжает, она вместе с Дингли поселяется у него в доме ради экономии. Если же он живет в Ларакоре, то они селятся по соседству. Кроме того, он никогда не оставался со Стеллой наедине и встречался с ней только в присутствии третьих лиц. Таковы условия отношений, продиктованные Свифтом раз и навсегда, и принятые Стеллой. Стелла – молодая, умная и красивая женщина, была окружена лицами духовного звания вдвое старше ее. У нее не было другого выхода, незамужняя женщина не могла общаться с кем-либо еще, не скомпрометировав себя.

Добавить к этому, что ее никогда не оставляла компаньонка Дингли – болтливая, недалекая, суетливая и эгоистичная, она ничего не представляла из себя во всех отношениях, что делало уединенную жизнь Стеллы более тягостной. Финансовое положение компаньонок было печальным, и наступил момент, когда Свифт стал им выплачивать определенную сумму, которую увеличил, после назначения деканом. Свои

письма, проникнутые искренней и глубокой привязанностью, Свифт пишет Стелле, но адресует их Дингли. Даже в письмах они не могли оставаться одни. Сдержанность, несвойственная молодым девушкам, стала ее второй натурой, поэтому вела она себя с достоинством. Все биографы Свифта, знавшие Стеллу, говорят о ней с уважением. Почему же Стелла терпит такую жизнь? Только ли из-за благодарности к бывшему учителю? В 1704 году ей сделал предложение знакомый Свифта Уильям Тисдал. Свифт был в Лондоне, и тот написал ему, прося разрешения. Свифт в ответ одобрил его решение и написал, что если бы средства и склонности позволили ему жениться, то он бы выбрал Стеллу. Он также пишет, что его склонность к Стелле не должна быть препятствием и что «время лишает девственницу привлекательности в глазах всех людей, кроме меня». Что Свифт сказал самой Стелле, неизвестно, но она ответила отказом, под влиянием ли Свифта, или по собственному разумению. Нужно добавить, что Свифт впоследствии старался уязвить и унизить бывшего поклонника Стеллы, что позволяет сделать предположение, что письмо Тиздалу было неискренним. Многие, знавшие Свифта и Стеллу, говорят, что она безумно его любила. Граф Оррери утверждал, что они состояли в тайном браке, и что венчал их в 1716 году епископ Клогерский. По его словам, произошло это так – Стелла вдруг впала в тоску и заболела. Свифт, не решаясь спросить сам, послал к ней епископа Клогерского, и Стелла передала через него, что устала ждать и хочет, чтобы Свифт женился на ней. Свифт согласился, но выдвинул условие – брак должен быть абсолютно тайным. Другой знакомый Свифта, Дилени, подтверждает, что Свифт и Стелла состояли в тайном браке, что Свифт на людях никогда не признавал ее своей женой. Дин Свифт тоже утверждает, что брак был заключен в 1716 году, и добавляет, что этот брак ничего не изменил в отношениях Свифта и Стеллы и остался целомудренным, они продолжали видеться только на людях. Вальтер Скотт в биографии Свифта рассказывает со слов жены Дилени, что непосредственно после бракосочетания состояние Свифта было ужасным, он был настолько мрачен и взволнован, что Дилени решил поделиться своими опасениями с архиепископом Кингом. Когда он входил в его библиотеку, мимо него промчался, не произнеся ни слова, Свифт, а лицо его выражало полное отчаяние. В самой библиотеке он застал Кинга, в слезах, и на вопрос, что случилось, получил ответ «Вы сами только что видели самого несчастного человека на свете, но никогда не спрашивайте о причине его несчастья»[131]. После бракосочетания Свифт не выходил из комнаты и ни с кем не виделся несколько дней. Несмотря на такое количество свидетельств, частью сомнительных (Кинг и Свифт были на ножах), мы все-таки не знаем, был ли брак[132]. Если ничего не изменилось, зачем был нужен брак? Кто был его инициатором? Возможно, это была Стела, и возможно, это случилось из-за... соперницы.

Этой соперницей, тоже безумно любившей Свифта, была Эстер Ваномри, которой Свифт дал имя Ванессы. Живя в Лондоне несколько лет, Свифт пользовался поистине тиранической властью над женщинами, но они почему-то все равно к нему тянулись. Веселовский, вспоминая знаменитую картину Свифта того времени, называет взгляд его умных голубых глаз, взглядом василиска. Вальтер Скотт рассказывает один случай. Свифт поехал обедать к графу Берлингтонскому, который незадолго перед тем женился. Граф, желая, как полагают, немного развлечься, не представил его своей супруге и даже не назвал его имени. После обеда настоятель сказал: «Леди Берлингтон, говорят, вы превосходно поете; спойте мне что-нибудь». Графине эта просьба доставить ему удовольствие, выраженная в столь бесцеремонной форме, была неприятна, и она

решительно отказалась. Тогда Свифт заявил, что все равно заставит ее петь. «Право, сударыня, кажется, вы принимаете меня за одного из ваших бедных английских попов, которые проповедуют оборванцам. Извольте петь, когда я вас прошу!». Поскольку граф при этом только рассмеялся, его жена от досады разразилась слезами и ушла. А когда Свифт снова встретился с ней, то первым делом любезно осведомился: «Скажите, сударыня, вы все такая же гордая и злая, как в то время, когда мы в последний раз виделись?» Она ответила добродушно: «Нет, достопочтенный настоятель, если хотите, я вам спою». И с тех пор между ними сложились дружеские отношения. (Теккерей приводит этот случай в оправдание своего тезиса, что если Свифту дать отпор – он поднимает руки кверху.) Молодая девушка Эстер Ваномри не избежала общей участи. В то время как Свифт провел в Лондоне несколько лет, он посылает Стелле письма в виде дневника, где очень детально описывает каждый день, но в этом дневнике об Эстер Ваномри он упоминает лишь трижды, не называя ее по имени. И это притом, что он часто обедает у нее, у нее в доме ему отведен кабинет, где он хранит одежду, отдыхает и дважды в день переодевается, если живет в Челси, а не в Лондоне. Почему, такой обстоятельный в описании мелочей, он умалчивает о Эстер Ваномри? Почему он виновато объясняет в письмах каждое посещение дома ее матери (ведь Свифт ходит именно к ней)? То погода скверная, то ему необходимо пообедать поблизости, то чувствовал неважно, то затащили друзья? Почему он старается снять квартиру рядом? До 1707 года семейство Ваномри жило в Дублине, следовательно, все прекрасно знали, что у мадам Ваномри – две молодых дочери, а, следовательно, знала и Стелла. Мы не имеет на руках писем Стеллы, потому что Свифт уничтожил их перед отъездом из Лондона, но, по всей видимости, она спросила, почему он так часто посещает этот дом. И этот вопрос вызвал раздражение и даже гнев. Свифт ответил, что им (т. е., вместе с Дингли) прекрасно известно, где он обедает, потому что он пишет об этом каждый день. Видимо, Стелла еще раз поинтересовалась, чем его так привлекает общество в доме Ваномри, и Свифт оправдывается, что это избранное общество и т. д. Но так ли это? Я уже упоминал о расходной книжке Свифта? Так вот, по ней мы можем сравнить письма Стелле и его платежи.

Оказывается, Свифт бывал в доме Ваномри значительно чаще, чем писал, мало того, он прямо врет, что обедал у приятеля или играл в карты в то время, когда обедал с Эстер в дорогом ресторане Понтэка! Но, как видно из писем Ванессы, Свифт не совершил ничего предосудительного, и отношения с Ванессой у него были такие же целомудренные, как и со Стеллой. Частые посещения могли повредить репутации Эстер, но Свифт убедил ее, что если совесть чиста, то нечего бояться и слухов. Позже она ему напомнит эти слова... Ванесса была на 20 лет моложе Свифта и на семь - Стеллы. Ванесса была симпатичной, но не такой красавицей, как Стелла и, в противоположность ей, импульсивной и склонной воспринимать жизнь трагически. У Ванессы был развитый ум, и потому щеголи ее не интересовали. В отличие от Стелы, Ванесса была способна на неожиданный поступок и не могла сдерживать свою страсть, поэтому Свифту нужно было быть начеку. Ванесса была натурой незаурядной, а любовь лишь увеличила ее духовную проницательность и желание во всем уподобляться своему божеству, как она называла Свифта. Она стала читать его любимые книги, интересоваться политикой и писать ему стихи. Стихи эти, бесспорно, талантливее стихов Стеллы. Знала ли Стелла о Ванессе? Но Ванесса точно знала о Стелле и о том месте, какое она занимает в жизни Свифта, и прекрасно понимала, что ей в ней

отведен лишь небольшой клочок, но она была согласна и на такие условия. Свифт уезжает в Ирландию, через три месяца за ним приезжает Ванесса. В какое положение попал Свифт!

Тернстайл-элли, на которой жила Ванесса, была расположена очень близко как от деканата, так и от Кейпел-стрит, где жила Стелла. Через полтора года и состоялся тайный брак, если он имел место. Тут возникает другой вопрос, почему Свифт, согласившись на брак, не пожелал сделать его настоящим? Многие – Оррери, Дилени, Теккерей и Левидов считали Стеллу, внебрачной дочерью Темпла. Отец не неизвестен, а отчим был управляющим у Темпла. Почему Темпл завещал ей тысячу фунтов и земли в Ирландии, что вызвало всеобщее удивление? Почему Дингли, родственница Темплов, согласилась на роль компаньонки бывшей служанки? Почему служанка никогда не выполняла обязанности служанки? Дилени идет дальше – Свифт, похищение его кормилицей, странное воспитание вдали от матери, служба в доме Темплов, к которой он постоянно возвращается. Коротко говоря, Дилени считает, что только после заключения брака Стелла и Свифт узнали, что они сводные брат и сестра, что делало реальный брак – инцестом. Хотя все это не доказывается никакими фактами. Дин Свифт категорически отвергает подобные догадки и считает сам, что подобный брак был неравен и Свифт боялся злобы своих врагов. Вальтер Скотт же полагает, что брак не мог быть реальным из-за патологического отвращения Свифта к женщинам, а именно к физиологической стороне.

Тут мне вспоминается странная вставная новелла о физическом отвращении Гулливера к фрейлинам в стране великанов. Другие считают, что причиной этому является нежелание Свифта иметь потомство из-за боязни передать ему безумие - «в моей крови заключено нечто такое, что ни один ребенок не должен унаследовать». Есть еще одно предположение – Свифт не хотел потомства потому, что боялся будущего. Левидов приводит свою версию – Свифт неоднократно заявлял о том, что не одобряет институт брака, так что все просто, он лишь следовал своим убеждениям. Киреев, считает, что Свифт - первый, кто прошел жутковатый путь, когда рациональное начало, убило начало эмоциональное, и что он не любил ни Стеллу, ни Ванессу. Странно, что никто не обратил внимания на одно место в «Гулливере», а именно, когда король приказал выследить и поймать корабль, чтобы найти Гулливеру женщину его роста для размножения. Мысль, что его потомство будет выращиваться на продажу для развлечения публики, привела того в ужас. Впрочем, некоторые биографы усмотрели в одном письме Свифта к Ванессе намек на то, что у них есть сын. Существует и фольклорная легенда о Свифте, женщинах и его детях – двух сыновьях, один из которых был по прозвищу Огневой. Многие биографы также воспроизводят слухи о таинственных незаконных детях Свифта, но об это не стоит говорить серьезно. Мы никогда не узнаем, был ли заключен брак со Стеллой, но с приездом Ванессы драматизм только усилился. Ванесса жила то в Дублине, то в Селлбридже, что было по пути Свифту, когда он направлялся в Ларакор, и, однако, в течение первых шести лет они видятся только в Дублине.

Ванесса вела чрезвычайно уединенный образ жизни, проводя время в обществе больной сестры и предаваясь печальным размышлениям. Такая жизнь только способствовала тому, что она сосредотачивалась на безнадежном и мучительном чувстве. Свифт взывал к ее

благоразумию, но его упреки на нее не действовали, что временами приводило его в ярость. Ванесса не могла ничего с собой поделать, любое ласковое слово Свифта или обещание приехать, и она счастлива. Дважды она отказывает женихам,[133] после смерти сестры она остается в полном одиночестве. Ее безропотность и то, как терпеливо она переносила это состояние в течение целых восьми лет, объясняется ее благоговением перед Свифтом. Дин Свифт пишет, что в апреле 1723 года Ванесса узнала, что Свифт женат на Эстер Джонсон и написала ему письмо, а Томас Шеридан говорит, что она написала самой Стелле. Вальтер Скотт описывает, что случилось это так: «Однако нетерпение Ванессы взяло, наконец, верх, и она отважилась на решительный шаг - сама написала миссис Джонсон и попросила сообщить, какой характер носят ее отношения со Свифтом. Стелла ответила, что они с настоятелем связаны браком; и, кипя негодованием против Свифта за то, что он дал другой женщине такие права на себя, о каких свидетельствовали вопросы мисс Ваномри, Стелла переслала ему письмо соперницы и, не повидавшись с ним и не ожидая ответа, уехала в дом мистера Форда, близ Дублина. Результат известен всем читателям. Свифт, в одном из тех припадков ярости, какие с ним бывали и в силу его темперамента и по причине болезни, тотчас отправился в аббатство Марли. Когда он вошел в дом, суровое выражение его лица, которое всегда живо отражало кипевшие в нем страсти, привело несчастную Ванессу в такой ужас, что она едва пролепетала приглашение сесть. В ответ он швырнул на стол письмо, выбежал из дома, сел на лошадь и ускакал обратно в Дублин. Когда Ванесса вскрыла конверт, она нашла там, только собственное письмо к Стелле. Это был ее смертный приговор. Она не устояла, когда рухнули давние, но все еще лелеемые ею надежды, которые давно наполняли ее сердце, и тот, ради кого, она их лелеяла, обрушил на нее всю силу своего гнева. Неизвестно, долго ли она прожила после этой последней встречи, но, по-видимому, не более нескольких недель». Однако так пишет Оррери, можно ли ему верить? Ведь все это происходило без свидетелей. Известно лишь, что через три месяца после этого Ванесса умерла от неизвестной причины... За это время она переделала завещание, в котором все было завещано Свифту, теперь ее наследник – почти незнакомый ей Джордж Беркли, будущий философ. В новом завещании имя Свифта даже не упомянуто. Дилени говорит, что она завещала Беркли опубликовать поэму, посвященную ей Свифтом и их переписку.

Ванессу обвиняли в мстительности, но это на взгляд психологов. На взгляд же честных людей, она просто хотела оправдаться перед миром, показав, что действительно любила декана. Она была похоронена в церкви Сент-Эндрю, но в 1860 году церковь сгорела, и ее могила не сохранилась. Уже в полночь, в день ее смерти Свифт решает уехать. После ее похорон он покидает Дублин, не оставляя никому адреса, по которому его можно найти, и путешествует без цели по южным районам Ирландии. Письма Свифта к Ванессе очень быстро были подготовлены к печати, но Томас Шеридан отговорил печатать их и тем уберег Стеллу и Свифта от тяжких переживаний. Ведь в этих письмах Свифт пишет Ванессе, что все остальные женщины по сравнению с ней – дуры в юбках. Путешествуя уже месяц, Свифт пишет Шеридану: «В Дублине ли обе дамы? Здоровы ли они?». Следовательно, в течение полугода Свифт и Стелла не поддерживали никакой связи. Возможно, Свифт хотел помочь ей прийти в себя и успокоиться самому. Стелла вернулась в Дублин осенью, но тут ее ждала еще одна неожиданность – была напечатана поэма Свифта «Кадениус и Ванесса». Печальные дни наступили для Стеллы, она узнала, что Свифт не только таил от нее много лет отношения с другой женщиной, но и воспел ее

почти в тех же словах, что писал ей. Поэма имела успех, и вокруг все говорили о ее героине, но каково Стелле было это слушать? Дилени рассказывает, что один раз на обеде у Форда зашел разговор о поэме, и один человек, не знавший характер отношений Стеллы и Свифта, сказал, что эта Ванесса должна быть незаурядной женщиной, если вдохновила Свифта на такие стихи. При этих словах Стелла улыбнулась и ответила, что всем хорошо известно, что декан может прекрасно описать даже палку от метлы. Тяжело ей было поддерживать самообладание, скоро Стелла слегла. Свифт был тогда в Лондоне. Его почему-то больше всего пугала мысль, что Стелла умрет в его доме, но развязка затянулась. Когда ее состояние ухудшилось, Свифт немедленно едет в Ирландию. Он застал ее в живых. Склонясь над постелью умирающей, он прошептал что-то, и Стелла ответила: «Слишком поздно...». Предполагают, что он хотел огласить брак. Через несколько дней Стелла умерла.

Откуда это известно? От некой дамы Марты Уайтвей, которая была в соседней комнате и которая услышала ответ Стеллы, домыслив предложение Свифта огласить брак. Но, увы... В конце января 1728 года Марты Уайтвей не было в Дублине! Есть и другой рассказ – Шеридана, он утверждает, что в одной из последних бесед Стелла умоляла Свифта огласить брак, на что он ответил категорическим отказом. Что же мы об это знаем? Когда Свифту сообщили о смерти Стеллы, у него были друзья, и ему пришлось терпеть свое горе в их присутствии. Когда они ушли, он тут же сел писать заметки о ней. Во время похорон, которые совершались, по обычаю того времени, ночью, Свифта перевели из спальни в другую комнату, потому что из нее не было видно поминальной процессии и свеч в соборе. На похоронах он не присутствовал... Его недоброжелательные биографы обвинили его в слабости или черствости, но кто знает, что у него было тогда на душе. Через восемь лет он составил список лиц, которые ему были близки и которые умерли или пока живы, но там нет имен ни Стеллы, ни Ванессы, ни среди мертвых, ни среди живых. После смерти Свифта среди его бумаг был обнаружен конверт с прядью волос, на нем рукой Свифта было написано: «Волосы женщины, только и всего». Вот пример, пишет Скотт, стремления настоятеля скрыть свои чувства под маской циничного равнодушия.

Чьи это были волосы? Стеллы? Ванессы? И кто из них был ближе Свифту? Все судят об этом по-разному. Но бесспорно, что образ Ванессы более трагичен. Марк Твен, читая Теккерея, напротив места, где тот ругает Ванессу, приписал: «В истории этой несчастной, безобидной, печальной, толстой девушки заключено для меня нечто трогательное». А вот как описывает посещение ее жилища Вальтер Скотт: «Аббатство Марли близ Селбриджа, где жила мисс Ваномри, действительно имеет вид настоящего монастыря, особенно снаружи. Дряхлый старик (по его собственным словам, ему было за девяносто) впустил моего корреспондента внутрь. Он был сыном садовника миссис Ваномри и еще ребенком работал с отцом в саду. Он хорошо помнил несчастную Ванессу; и то, что он о ней рассказывал, совпадало с общеизвестным описанием, особенно в том, что казалось ее embonpoint. Он сказал, что она редко уезжала и почти ни с кем не виделась; обычно она проводила время за чтением или в прогулках по саду...

Она избегала людей и всегда была печальна, кроме тех случаев, когда приезжал настоятель Свифт, - тогда она становилась веселой. В саду невероятно густо разрослись лавры. Старик сказал, что когда мисс Ваномри ожидала настоятеля, она всегда своими

руками сажала несколько лавров к его приезду. Он показал место, где она любила сидеть, - оно до сих пор называется «беседка Ванессы». Три-четыре дерева да несколько лавров отмечают это место... Из беседки, где стояли два стула и грубый стол, открывался вид на Лиффи... По словам старого садовника, в этом уединенном месте настоятель и Ванесса часто сидели вдвоем, а на столе перед ними лежали книги, перья, бумага». Именно здесь Ванесса писала свои последние письма Свифту: «Если у вас осталась хоть капля жалости ко мне, скажите об этом как-нибудь помягче. Нет-нет, лучше не говорите, чтобы это не стало причиной моей мгновенной смерти, но и не обрекайте меня на жизнь, которая подобна мучительному угасанию, потому что это единственное, что мне остается, если вы утратили всю вашу нежность ко мне...». Биографы почему-то с неприязнью относятся к Ванессе. Но из всех фактов, которые они приводят, чтобы опорочить ее, правдой может быть только один – перед смертью она отказалась исповедоваться. Это могло иметь место, ведь Богом для нее являлся Свифт. Она говорила, что не может верить в воображаемое существо, если видит его воплоти. «Любовь, которую я питаю к вам, заключена не только в моей душе: во всем моем теле нет такой мельчайшей частицы, которая не была бы ею проникнута», «Стоит вам нахмуриться, и жизнь невыносима для меня!». Естественно, Ванесса ждала ответа. А что Свифт? «Я не стану отвечать вам и за миллион». Все письма Свифта Ванессе пишутся иносказаниями, но не письма Ванессы.

Ужас и благоговение испытывала она перед деканом, а своего гнева он ее удостаивал часто. «Невозможно описать, что я пережила с тех пор, как виделась с вами в последний раз. Пытка была бы для меня легче этих ваших убийственных, убийственных слов», «Вы бежите от меня и не приводите никаких других объяснений, кроме того, что нас окружают глупцы, и мы должны покориться обстоятельствам». Что же, она согласна на все. «Если ты очень счастлив, не будь таким злым, напиши мне об этом». Могила Ванессы не сохранилась, а Стелла и Свифт похоронены в одной.

На эту тему написана пьеса Йейтса, которая называется «Слова на оконном стекле». В 1994 году по этой пьесе был снят фильм. Я постараюсь коротко пересказать. «Молодой ученый Джон Коберт, интересующийся судьбой Свифта, попадает на спиритический сеанс, который проходит в той самой комнате, где жила Стелла и где на оконном стекле сохранилось ее стихотворение на день рождения Свифта. Некая дама хочет вызвать своего утонувшего мужа, но вместо него возникают образы Свифта и Ванессы. Кроме Коберта, их, естественно, никто не узнает. Ванесса говорит Свифту о своей любви, о том, что не может совладать с собой, что хочет от него детей, что он стареет и будет одинок. Страшась его гнева, она приникает к земле, и локоны ее касаются пола, а Свифт в муке восклицает: «Чтобы я помогал тем самым множить подлость и мошенничество в мире?! О Господи, сделай так, чтобы я оставил не потомству ничего, кроме ниспосланного мне небесами разумения!». Затем Ванессу сменяет Стелла... Свифт спрашивает ее, не причинил ли он ей зла, ведь у нее нет ни мужа, ни детей, а она отвечает ему, что всем довольна. Сеанс окончен, а медиум все продолжает говорить голосом Свифта слова пророка Иова...».

Но и это не конец... В 1835 году, когда в Дублине, в соборе св. Патрика, велись какие-то работы, останки Свифта и Стеллы были подвергнуты эксгумации. И... их черепа

передавались из дома в дом людьми, совершенно не имеющими к этому отношения, а гортань Свифта кто-то попросту украл.

ОБЪЯВЛЕНИЕ:

Третья и последняя часть будет повествовать о смерти доктора Свифта, поскольку после смерти Стеллы его жизнь превратилась в длительную агонию. А так как смерть всегда людей интересует больше, чем жизнь, и многие, уже подписавшиеся, сделали это только ради удовольствия прочитать о смерти, то и цена на последний номер соответственно вырастает в десять раз.

Комментарии:

130 Примечание издателя: автор ошибается – самое первое дело еще молодого Холмса, касалось поисков короны шотландского королевства.

131 По другой версии эту фразу произнес сам Свифт. Дейч и Зозуля считают, что его состояние объясняется тем, что Свифт вдруг понял, что уже не сможет связать себя с Ванессой, к которой он чувствовал большую склонность. Что впрочем, является обычным домыслом, который эти замечательные биографы взяли у Веселовского: «Есть предание, что Свифт во время обряда был сильно взволнован, и, выходя, сказал двум друзьям: "вы видите несчастнейшего из людей, но не выпытывайте у него никогда причины его горя". Обручение отнимало у него последнюю надежду соединиться с Ванессой, и в его отчаяние не трудно поверить».

132 Многие биографы отрицают факт заключения брака. Первым это сделал в 1820 году Монк Мэсон в книге «History and antiquities of cathedral church of St. Patrick», что привело всех последующих исследователей, включая Луначарского, в лагерь отрицателей этого брака. Но Крейк («The life of J. Swift», pp 523-29) собрал ряд надежных показаний и документов, позволяющих решить вопрос в положительном смысле.

133 Это были декан Винтер и доктор Прейс архиепископ Кешельский.

ЧАСТЬ III

Смерть доктора Свифта, декана собора св. Патрика в Дублине

Мне бы не стоило вообще писать эту третью часть, потому что все биографы, расположенные к Свифту, останавливались на этом месте, недоброжелательные же, напротив, отсюда начинали. А поскольку последних намного больше, то обыватели знают Свифта именно по этому периоду его жизни - от смерти Стеллы и до его собственной смерти. Первые биографы, Оррери и компания, знали Свифта как раз в это время и заполнили свои писания множеством анекдотов, которые у многих пользуются популярностью. Поскольку я эти анекдоты не люблю и уверен, что многие из них просто выдуманы, то эта часть будет очень короткой.

В одном из писем Свифт писал – «жизнь – это трагедия: какое-то время мы наблюдаем за ней из зрительного зала, затем поднимаемся на сцену сами». Так произошло и с ним самим. После радужных надежд в Лондоне – скучная и мрачная Ирландия, никакого просвета, смерть двух любимых женщин. Затем по одному он теряет своих друзей, как пишет сам – «потеря друга, похожа на потерю кошелька, когда мы проверяем, что же у нас осталось на черный день? И оказывается не так много». Свифт все еще много гуляет - «здоровье в отличие от жизни поберечь стоит». Но больше времени Свифт проводит дома, он стал много читать. Он занят делами большого деканата. Свой собор Свифт превратил в независимую церковную единицу, хотя формально над ним стояли епископы, но они боялись вмешиваться в дела этого странного человека. Сам же Свифт повторял про них такую шутку – все английские священники не доезжают до Ирландии, по дороги их убивают воры, надевают их одежду и прибывают для исполнения обязанностей. Однажды Свифт заметил, что могильные плиты в соборе св. Патрика истерлись, а монументы разрушились. Поскольку Свифт всегда требовал почтения к предкам, то он пишет письма родственникам, друзьям и наследникам покойных с требованием немедленно прислать деньги для ремонта памятников, в противном случае они будут отремонтированы за счет прихода, а адресаты писем будут помянуты недобрым словом в новых надгробиях. Подобное же требование было отправлено и королю Георгу II, когда же тот не соизволил отозваться, на одной из плит было высечено замечание о скупости и неблагодарности короля. Какой епископ, не побоялся бы указывать такому суровому декану? Королева, в бытность принцессой Уэльской, была расположена к Свифту и обещала облегчить положение Ирландии, когда станет королевой. Но Свифт был далеко, а рядом наушничали Уолпол и клика. Для того чтобы скомпрометировать Свифта, эти умельцы посылали королеве подложные письма очень резкого содержания от его имени. Одно из таких эпистол ему переслал Поп, в этом письме стояло имя Свифта, но подчерк был поддельный. «Неужели королева считает меня таким дураком?» - сказал Свифт, прочитав его. Свифт знал, что за этим стоит Уолпол, а потому нанес тому два удара свирепыми сатирическими поэмами - «Рапсодией о поэзии» и «Посланием к одной даме». Уолпол был в бешенстве и решил наконец-то расправиться со своим старым и опасным врагом. Ему были нужны официальные доказательства, и он их получил от Пилкингтона, который предал своего благодетеля[134], разоблачив авторство Свифта. Но, к злобе премьер-министра, все юристы в один голос заявили, что в поэмах нет ничего такого, за что Свифта можно было бы преследовать по суду, и что он, без сомнения, будет оправдан. Декан с сожалением узнал, что Уолпол отказался от преследования, ведь это был бы суд не над Свифтом, а над самим Уолполом.

Со смертью Стеллы жизнь Свифта изменилась, стали реже воскресные приемы, где она председательствовала, не было и серьезных сочинений. Свифт пишет, но пишет странные пустяки. «Vive la bagatelle!» - таков его девиз, который он любил повторять в это время. К таким пустякам, например, относится сочинение «Полое собрание вежливых и остроумных разговоров в трех диалогах, согласно дворцовой и салонной практике». Он чувствует, что проиграл – и в деле исправления человеческого рода, и в деле свободы Ирландии. «В роли гуманиста я выступать более не намерен, ибо гуманоидов я ненавижу больше, чем жаб, гадюк, ос, лис». Нельзя с помощью логики сделать народ свободным, поэтому через год он пишет непохожее на письма Суконщика сочинение – «Скромное предложение, имеющее целью не позволить детям ирландских бедняков превратиться в

бремя для своих родителей и своей страны и обратить их в источник дохода для общества». Еще в 1727 году из-за дороговизны хлеба, многие семьи покидали свои дома в поисках пищи, сотни людей погибли от голода. Картофель был съеден за два зимних месяца. А в 1728 и 1729 годах случился неурожай картофеля, что обрекло на вымираниецелые селения. Родители калечили своих детей, чтобы те вызывали жалость и таким образом спаслись от голодной смерти.

Английское правительство же препятствовало развитию сельского хозяйства, боясь конкуренции ирландского зерна. «Скромное предложение» написано спокойным деловитым тоном и сопровождается экономическими и статистическими аргументами, но от этого трагическая ирония и гнев только усиливаются. А состоит предложение в том, чтобы дети ирландских бедняков убивались еще в младенчестве и поставлялись на кухню английских ленд-лордов, ведь экспорт этого товара не опасен для монополии Англии! А Ирландия? Она сможет обогатиться даже при скромных ценах на детское мясо. Через три года Свифт пишет «Серьезный и полезный проект устройства приюта для неизлечимых на общую пользу всех подданных Его Величества». Как обычно, здесь нет и намека на юмор – все серьезно и тщательно разработано. Проект этот предлагает создания приюта для всех ущербных людей – дураков, лжецов, мерзавцев, графоманов, бездельников. Я не знаю, писал ли он сатиру на Беттсоурта, сам Свифт это отрицает, а Теккерей сильно искажает факты. По словам самого Свифта это было так… Однажды в дом к Свифту ворвался некий мистер Беттсоурт, и на вопрос кто он, ответил: «Я стряпчий!». «Что же вы стряпаете?» - спросил его Свифт. Беттсоурт обвинил Свифта в написании стихов против него, при этом зачем-то с выражением, отставив ногу, продекламировал их. Далее он стал угрожать и заявил, что Свифт ошибся в одном – он не так глуп. Дальше больше - Беттсоурт совсем распалился, оказалось, что в прихожей стоял человек, который должен был впустить с улицы еще несколько. Как он потом сознался, у него был нож, а целью их нападения было убить или хотя бы изувечить Свифта. Однако слуги помешали их планам. Впоследствии Беттсоурт распустил слух о трусости Свифта и своем героизме.

После этого случая жители Дублина опять организовали бригады из добровольцев для охраны своего любимого декана. Популярность Свифта в Ирландии росла год за годом. Свифт практически перестал общаться с высшим светом, особенно с духовенством, и всегда ходил пешком – здесь, в Дублине, ему незачем было бояться ни грабителей, ни убийц. Народ стал его единственным другом, о чем он с горечью писал к Попу. Прожить жизнь, чтобы добиться популярности у черни? Но эта чернь боготворила его[135]. Все его называли не иначе как «наш декан». Один раз прошел слух о предстоящем солнечном затмении и сопряженных с ним бедствиях. У дома Свифта собралась толпа испуганных людей, они пришли просить совета и помощи. Вот выходит декан, толпа стихла, и Свифт серьезным голосом говорит:

«Люди! Знайте же, я отдал приказ отменить затмение. Оно не состоится!». Успокоенная толпа разошлась[136]. Все свои доходы Свифт разделил на три части – одну часть тратил на себя и на деканат, одну откладывал на сумасшедший дом, а из третьей создал кассу для помощи нищим. Среди них выделялись одинокие женщины, лишенные возможности работать – их называли «свифтовский сераль». Рассказывают такой случай. Один раз, обедая с гостями, Свифт разозлился, потому что кто-то назвал его писателем. «Я не

писатель!» - крикнул Свифт и, сделав резкое движение, уронил часы, но их успели подхватить, и они остались целы. Декан этому очень обрадовался и сказал: «Если бы они упали, стекло обязательно разбилось бы, и починка стоила бы не меньше шиллинга», он позвал миссис Брент и дал ей шиллинг со словами, что он предназначен номеру пятому. Дело в том, что, экономя на чем-то, например, когда он пил пиво вместо вина, и даже на неразбившемся стекле, Свифт отдавал сэкономленные деньги нищим. А все нищие были занесены в книгу под номерами и вымышленными именами, которые выдумывал сам Свифт[137]. Но помогал он только живым и после смерти своих питомцев не давал денег даже на гроб. Кроме нищих, Свифт помогал и бедным ремесленникам, давая им ссуды. Говорят, он помог стать на ноги более, чем двумстам семьям. Не только деньгами, но и рекомендациями он помогал всем, кто к нему обращался. Смешно после всего этого слушать сказки психологов о его человеконенавистничестве.

Постепенно редел круг друзей Свифта, одни из них умерли, другие были далеко. В письме Арбетноту он жалуется: «Писать Вам длинные письма для меня сродни умопомешательству; представьте состояние человека, для которого единственный способ перестать чувствовать себя несчастным – это постараться забыть тех, к кому он питает величайшее уважение, любовь и дружеские чувства». «Я прихожу к тому заключению, что скупость и черствость сердца - вот два качества, доставляющие человеку наибольшее счастье...». Смерть Арбетнота поразила его в самое сердце. «Потеря друзей – это налог, которым облагаются долгожители» - написал он после смерти Гея. Пять дней он не мог распечатать письмо, где сообщалась печальная весть о смерти друга. В это время Свифт почему-то перестал подписывать письма. В 1736 году Свифт составил список людей, с которыми был знаком, – всего двадцать семь человек. Всех их он разделил на четыре категории – неблагодарных, благодарных, ни то, ни се, и вызывающих сомнения. Например,

Архиепископ Кинг – небл.
Доктор Стерн – небл.
Мистер Форд – бл.
Королева – небл.
Мистер Гаррисон – выз. сомн.

В это время некий Джон Мекки (псевдоним) выпустил сборник сплетен о дворе Анны и Георга I. Свифт читал эту книгу в 72 года. Он прекрасно знал всю эту публику и на полях делал замечания, по поводу лиц, описанных там. Эти замечания очень ценны, как для правдивой характеристики многих известных людей, так и для биографии самого Свифта.

Он и в молодости много думал о смерти, но в старости эта мысль не выходит у него из головы ни на минуту. Однажды он сидел с одним священником в гостиной, и, как только они встали, на их кресла обрушилось тяжелое зеркало. «Какое счастье, что мы успели встать!» - крикнул испуганный священник. «Что Вы успели встать» - мрачно поправил его Свифт. В другой раз, прогуливаясь по саду, он остановился перед высоким вязом со сломанной верхушкой, долго смотрел на дерево, а затем сказал собеседнику: «Со мной будет тоже, что с этим деревом – я начну умирать с головы». С этого 1736 года Свифта окружают не друзья, а стая коршунов – Оррери, Эмори, Пилкингтон, Дин Свифт, Марта

Уайтвей – впоследствии они станут первыми лживыми биографами, а пока они собирают сплетни, роются в бумагах Свифта, подсматривают и подслушивают. Эти коршуны постепенно отстранили «от тела» единственных друзей декана в Дублине – Шеридана и Дилени. В этом же году Свифт работает над большой сатирической поэмой «Клуб Легион». Повод был – опять богатые ограбили бедных. Спросив у Дилени, не терзают ли тому плоть и не выматывают ли душу мерзости и подлости, совершаемые людьми, находящимися у власти, и, получив отрицательный ответ, Свифт пришел в негодование: «Почему? Почему? Как можно с этим мириться? Как можно оставаться спокойным?». Бешеная ярость охватила Свифта, вся поэма – один сгусток гнева, но она осталась незаконченной из-за приступа болезни. Дело в том, что еще с тридцатилетнего возраста Свифт страдал хронической болезнью. Тогда названия ей не знали, это меньерова болезнь или лабиринтин. Сначала она выражалась в легких приступах головокружения, которые продолжались день-два, потом неделю, а с начала тридцатых годов приступы стали длительнее и сильнее. Теперь же к головокружениям прибавились приступы глухоты. Слух всегда возвращался, но неделями декан был выключен из мира. И этого мало, меньерова болезнь в развитии предполагает потерю памяти. Память тоже возвращалась, но клочками, все больше и больше событий и имен погружалось во мрак. Это было страшное состояние – смерть по частям. В 1737 году Свифт пишет: «Годы и болезнь разбили меня окончательно. Я не могу ни читать, ни писать, я потерял память и утратил способность вести беседу. Ходить и видеть – вот все, что осталось теперь мне в удел».

Круг одиночества замкнулся, огромный дом при деканате, построенный предшественником Свифта Стерном, пуст... Правда, есть коршуны, например, Марта Уайтвей. Это она отвадила от дома Шеридана и Дилени, она в сговоре с Оррери, она ведет переписку с лондонскими издателями, разыскивая по углам неопубликованные рукописи.

Свифт все видит, но молчит. Он почти перестал выходить из дома, а в качестве упражнения прогуливается по лестницам дома. Причина этому та, что Свифт не хотел внушать к себе жалость, если бы приступ головокружения случился на улице. Бороться всю жизнь, а теперь цепляться за столбы и прохожих? С 5 до 11 вечера Свифт сидит один в комнате, а утром просыпается с таким безразличием, что нет смысла и вставать. «Всякий день проснувшись, я нахожу жизнь еще более бессмысленной, чем накануне». Каждый день он выпивал бутылку вина и стал обедать только дома. «По двенадцать миль я проезжаю часто, но возвращаюсь к себе домой, ложусь в свою постель - в этом вся штука. Выход один – жениться, тогда любая постель будет лучше моей собственной». Свифт стал молчать месяцами, им овладело какое-то безразличие ко всему окружающему. В это время он пишет письма в стихах и прозе на изобретенном им языке - англолатинском. Свифт сошел с ума? Вовсе нет, если не считать потерю памяти, разум его так же силен, как и раньше. Заставить замолчать разум – вот чего хочет Свифт. Каким счастьем для него было бы действительно сойти с ума, но ведь это же просто легкий способ сбежать от судьбы. Свифту этого не нужно! 1738-39 годы стали наиболее мучительными, Свифт совсем перестал выносить общество посторонних лиц. Он обедает один, часто обед оставался нетронутым. В начале мая 1740 года Свифт пишет завещание - единственный документ, подписанный его рукой (автор ошибается, было еще сочинение об исправлении английского языка). Что же в нем? Все скопленные за это время деньги – 12 тысяч фунтов - Свифт оставил на постройку сумасшедшего дома. Это была последняя издевка Свифта

над обществом, но в завещании были и другие издевки – над конкретными людьми, коршунами, которые терзали его в последнее время. Вот достопочтенный дублинский священник Роберт Грэттен, скупой и завидующий доходам своего брата, доктора Джеймса Грэттена. «Я завещаю Роберту Грэттену золотой пробочник, который он мне подарил, и мой железный ящик для денег и драгоценностей на том условии, что пользование этим ящиком будет предоставлено исключительно его брату Джеймсу на все время его жизни, ибо у него больше нужды в нем, чем у Роберта». Есть еще один Грэттен – Джон, тоже священник, имеющий противную привычку жевать табак. «Я завещаю Джону Грэттену мой серебряный ящик, который мне подарил муниципалитет города Корка вместе с документом об избрании меня почетным гражданином этого города, с тем, чтобы означенный Джон держал в этом ящичке табак, который он обычно жует, называющийся «свиной хвостик». Глуповатому священнику Уоррэлу Свифт оставил свою лучшую бобровую шапку[138]. Этот Уоррэл, между прочим, часть своего состояния оставил на свифтовский сумасшедший дом. Были и другие люди, названные в завещании, про Оррери я рассказал выше.

Наступили дни, когда декан истошно кричал ночью 8-10 часов кряду от боли. А вот что он пишет в июле:

«Всю ночь мне было очень худо, сегодня же я оглох совершенно и страдаю от сильной боли. Я так одурел, так сбит с толку, что не в состоянии даже описать свои физические и духовные страдания... Я с трудом понимаю, что пишу. Сомневаться не приходится: дни мои сочтены...

Дж. Свифт.

Если не ошибаюсь, сегодня суббота 26 июля 1740 года. Если доживу до понедельника, то, надеюсь, увижу Вас – возможно в последний раз».

Если не считать короткой записки, датированной 8 июня 1741 года, то это последнее письмо, написанное Свифтом. У Свифта было много врагов, и теперь, когда он стал беспомощным, они старались низко выместить свою злобу. Один из них – пребендарий Уилсон. Придя в дом к декану, он приложил все усилия, чтобы увезти Свифта без миссис Риджуэй, которая постоянно сопровождала Свифта с тех пор, как он начал терять память. Свифт выпивал два бокала за обедом, но Уилсон налил ему и третий. Лакей, увидев это, предупредил Уилсона, что если декан выпьет третий, то у него закружится голова. В ответ на это Уилсон послал за бутылкой крепкого белого вина и напоил декана так, что тот не мог сам дойти до экипажа. И это еще не все, по дороге, он затащил его в кабак, заставил выпить бренди, постепенно повышая на Свифта голос, и, в конце концов, стал поносить его последними словами. Возле кабака собралась огромная толпа, когда народ услышал, что его декана обижают, и Уилсон был бы разорван на части, если бы не сбежал через заднюю дверь. Неизвестно, бил ли он Свифта, но на утро рука у декана была в кровоподтеках. И при всем при том, Свифт, не успев доехать, домой, спросил: «А где же Уилсон? Разве не он со мной сегодня вечером?» Иногда, в периоды умопомрачения, он расхаживал по дому много часов подряд; иногда вдруг застывал в оцепенении. 17 марта 1744 года он повторял медленно и неоднократно: «Я такой, какой есть» (Теккерей

переделал эту фразу в «Я есмь сущий» - пример подлого искажения фактов для очернения Свифта). Последнее, что он написал, была эпиграмма по случаю постройки склада для оружия и припасов, который ему показали, когда он вышел на улицу во время болезни:

Здесь мысль ирландская видна,
Ирландца я узнал:
Когда проиграна война,
Он строит арсенал.

А дальше – пять лет агонии. В 1742 году специальная комиссия решила, что Свифт не может заботиться о себе и своем имуществе, как лицо, лишенное памяти (но не сумасшедшее!), и назначила опекунский совет. Легенда о сумасшествии была выдумана Оррери. Свифт не сошел с ума, он прекрасно осознавал, что с ним происходит, от этого его положение становилось только ужаснее. Последнюю фразу он сказал в 1744 году:

«Какой я глупец...» - так пишет Теккерей... Но и это ложь! Вот что я прочитал у Дина Свифта по поводу этой фразы. Декан иногда, как я уже писал, произносил отдельные фразы, которые Дин записывал. Однажды, увидев себя в зеркало, он произнес: «Бедный старик». Свифт не сошел с ума, но потеря памяти и глухота привели к потере механической способности говорить. Один раз, он хотел сказать что-то слуге, несколько раз называл его по имени, мучительно подыскивал слова и, в конце концов, со смущенной улыбкой произнес фразу: «Какой я дурак». Как бы хотелось Теккерею, что бы эта фраза стала последней! Но ведь это неправда. Тот же Дин пишет и о других случаях, когда Свифт разговаривал. Теперь Свифт погрузился в полную апатию, если раньше он постоянно ходил по лестницам, то теперь его с трудом можно было убедить встать с кресла и пройтись.

19 октября 1745 года дом декана наполнился людьми, которые пришли попрощаться со своим защитником и одновременно диктатором. Тело восьмидесятивосьмилетнего Свифта лежало в кабинете и мимо него нескончаемым потоком шли люди. Они подходили к телу, останавливались, вглядывались в лицо Свифта, кто-то, постояв у тела, достал ножницы и отрезал прядь волос и спрятал у себя на груди. Шорох прошел по комнате, толпа сгрудилась, и каждый получил маленькую седую прядь. Так умер Свифт – умер «несуществующим человеком», как он себя когда-то назвал. После его похорон сгорел громадный дом при деканате, построенный еще Стерном, и на который Свифт так и не получил обещанную тысячу фунтов. Этот пожар стал заключительным аккордом в жизни Свифта. В одном из писем 1731 года Свифт пишет, что надписи на мраморе следует делать с осторожностью, ибо к ним нельзя приложить список опечаток или внести исправление во второе издание. Поэтому Свифт сам сочинил себе эпитафию и внес ее в завещание за пять лет до смерти. «Свифт спит под величайшей в истории эпитафией», скажет потом Йейтс. Каждое слово в ней тщательно взвешено и отобрано, это вызов всему, с чем боролся Свифт при жизни, он, не победивший, но и не побежденный – таким должны запомнить его потомки.

Здесь покоится тело Джонатана Свифта,
доктора богословия, декана этого кафедрального собора,

и суровое негодование уже не раздирает здесь его сердце.
Проходи, путник, и подражай, если сможешь,
тому, кто ревностно боролся за дело мужественной свободы.

Комментарии:

134 Жена этого Пинкилгтона втерлась в дом к Свифту, а затем привела и мужа Мэтью, который впоследствии получил от декана должность, которой домогался. Миссис Пинкилгтон – одна из стаи коршунов и первых лживых биографов Свифта.

135 Свифт это поклонение принимал мрачно и презрительно. На вершине славы он написал стихотворение «Ирландия»:

Remove me from this land of slaves,
Where all are fools, all are knaves;
Where every knave and fool is bought,
Yet kindly sells himself for nought…

Как известно, существуют многочисленные «последние слова» Свифта, так вот по одной такой версии, когда умирающему Свифту сообщили, что вся Ирландия празднует его день рождения, он приоткрыл глаза и сказал: «Все это глупости – лучше бы не валяли дурака».

136 Удивительно пересказывают эту историю очернители Свифта. Толпа де собралась на площади перед домом декана, чтобы посмотреть затмение, а его де раздражал шум. Тогда он вышел и обманул глупых обывателей.

137 Имена эти были довольно причудливые, например, Кансерина, Стимфа-Нимфа, Пуллагоуна, Флоранелла, Стумпантеа.

138 Всего этих шапок у Свифта было три, которые он так и называл – лучшая, вторая по качеству и третья.

Уже не отступление, а заключение, касающееся привычек и характера декана Свифта

Свифт был высокого роста, смуглой кожи и с голубыми глазами, а черты выдавали суровость, гордость и бесстрашие его нрава. В молодости он был красив, а в старости выглядел благородно и внушительно, несмотря на худобу. И только перед самой смертью, когда перестал двигаться, пополнел. Он был прекрасным оратором и говорил с жаром. Бывшие министры королевы Анны жалели, что не сделали его епископом, и он не мог громить их оппонентов в палате пэров Ирландии. Характер Свифта заключал в себе противоположности – верный друг, до болезненности ранимый, а с другой стороны – равнодушный, холодный, нелюдимый. Его нрав многолик - от пророческого гнева до холодного презрения. Свифт не любил эмоциональную составляющую, считая ее фальшью. Одному молодому священнику, который думал, что возбуждает своих прихожан проповедями, он посоветовал пользоваться этим как можно реже. Некоторые

биографы увидели в нем первого человека XX века, а именно преобладание рационального над эмоциональным. Хотя обычный штамп – это то, что Свифт человек бурного XVII века, случайно родившийся позже. Много говорят о мизантропии Свифта, я выше объяснил, какого рода она была. Сам он писал Попу (возможно, в шутку) что у него собран материал для трактата, что человек вовсе не animal rationale, а всего лишь rationis capax, а Болингброку, что хотел бы, чтобы тот вернулся назад в изгнание и писал, как раньше, человеконенавистнические письма. Свифт говорил, чтобы его мизантропию не приписывали возрасту, он с юности ненавидел людей.

Всю свою жизнь он прожил по четко составленным в ранней молодости правилам. Его жизнь – своего рода произведение искусства. Один раз, сидя в своей комнате без гроша, Свифт-студент увидел в окно комнаты матроса, который искал чью-то квартиру. Ему пришло в голову, что, может быть, этот матрос несет ему весточку от кузена Уиллоби из Португалии. Только его посетила эта мысль – дверь открылась, и матрос вручил ему большой набитый кошелек именно от его кузена! Свифт так обрадовался, что решил поделиться сокровищем с посланником, но честный моряк отказался. С этого времени Свифт, решил больше никогда не допускать случая, так впадать в нищету и до конца жизни вел счет всем своим расходам. По этим точным записям мы можем даже определить кое-какие факты из его биографии. Во время своего пятилетнего пребывания в Лондоне Свифт культивирует в себе качества добропорядочного буржуа – это своего рода игра, театр для самого себя. Но, начав играть однажды, Свифт играл всю жизнь роль исключительно практического человека. В его дневнике с умилительной точностью сообщается, сколько он истратил каждый день – уголь для камина, обед, проигрыш в карты (23 шиллинга за год!), новый парик (три гинеи! Свифт разорен!). Свифт утром питается молочной кашей – «Я ее ненавижу! Но это дешево». И тут еще эта страсть к книгам – 48 шиллингов за Лукиана, 25 шиллингов - Страбон и Аристофан, а кроме этого два пришлось отдать извозчику! Свифт постоянно жалуется на извозчиков, из-за скверного лондонского климата он не может ходить пешком. А ведь, стоило бы ему заикнуться, и у него была бы собственная карета. Этот практический буржуа приходит в отчаяние от потери шиллинга и одновременно вершит судьбами государств и карьерой герцогов! Но практический человек на то и практический, чтобы разбогатеть. В Лондоне Свифт встретился со своим школьным товарищем Стэнфордом – богатым коммерсантом из Сити. Свифт долго раздумывает и решается на сложную и глубокомысленную финансовую операцию с акциями Английского банка. Стэнфорд купил для него акций на 300 фунтов, а Свифт уплатил ему процент за ссуду в 30 шиллингов, а через неделю, когда акции поднялись, заработал пять фунтов! Свифт очень гордился этой операцией. Ему было невдомек, что Стэнфорд, ворочающий огромными суммами, заработал на информации, полученной от Свифта, гораздо больше, получив к тому же и 30 шиллингов процента. Свифт искренне был уверен, что он осторожный, подозрительный и практический человек. Ему и в голову не могло придти, что любой непрактический человек на его месте сделал бы себе крупное состояние. Любой биржевик заплатил бы ему тысячу только за информацию об изменении политической ситуации и о ближайших планах правительства, а он берет ссуду, платит проценты и зарабатывает пять фунтов! В старости же эта привычка к экономии, превратилась во что-то, схожее со скупостью. У Свифта был близкий друг – Томас Шеридан, отец его биографа и дед знаменитого драматурга. Именно у него в доме Свифт написал «Гулливера» и «Письма Суконщика»,

однако, когда в 1735 году тот по дружески упрекнул Свифта в скаредности, тот обиделся. Через некоторое время Шеридану через третьих лиц было объявлено, что он является нежелательной особой в доме декана, а Свифт в это время пишет Попу: «Я выставил своего вице-короля, потому что у него слишком длинные руки». Однако, экономя на себе, Свифт тратил часть своего дохода на благотворительность и всегда при себе носил мелочь для раздачи, но никогда не давал милостыню тем, кто, по его мнению, обманывал, а только тем, кто именно нуждался. Шеридан, видимо, попенял Свифту на слишком скудные обеды и вино. Когда кто-то собирался обедать у Свифта, он пожимал плечами с таким видом, как будто говорил: «Вы хотите меня разорить!». Свифт даже любил обыгрывать свою нарочитую скупость. Однажды в Лондоне, зная о такой черте Свифта, Поп и Гей пришли к нему, пообедав. «Эге, джентльмены, что означает ваш визит? Неужели вы покинули благородные салоны ради бедного декана? Ну уж, поскольку вы пришли, придется угостить вас ужином!» – «Позвольте, декан, мы уже ужинали» - «Неужели?! Ведь нет еще восьми часов. Но, если бы вы пришли на голодный желудок, мне пришлось бы вас угощать, а я не богат. Так, подумаем... Пришлось бы разориться на пару омаров, это приличное угощение – два шиллинга, кусок пирога – шиллинг, да еще бутылка вина» - «Честное слово, декан, мы предпочитаем говорить с вами, а не пить вино!»- «Итак, бутылка вина - два шиллинга, итого - два с половиной на брата. Держите, Поп, – это ваша доля, а вот вам, Гей. Я не собираюсь экономить на своих друзьях!» Поп, рассказавший эту историю, говорит, что Свифт таки заставил их взять деньги, как они не сопротивлялись. А вот еще один случай на обеде, рассказанный Шериданом:

«После ужина настоятель, выпив вина, слил остатки из бутылки в стакан и, видя, что они мутные, протянул стакан мистеру Пилкингтону и предложил выпить. «Знаете ли, - сказал он, - дрянное вино за меня всегда допивает какой-нибудь бедный священник». Мистер Пилкингтон поблагодарил его в том же тоне и сказал, что «не видит тут разницы, но в любом случае рад принять этот стакан». «В таком случае, - сказал настоятель, - не надо, я выпью его сам. Вы, черт возьми, умней ничтожного священника, которого я несколько дней назад пригласил к обеду; когда я обратился к нему с этими же словами, он заявил, что не понимает такого обхождения, и ушел, не пообедав. По этому признаку я определил, что он чурбан, и сказал человеку, который рекомендовал его мне, что не желаю иметь с ним дела».

«Громадная библиотека всегда наводит меня на грустные размышления: величайший автор стоит в такой же тесноте и так же неотличим от остальных, как какой-нибудь привратник во время коронации», - говорил Свифт. Сейчас стало модным обзывать Великобританию Мелкобританией, так вот этим умникам я хочу сказать, что Мелкобритания – Little Britain – это улица в Лондоне, где во времена Свифта находились книжные магазины, и где он сам покупал книги. Свифт писал еще в молодости своему кузену, что никто никогда не заставит его тратить время на философию. В одном свифтовском письме из Лондона, я прочитал, что он дал протекцию философу Джорджу Беркли и познакомил его с дальним родственником - лордом Беркли. Свифт похвалил Беркли, но заметил, что его философия слишком умозрительна. Возможно, здесь и заключен ответ. Эту догадку также может дополнить один случай, который произошел 18 февраля 1685 года в здании университета в Дублине, где проходил экзамен по логике на звание бакалавра. Я о нем рассказал выше, со слов Тэна. Студент Свифт уже один раз

провалил экзамен, но с упрямством пришел опять, не открыв ни одной книги по логике. Эти книги, написанные средневековыми схоластами Смиглезиусом и Бургерсдициусом, его раздражали. Свифт был логиком-реалистом, учился чему хотел и не желал тратить время на бессмысленную зубрежку. Свифт всю жизнь не выносил математику, что и отразилось в сатирах в «Путешествиях Гулливера». Кроме математики, здесь осмеяны и философы – по большей части, Декарт. В других сочинениях Свифт направляет стрелы в Гоббса и Толанда, которых терпеть не мог из-за их атеизма. Локка Свифт ненавидел из-за его социальной философии, где бедняки и нищие являлись необходимой составной частью общества. Свифтовой сатиры не избежал даже сэр Исаак Ньютон. Причиной недоброжелательства к Ньютону явилось то, что Свифт не мог простить ему поддержку аферы Вуда. Тот портной, что измерял с помощью циркуля и транспортира рост Гулливера и принес неподходящий по размеру костюм – Ньютон. Известно, что Ньютон измерил расстояние от Земли до Солнца, но издатель приписал еще один ноль - и расстояние увеличилось в десять раз. Идея хлопальщиков в Лапуту – тоже намек на рассеянность Ньютона. Декан говорил Драйдену Свифту, что «сэр Исаак Ньютон был самым неприятным собеседником на свете, и что, когда ему задавали вопрос, он, прежде чем ответить, крутил и вертел его в своем мозгу». Говоря так, Свифт очерчивал над своей головой круги. Кроме того, декан рассказывал, что слуга Ньютона один раз пришел звать его на обед. Позвав раз, он подождал, затем вернулся и застал Ньютона в библиотеке, стоящим на лестнице с книгой в левой руке, подперев голову правой. Он так был поглощен своими размышлениями, что слуга, трижды обратившись к нему, был вынужден начать трясти лестницу. Если для одних подобный факт - признак гениального и глубокого ума, у реалиста Свифта он сходит за ненормальность. Нужно еще принять во внимание, что сам Свифт был блестящим собеседником и мог подстроиться под любую компанию, мог сочинять каламбуры на случай, любил играть словами и знал множество анекдотов. Об этом свифтовом качестве ходит множество историй. Например, одна дама мантией смахнула кремонскую скрипку, на что Свифт тут же привел стих Вергилия:

Mantua, vae! Miserae nimium vicina Cremonae.

Человеку, потерявшему очки, он тоже ответил фразой Вергилия: «Nocte pluit tota, redeunt spectacular mane» (игра слов на латыни и английском очки - spectacles). Один раз, прогуливаясь с друзьями по саду, и видя, что хозяин не намерен угощать их фруктами, он сорвал сам, сказав прибаутку своей бабушки:

Allways pull a peach
Whenn it is in your reach

А когда приятель, с которым он совершал конную прогулку, упал в лужу:

The more dirt,
The less hurt.

Однажды гостям Свифта был подан бифштекс. Свифт взглянул на него и велел позвать кухарку. «Бифштекс пережарен, заберите его на кухню и устройте так, чтобы он был

зажарен в меру» - «Но ведь это невозможно, ваше преосвященство, если бы он был недожарен...», заикаясь от испуга, пробормотала кухарка. «Так вот, моя милая, если уж вам суждено делать ошибки, делайте те, что поддаются исправлению: сервируйте ваши бифштексы недожаренными!» Благодаря этому, многие специально искали его общества, и он был желанным гостем в любой компании. Если, старея, Свифт часто повторялся и забывался, все равно он был приятным собеседником. Граф Оррери рассказывал, что чувство юмора – это последнее, чего лишился Свифт из-за своей болезни. Единственный его недостаток в том, что, привыкнув владеть разговором, он тут же замолкал, если кто-то говорил фразу не к месту. В других сочинениях Свифта досталось многим философам, длинный ряд которых нет смысла перечислять. Однако это говорит, что он был знаком с их системами. Близкий друг Свифта, эрудит Арбетнот, осудил «Путешествие в Лапуту» как сатиру на науку (кроме Ньютона там досталось и Кеплеру), но эта сатира скорее на извращения в науке и научные ошибки, чем на саму науку. Причину такого отношения к естественным наукам можно отыскать в Дублинском университете, где преподавались они из рук вон плохо. Поэтому у Свифта был репетитор Сент-Джордж Эш, ставший впоследствии и его другом. Этот Эш состоял в Дублинском философском обществе, которое объединяло дилетантов в науке, любителей-экспериментаторов. Но эксперименты этого общества выглядели жалко и комично, а посему привили Свифту ироничное отношение к естественным наукам. И Эш, произнесший речь против насмешников над экспериментами общества, удивился бы, если бы узнал, что анонимные сатирические сочинения принадлежат перу его друга и ученика.

Свой день рождения Свифт никогда не отмечал, разве только из-за Стеллы. Он или не помнил о нем совсем, или читал в этот день книгу Иова. В своей жизни Свифт смеялся лишь дважды. Второй раз это случилось на представлении «Тома Тама» Филдинга. Свифт был знаком с его отцом, а сам Филдинг, между прочим, выпустил «Тома Тама» под именем Скриблерус Секундус. Роднил их и любимый Лукиан. Кроме него Свифт ценил Эразма и Рабле[139]. В XVII в. ему был близок по духу Ларошфуко - «Себялюбие не только лежит в основе всех наших поступков, но и является единственным источником нашего горя».

У него было множество странных привычек: например, ложась спать, он всегда тянул одеяло левой рукой, отказывался носить очки, не подписывал письма, не брал ни копейки за свои сочинения. Свифт был абсолютно равнодушен к литературной славе. При всей его «практичности», о которой я рассказал выше, он отказался выпустить отдельной книгой номера «Экзаминера», что принесло бы ему 500 фунтов чистого дохода. Единственный случай, когда он получил деньги – это 200 фунтов за «Гулливера», но договорился с издателем об этом Поп, а не сам Свифт. Стоит заметить, что Поп получил за свой перевод Гомера 6000 только благодаря подписке, устроенной Свифтом. Он помог с подпиской на «Генриаду» и Вольтеру, который на этом сильно нагрел руки. Кстати, Вольтер, упомянул о Свифте в своих «Английских письмах»: «Свифт - это Рабле, находящийся в здравом уме и живущий в хорошем обществе. По правде говоря, у него нет той веселости, но он обладает всею тонкостью, разумом, проницательностью, хорошим вкусом, которых не хватает нашему медонскому кюре. Его стихи отличаются исключительным вкусом и почти неподражаемы, милая приятность присуща ему и в стихах, и в прозе; но, чтобы понять его как следует, нужно совершить небольшое путешествие в его страну». Вальтер

Скотт считает, что Свифт достиг совершенства во всех жанрах, за которые брался, за исключением пиндарических эссе и латинских стихов, а это большая похвала. Есть еще одно обстоятельство, которое отличает его как литератора - Свифт - оригинален, он сам говорил, что не украл ни у кого, ни одной идеи, и с этим же соглашается Самуэль Джонсон. Свифт обладал прекрасным стилем, и читать его легко, но это только на первый взгляд. Чтение Свифта – это постоянное напряжение ума, чтобы выяснить, где и что он говорит серьезно, а где иронизирует. Понять Свифта нелегко – его склад мысли слишком отличен от шаблона. Проблема еще и в том, чтоСвифта часто понимают буквально из-за совершенно серьезного языка. Он постоянно мистифицировал. Мистификации – это отказ Свифта примириться с современной ему культурой, потому что она - порождение безумия, лжи и насилия. Свифт считал, что дураки нужны писателю, но с другой стороны - «Я лучше отношусь к мошенникам, чем к дуракам, те опаснее, но эти обременительнее». Против Свифта было написано около 2000 статей с обвинениями, сам он прочитал из них несколько сотен.

Комментарии:

139 Был найден экземпляр книги Рабле, весь исписанный рукой Свифта.

Послесловие автора

Как читатель видит, я его обманул и не описал подробно смерть Свифта в соответствии с обещанием, хотя я и знаю как он умер. Я решил обойтись без убийства. Писать биографии, да еще людей, которых уважаешь – неблагодарное занятие! Ты привыкаешь к человеку, чувствуешь тоже, что и он, живешь его мыслями, становишься его другом, и заранее знаешь, что в будущем, обязательно должен убить своего героя. А потом оглядываешься назад и удивляешься: «Как же это могло случиться? Еще месяц назад он был совсем молодым!». Прочитав одно письмо Свифта, где он пишет, что обедал в кабаке «У черта», я вздрогнул. Здесь сто лет назад находилась святая святых Бена Джонсона, а на стенах остались надписи на латыни, сделанные его рукой. И Свифт мог их видеть. Сто лет! Но ведь Бен был этой осенью... Так неужели сто лет? Тяжело все это... И со Свифтом расставаться мне тяжело, и кажется, что я совсем не справился со своей задачей. Впрочем... не в этом цель. Просто теперь вы берите в руки биографии Свифта, их много, берите его сочинения, и может быть, вы отгадаете его загадку? А если и не отгадаете, то, по крайней, мере, задумаетесь над окружающей вас жизнью. Этого ведь хотел Свифт?

Приложение

Полная библиография Свифта на русском языке

Памфлеты, эссе, трактаты и т. д.

Имя на своем сочинении Свифт поставил лишь однажды, все остальное время он виртуозно пользовался масками – «Сказку бочки» написал наемный писака с Граб-стрит, «Рассуждение о неудобстве уничтожения христианства в Англии» предложил легкомысленной публике некий простодушный ревнитель веры, «Предсказания» написал

некий ученый-астролог, отдававший все свои свободные часы любимой науке, газету «Исследователь» издавал рассудительный патриот и, наконец, простой дублинский суконщик пишет Письма (с инициалами М. Б., некоторые расшифровывают это как Марк Брут), «Скромное предложение» написано от имени одного из многочисленных прожектеров. Каждая маска – шедевр, настолько Свифт умел раствориться в образе и говорить ее языком. Была полная иллюзия реальности фиктивного автора. Все сочинения Свифта раскупались с молниеносной быстротой, а затем появлялись пиратские издания. Дело в том, что авторского права в то время не существовало, и каждый мог печатать что хотел. Так, издатель дублинского собрания сочинений Свифта сам ему предложил редактировать издание, потому что помешать этому Свифт все равно никак не мог.

Немного расскажу о наиболее интересных, на мой взгляд, сочинениях, о которых я не упоминал выше. Во-первых, это «Наставление актерам». Это небольшое сочинение написано, как обычно, серьезным языком и является острым и злым памфлетом. Свифт никогда не выступал в качестве драматурга, но театром интересовался. Известно, например, что ему принадлежит сюжет и общий замысел «Оперы нищего», которые он передал Гею. Эта свифтова критика нашла продолжение в «Трагедии трагедий» Филдинга, который даже подписался под ней Скриблерусом Вторым. Во-вторых – это «Совет молодому поэту». Ну и, в-третьих, это последняя работа, неоконченная работа Свифта – «Наставление слугам».

Феминистки наложили руку и на Свифта. Я имею в виду книгу Лабутиной. Феминистки настолько ослеплены своей идеей, что тащат к себе в лагерь совершенно неподходящие для них вещи. Свифт – сторонник феминизма? Но почему же? Из-за Стеллы и Ванессы отвечают нам, он их образовывал. Да ну? Свифт хвалит и Стеллу и Ванессу почти в одинаковых выражениях - честь, достоинство, бережливость, обходительность, а главное - образование и ум. Но это потому, что идеальная женщина для Свифта – это мужчина в юбке. В поэме, посвященной Ванессе, он рассказывает историю ее рождения – Венера позаботилась о красоте и отдала Палладе, обманув ее, что это мальчик. Ум, по его мнению, – мужское качество, а что до женских, то они таковы: кокетство, суесловие, легкомыслие, тщеславие, страсть к побрякушкам и сплетням. И это поборник феминизма, который из женщин хочет сделать мужчин? Лабутина перевела даже два небольших сочинения Свифта, для подтверждения своей идеи. Что ж, почитаем ее перевод... Так... «не всякая женщина способна сохранять чистоту и изысканность. Я могу привести слова истинного джентльмена об одной глупой знатной даме. Он утверждал, что ничто не сделает ее сносной, кроме гильотины[140], поскольку ее язык раздражает слух, а ее волосы и зубы – обоняние... Я посоветовал бы Вам, чтобы дома Вас окружали по большей степени мужчины, а не женщины (в этом месте Свифт лишь процитировал Еврипида «Нет, никогда, о, никогда готова Сто раз я повторять, не должен муж, Коль разума он не лишен, гостей К жене пускать из женщин... Нехорошим Они делам научат...»). Говоря по правде, я не знаю ни одной сносной особы женского пола... Собрание дам – это школа наглости, нахальства и злословия, хуже которой ничего не придумаешь... Я испытываю мало уважения к представительницам Вашего пола. Они собираются в кружок, где развлекают себя обсуждением цен на кружева, шелк, а также нарядов, виденных ими на прихожанах в церкви или посетительницах в игорном доме. Они столь подробно изучают каждую складку платья друг друга, расточая при этом комплименты, будто благополучие целого

света зависит от покроя или цвета их нарядов... Чаще всего женщины предпочитают обсуждать с сидящей рядом соседкой, насколько тяжел новый веер... Мне хорошо известно, что те, кого считают образованными дамами, лишаются доверия из-за излишней болтливости и самомнения... Женщинам с их ветреностью недостает уравновешенности. Если женщина возомнит себя знающей, ее будуар заполнят слабоумные критики, она приобретет нахальство педанта, даже не усвоив знаний и т. д.». И это Лабутина перевела в поддержку феминизма?

1. Сказка бочки 1696-1797 (в переводе Франковского м в переводе под редакцией Дейча)
2. Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке 1697-1798
3. Правила, коих мне надлежит держаться в старости 1897 (в переводах Беккера и Ливерганта)
4. Размышления о палке от метлы, 1704 (в переводах Шерешевской и Дейча)
5. Мысли о разных предметах, до морали и забавы относящиеся 1706 -... (выборочно)
6. Рассуждения о неудобстве уничтожения христианства в Англии, 1708
7. Бумаги Бикерстаффа 1708-1709:

I. Предсказания на 1708 год
II. Исполнение первого из пророчеств мистера Бикерстаффа
III. Мистер Бикерстафф разоблачен
IV. Опровержение, написанное Исааком Бикерстаффом, эсквайром

8. Правила светской беседы. Беседа третья 1708-1710 (?), опубликована около 1738 г.
9. Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона (первая часть)1710
10. Экзаминер 1710-1711(№ 14-17, № 20, № 24, № 26, № 44)
11. Тэтлер №5 1711
12. Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка 1712
13. Наставления актерам 1713 (?)
14. Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры 1720
15. Письма Суконщика 1724-1725 • Письмо I • Письмо IV
16. Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества 1727
17. Об образовании леди (?)
18. На смерть Эстер Джонсон 1728
19. Беглый взгляд на положении Ирландии 1728
20. Скромное предложение 1729
21. Истории о семье Свифтов (отрывки) 1731
22. Наставления слугам 1731-...
23. Истинный и правдивый рассказ о том, что случилось в Лондоне1732
24. Серьезный и полезный проект устройства приюта для неизлечимых 1733
25. Предложение касательно раздачи блях нищим всех приходов Дублина 1736

Письма

Свифт не любил писать письма и отвечал только на письма интересных и действительно близких ему людей. К тому же, он взял за правило не писать тем знакомым, с которыми никогда бы в будущем уже не увиделся. Но, конечно же, это правило он оставил, когда в старости уже не мог посещать друзей в Англии, а потому возможность увидеться с ними стала равна нулю. Письма, которые Свифт пишет своим друзьям в Лондон в последний период своей жизни, походят на письма Цицерона друзьям из изгнания. Биографы обвинили его даже в том, что пишет он Оксфорду и Болингброку якобы только из-за желания вспомнить свою былую значимость. В письмах он часто переходит на французский язык, однако, с орфографией и грамматикой Свифт не в ладах. То же и с английскими письмами в старости, он стал часто делать грамматические ошибки. Наступил период, когда он почему-то перестал подписываться. На самом деле, чтение его писем сильно дополняет образ Свифта, здесь он больше философ, высказывающий иногда самые неожиданные суждения о жизни. «Лицо и письма - двойники души», сказал Свифт.

1. Томасу Свифту, Мур-Парк, 3 мая 1694 г. (с 4 сокращениями)
2. Мисс Джейн, Уорингб 29 апреля 1696 г. (с 4 сокращениями)
3. Преподобному Уильяму Тиздалу, Лондон, 3 февраля 1704 г. (с 2 сокращениями)
4. Преподобному Уильяму Тиздалу, Лондон, 20 апреля 1704 г. (отрывок)
5. Джону Темплу, Дублин, 15 июня 1706 г. (с одним сокращением)
6. Амброзу Филипсу, Лондон, 10 июня 1708 г.
7. Чарльзу Форду, Лондон, 12 ноября 1708 г. (с одним сокращением)
8. Архиепископу Кингу, Лондон, 6 января 1709 г. (с 4 сокращениями)
9. Роберту Хантеру, Лондон, 12 января 1709 г. (с 4 сокращениями)
10. Чарльзу Форду, 8 марта 1709 г. (с одним сокращением)
11. Лорду Галифаксу, Лестер, 13 июня 1709 г.
12. Декану Стерну, Лондон, 26 сентября 1710 (с 2 сокращениями)
13. Графу Питерборо, 4 мая 1711 г. (с 3 сокращениями)
14. Архиепископу Кингу, Виндзор,1октября 1711 г. (с 2 сокращениями)
15. Мисс Анне Лонг, Лондон, 18 декабря 1711 г. (с 2 сокращениями)
16. Эстер Ваномри, 18 декабря 1711 г.
17. Эстер Ваномри, 1 августа 1712 г.
18. Эстер Ваномри, Виндзорский замок,15 августа 1712 г.
19. Эстер Ваномри, Виндзорский замок, 3 сентября 1712 г.
20. Эстер Ваномри, 28 сентября 1712 г.
21. Джозефу Аддисону, 13 мая 1713 г.
22. Эстер Ваномри, 31 мая 1713 г.
23. Эстер Ваномри, Честер 6 июня 1713 г.
24. Эстер Ваномри, Ларакор 8 июля 1713 г.
25. Эстер Ваномри, Верхний Леткомб близ Уонтейджа а Беркшире, 8 июня 1714 г.
26. Архидиакону Уоллсу, 11 июня 1714 г. (с 2 сокращениями)
27. Джону Арбетноту, 16 июня 1714 г. (с одним сокращением)
28. Графу Оксфорду, 3 июля 1714 г.
29. Эстер Ваномри, 8 июля 1714 г.
30. Эстер Ваномри, 1 августа 1714 г.
31. Эстер Ваномри, 12 августа 1714 г.
32. Чарльзу Форду, Дублин, сентябрь 1714 г. (с 2 сокращениями)

33. Виконту Болингброку, Дублин, 14 сентября 1714 г. (с 2 сокращениями)
34. Эстер Ваномри, 5 ноября 1714 г.
35. Эстер Ваномри, ? ноябрь 1714 г.
36. Эстер Ваномри, ? конец 1714 г.
37. Эстер Ваномри, ? 27 декабря 1714 г.
38. Графу Оксфорду, 19 февраля 1715 г. (отрывок)
39. Мэтью Прайору, Дублин, 1 марта 1715 г. (с одним сокращением)
40. Александру Попу, Дублин, 28 июня 1715 г. (с одним сокращением)
41. Графу Оксфорду, 19 июля 1715 г.
42. Александру Попу, 30 августа 1716 г. (с 2 сокращениями)
43. Эстер Ваномри, ? декабрь 1716 г.
44. Найтли Четвуду, Дублин 2 сентября 1718 г. (с 3 сокращениями)
45. Чарльзу Форду, Дублин, 6 января 1719 г.
46. Виконту Болингброку, май 1719 г. (с 2 сокращениями)
47. Эстер Ваномри, 12 мая0 1719 г.
48. Чарльзу Форду, Дублин, 8 декабря 1719 г. (с одним сокращением)
49. Виконту Болингброку, 19 декабря 1719 г. (с 4 сокращениями)
50. Эстер Ваномри, ? 1720 г.
51. Роберту Коупу, Дублин, 26 мая 1920 г. (с 5 сокращениями)
52. Эстер Ваномри, ? 13 или 20 июля 1720 г.
53. Эстер Ваномри, 4 августа 1720 г.
54. Эстер Ваномри, 12 августа 1720 г.
55. Эстер Ваномри, 15 октября 1720 г.
56. Александру Попу, 10 января 1721 г. (с пятью сокращениями)
57. Эстер Ваномри, ? 27 февраля 1721 г.
58. Эстер Ваномри, ? 1 июня 1721 г.
59. Эстер Ваномри, Галластаун, близь Киннегада, 5 июля 1721 г.
60. Эстер Ваномри, Клогер, 1 июня 1722 г.
61. Эстер Ваномри, Лох-Гэлл, графство Арма, 13 июля 1722 г.
62. Эстер Ваномри, 7 августа 1722 г.
63. Джону Гею, Дублин, 8 января, 1723 г. (с 2 сокращениями)
64. Александру Попу, Дублин, 20 сентября 1723
65. Чарльзу Форду, Дублин, 19 января 1924 г. (с 2 сокращениями)
66. Найтли Четвуду, 27 мая 1725 г. (с одним сокращением)
67. Томасу Шеридану, 25 [июня] 1725 г. (с 3 сокращениями)
68. Томасу Тикеллу, 19 июля 1725 г. (с одним сокращением)
69. Томасу Шеридану, Килка, 11 сентября 1725 г. (с 3 сокращениями)
70. Александру Попу, 29 сентября 1725 г. (с 3 сокращениями)
71. Лорду Питерборо, 28 апреля 1726 г.
72. Джону Уорэлу, Лондон 15 июля 1726 г. (отрывок)
73. Александру Попу, Дублин, 26 ноября 1726 г. (с 4 сокращениями)
74. Джеймсу Стопфорду, Твикенхем, близ Лондона, 20 июля 1726 г. (с 3 сокращениями)
75. Миссис Говард, Дублин, 27 ноября 1726 г. (с 2 сокращениями)
76. Александру Попу, Дублин, [27] ноября 1726 (с 2 сокращениями)
77. Миссис Говард от Лэмюэля Гулливера, Ньюарк, что в Ноттингемшире, 28 ноября 1726 г.

78. Король Лилипутии – Стелле, 11 марта 1727 г.
79. Аббату Дефонтену, июль 1727 г. (с одним сокращением)
80. Джону Гею и Александру Попу, Дублин, 23 ноября1727 г. (с 2 сокращениями)
81. Миссис Мур, Дом настоятеля, 7 декабря 1727 г.
82. Бенджамину Мотте, Дублин, 28 декабря 1727 г. (с 2 сокращениями)
83. Александру Попу, Дублин, 10 мая 1728 г.
84. Александру Попу, 16 июня 1728 г. (с одним сокращением)
85. Александру Попу, марта 1729 г. (с 2 сокращениями)
86. Виконту Болингброку и Александру Попу, Дублин, 5 апреля 1729 г. (с 2 сокращениями)
87. Джону Гею, Дублин, 20 ноября 1729 г. (с 2 сокращениями)
88. Виконту Болингброку, Дублин, 21 марта 1730 г. (с одним сокращением)
89. Миссис Говард, Дублин, 21 ноября 1730 г. (с 2 сокращениями)
90. Александру Попу, Дублин, 15 января 1731 г. (с 2 сокращениями)
91. Найтли Четвуду, 28 апреля 1731 г. (с 2 сокращениями)
92. Джону Гею, 1 декабря 1731 г. (с 2 сокращениями)
93. Преподобному Генри Дженни, Дублин, 8 июня 1732 г. (с 2 сокращениями)
94. Александру Попу, Дублин, 12 июня 1732 г.
95. Настоятелю Брандрету, [30 июня 1732 г.] (с 2 сокращениями)
96. Чарльзу Вогану,]июль – 2 августа 1732 г.] (с 6 сокращениями)
97. Александру Попу, январь 1733 г. (отрывок)
98. Герцогине Куинсберри, 23 марта 1733 г. (с 2 сокращениями)
99. Александру Попу, Дублин, 8 июля 1733 г. (с 2 сокращениями)
100. Чарльзу Форду, Дублин, 20 ноября 1733 г. (с 2 сокращениями)
101. Герцогу Дорсетскому, январь 1734 г.
102. Графу Оксфорду, Дублин, 30 августа 1734 г. (с 2 сокращениями)
103. Александру Попу, 1 ноября 1734 г. (с 3 сокращениями)
104. Миссис Пендарвес, Дублин, 22 февраля 1735 г. (с одним сокращением)
105. Уильяму Пултни, Дублин, 8 марта 1735 г. (с 2 сокращениями)
106. Лорду Оррери, 17 июля 1735 г. (с 2 сокращениями)
107. Александру Попу, 21 октября 1735 г. (с одним сокращением)
108. Лорду Оррери, 13 января 1736 г.
109. Александру Попу, 7 февраля 1736 г. (с 3 сокращениями)
110. Чарльзу Форду, 22 июня 1736 г. (с 2 сокращениями)
111. Александру Попу, 9 февраля 1737 г. (с одним сокращением)
112. Уильяму Пултни, 7 марта 1737 г. (с 3 сокращениями)
113. Александру Попу, [июнь] 1737 г. (с 4 сокращениями)
114. Эразмусу Льюису, 23 июля 1737 г. (с одним сокращением)
115. Джорджу Фолкнеру, 8 марта 1738 г.
116. Джону Николсу, 14 марта 1738 г.
117. Джорджу Фолкнеру, 31 августа 1738 г.
118. Миссис Уйтвей, 3 октября 1738 г.
119. Преподобному Джеймсу Кингу, утро понедельника 1739 г.
120. Джорджу Фолкнеру, 4 декабря 1739 г.
121. Миссис Уйтвей, 31 декабря 1739 г. (с одним сокращением)

122. Миссис Уйтвей, 29 апреля 1740 г.
123. Миссис Уйтвей, 26 июля 1740 г.

Дневник для Стеллы

Об этом сборнике писем в виде дневника следует сказать особо. Здесь перед нами совсем иной Свифт – интимный, иногда неуклюжий, нежный, а главное, откровенный. Эти письма были сугубо личными и не предназначались к печати. Впервые публика узнала о них из книги Дина Свифта, где приводились отрывки. В распоряжении Дина Свифта было 39 писем (со 2 по 40). Часть писем нашлась у Джона Хоксворта, ему их передал Лайон - 26 писем (первое и 41-65). Оригиналы этих писем, кроме 54 сохранились. Итого мы имеем 65 писем, правда, только 25 оригиналов. Кроме этих 65 сохранилось еще только три письма Свифта к Эстер Джонсон. Эти письма были частично зашифрованы. Здесь много помарок, вычеркиваний, клякс. Это дало повод французскому исследователю Эмилю Понсу предположить, что все эти знаки составляют значимую часть текста, и могла понимать их только Стелла. Во-вторых, эти письма написаны на особом языке, подражающем детской речи, поэтому о смысле некоторых слов приходится только догадываться. Есть здесь и множество буквенных сокращений, смысл которых неясен. Например, вместо pocket у него pottik, вместо girl – dallar, или даже вместо our little language у Свифта ourrichar gangridge. В течение почти тысячи дней пишет Свифт Стелле каждый день, за небольшими исключениями. Все эти письма создали захватывающую книгу, которую никто не писал, и она, однако, вместе с «Гулливером» вошла в золотой фонд мировой литературы. Левидов даже пишет, что внутренний диалог в этой книге таков, что «Исповедь» Руссо, кажется вялой диссертацией на соискание премии. Я, конечно, не могу с этим согласиться, поскольку очень люблю Руссо, но «Дневник», все же, - удивительная книга. С одной стороны, без нее биографам было бы легче, потому что она вскрывает совершенно неожиданные черты характера Свифта, а с другой - каждый черпает из нее свои аргументы. Если бы кому-нибудь из близких знакомых Свифта, пришлось прочесть страницы из «Дневника», то их удивление граничило бы с потрясением. Но в этом же «Дневнике» есть одна фраза – «Другой я», может быть, в этом ответ? И потом в этом дневнике подробно описана его бурная жизнь в знаменитое пятилетие. Дневник не охватывает весь период, но наиболее важную его часть. Я же в биографии Свифта почти опустил это время, просто оттого, что не знал, что делать с таким громадным количеством фактов.

Поэзия

«Племянник Свифт, ты никогда не станешь поэтом», - сказал Драйден своему родственнику. Мог ли Драйден представить себе, когда произносил эти слова, что этот молодой человек станет более известным литератором, чем он сам? Свифт, впрочем, ему отомстил в «Битве книг». Здесь Вергилий вызывает Драйдена на поединок, но в ужасе шарахается - когда тот снял шлем, то под громадным шлемом показалась непропорционально маленькая голова. Теккерей с горечью замечает, что Джонсону пришлось признать Свифта поэтом. На Свифта как на поэта оказал влияние Каули, введший в моду пиндарические оды. Этот поэт, о котором сейчас известно только

специалистам, был тогда так знаменит, что даже суровый Милтон приравнял его гений к Шекспиру. Поэтому и Свифт начал писать пиндарические оды, от которых нам дошло всего четыре - «К Уильяму Сэнкрофту, архиепископу Кентерберийскому», «К королю Вильгельму», «К сэру Уильяму Темплу», «К Афинскому обществу». Но очень быстро Свифт разочаровался в поэзии, призвав свою Музу, чтобы поговорить, и на ее призыв «воспарить», он вдруг называет ее «бродячим зловонием». Свифт заявляет, что дух поэзии обволакивает спящий разум и исчезает, при его пробуждении. Поэзию он считает пошлостью для дураков, их жалким прибежищем, укрытием в спасительную нудность. Рецепты Музы – высокопарная болтовня: в жизни они оборачиваются самодовольным слабоумием. Таким образом, в двадцать шесть лет Свифт отказывается от поэтического мировоззрения, а Музу уничтожает:

> And since thy essence on my breath depends,
> Thus with a puff the whole delusion ends.

Писал стихи он утром – «2 часа драгоценного времени». Почти всегда вслед за своим прозаическим сочинением Свифт писал и стихотворное на туже тему. А всего он написал около 200 стихотворений и поэм. Почти каждый день он за ужином забавлялся сочинением стихов, которые утром сжигал. Свифт, как поэт, для Ирландии значит больше чем Шекспир для Англии или Бернс для Шотландии, ведь ирландцы сделали его день рождения своим главным национальным праздником!

1. Описание утра 1709
2. Описание ливня в городе 1710
3. Кадениус и Ванесса
4. Строки, написанные экспромтом и обращенные к врачу мистера Гарли, получившего колотую рану 1711
5. Дома и за порогом. Эпиграмма («Однажды наш Томас...», «С дубиною жена ополчилась на Тома», «Жена кочергой замахнулась на Тома») 1712 ? в переводах Квятковской, Фельдмана и Ливенгарта
6. На одре болезни 1714
7. День рождения Стеллы 1719
8. Стелле, посетившей меня в моей болезни 1720
9. Стелле, собравшей и переписавшей стихотворения автора 1720
10. Путь поэзии 1720
11. День рождения Стеллы 1721
12. Стелле ко дню рождения
13. Сатирическая элегия на смерть знаменитого генерала 1722 в переводах Топорова и Ливерганта
14. Слон, или Член парламента 1722 (?)
15. День рождения Стеллы 1723
16. Новогодний подарок Бекке 1724
17. Стелле 1724
18. День рождения Стеллы 1725
19. Рецепт, как Стелле помолодеть 1725

20. Смышленый Том Клинч по дороге на виселицу 1726
21. День рождения Бекки 1726
22. Надпись на ошейнике миссис Дингли 1726
23. Элегия на смерть Тигры 1727
24. День рождения Стеллы 1727
25. Могущество времени 1727
26. Ирландскому клубу 1730
27. Чертова обитель 1731
28. Стихи на смерть доктора Свифта 1731-32 (с вычетом 38 строк)
29. Иуда 1732
30. Судный день 1732 или 33
31. О поэзии. Рапсодия (с сокращениями)
32. Басня о Мидасе
33. Преображение красоты
34. Дамский будуар
35. Смиренное признание священника
36. Двенадцать эпиграмм для леди Ачесон
37. На свою глухоту
38. Лесть
39. На анонимные произведения
40. На перевод Лонгина, выполненный Карти
41. а перевод Горация, выполненный Карти
42. На Карти
43. На Карти-Минотавра, переводчика Горация
44. И на блохах есть блошки
45. «Я думаю ума достанет Грину...»
46. Эпиграмма «По-свойски обходится Марджери с Биллом...»
47. Эпиграмма «Колотит Неда Джейн, хоть драться тот мастак...»
48. Эпиграмма «Ну льзя ль, в ком есть ума хоть мало...»
49. Эпитафия доктору Томасу Шеридану
50. Эпиграмма по поводу весьма старого зеркала, выставленного на Макет-Хилл
51. Эпиграмма на леди Оф Бурмо, которая весьма и весьма хвалила доктору Свифту своего мужа
52. Надпись на окне Честерской церкви
53. Последняя эпиграмма. На постройку арсенала (в переводах Витковского и Калашниковой - Хинкиса)

А теперь о книгах. Собственно №11[141] заявлено как первое в России собрание сочинений Свифта, но, на самом деле, это всего лишь перепечатка №5 и №8. Эти два издания дополняются №3 и №10, в остальных по одному-двум сочинениям Свифта, а в №13 лишь другой перевод. Я включил в список также три биографии Свифта, потому, что в них цитируются некоторые письма, а в №2 даже полностью переведены «Размышления о метле».

1. Свифт Дж. «Сказка о бочке» М. «Огонек» 1930

2. А. И. Дейч и Е. Д. Зозуля «Свифт» М. «Журнально-газетное объединение» 1933
3. Свифт Дж. «Памфлеты» М. «ГИХЛ» 1955
4. В. Муравьев «Джонатан Свифт» «Просвещение» 1968
5. Свифт Дж. «Дневник для Стеллы» М. «Наука» 1981
6. Левидов М. «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях» М. «Книга» 1986
7. «Англия в памфлете» М. «Прогресс» 1987
8. Дж. Свифт «Избранное» Л. «Художественная литература» 1987
9. Прекрасное пленяет навсегда Из английской поэзии XVIII-XIX веков М. Московский рабочий 1988
10. Свифт Дж. «Письма» М. «Текст» 2000
11. Свифт Дж. «Собрание сочинений» тома I-III М. «Терра» 2000
12. Лабутина Т. Л. «Воспитание и образование англичанки в XVII веке» СПб. «Алетейя» 2001
13. Свифт Дж. «Путешествия Лемюэля Гулливера» СпБ. «ВИТА-НОВА» 2005
14. «В Англии все наоборот. Антология английского юмора» М. Б. С. Г. -Пресс 2007
15. «Семь веков английской поэзии» Книга 1 М. «Водолей Publishers» 2007
16. «Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза 18 века» М. НЛО 2009

Мне хотелось бы еще упомянуть о сценарии Горина «Дом, который построил Свифт» и фильме, снятом Захаровым. Фильм и сценарий немного отличаются. Фамилия доктора, которого играет Абдулов – Симпсон – это имя родственника Гулливера, как мы помним, а из Ноттингемшира, он потому что там родился Гулливер. Слуга Патрик тоже имеет прототип – слугу с таким именем Свифт привез в Лондон. Это был неуклюжий, простодушный детина, пьяница, с которым у Свифта было много проблем и, в конце концов, он его прогнал. Патрик то запирал Свифта на ключ и уходил гулять, то терял ключ от шкатулки с деньгами, то вообще проподал, пьянствуя по лондонским кабакам, не убирался в комнате, и Свифту приходилось принимать посетителей в беспорядке, то куда-то девал парик. Единственным его достоинством было то, что хорошо выпроваживал посетителей. И при всем при том он обладал добродушным характером. Однажды он вбил себе в голову желание купить канарейку и стал откладывать деньги с жалования. Свифт пытался его отговорить, убеждая, что канарейка все равно умрет. Патрик слушал и молчал. В конце-концов, однажды, вернувшись домой, Свифт застал своего слугу хлопотавшим возле птичей клетки. Судьба Патрика в Лондоне видимо не сложилась, потому что он приходил проситься к Свифту обратно. К тому времени Свифт имел слугу-англичанина, не так ловко выпроваживающего посетителей, как Патрик, но зато более аккуратного. Я был очень удивлен, встретив в фильме буквальные цитаты из биографий Свифта на русском языке, которые я читал. Что ж поделать? Мы с Гориным читали одни и те же книги. Но удивляет также и то, что без знания этих биографий их невозможно понять! Например, в одной сцене Янковский слышит голос Болингброка, это значит, что зритель должен хорошо знать, кто и когда сказал Свифту эти слова. Я считаю и сценарий, и фильм неудачными, хотя Горин постарался в ограниченном пространстве описать как можно больше из жизни Свифта. Во-первых, интерпретация «Гулливера» кажется мне не соответствующей замыслу Свифта и несколько примитивной. Во-вторых, Стелла и Ванесса в виде Марты Уайтвей... Особенно мне не понравилась последняя сцена, я ожидал

увидеть пожар дома, вместо этого - Абдулов, сидящий за столом Свифта, – видимо, олицетворение Оррери или Дина Свифта. Постоянное молчание Свифта надоедает, а иногда оно вообще не к месту, как, например, в сцене убийства полицейского. Есть удачные находки, но их немного. Я думаю, это случилось, оттого, что найти серьезную идею и обработать ее на материале несерьезного Мюнхгаузена было легче, чем пытаться втиснуть в понятные клише такую громаду, как Свифт. Однако я благодарен Горину и Захарову за то, что они создали такую доступную для всех «биографию» Свифта. Все люди, с которыми я разговаривал о Свифте, отзывались о нем с уважением. И я думаю, что причиной этому явился как раз фильм Захарова.

Комментарии:

140 Это слово я оставляю на совести Лабутиной, поскольку сама гильотина и слово, ее обозначающее появились спустя полвека после смерти декана.

141 Недавно вышло уже второе издание.